

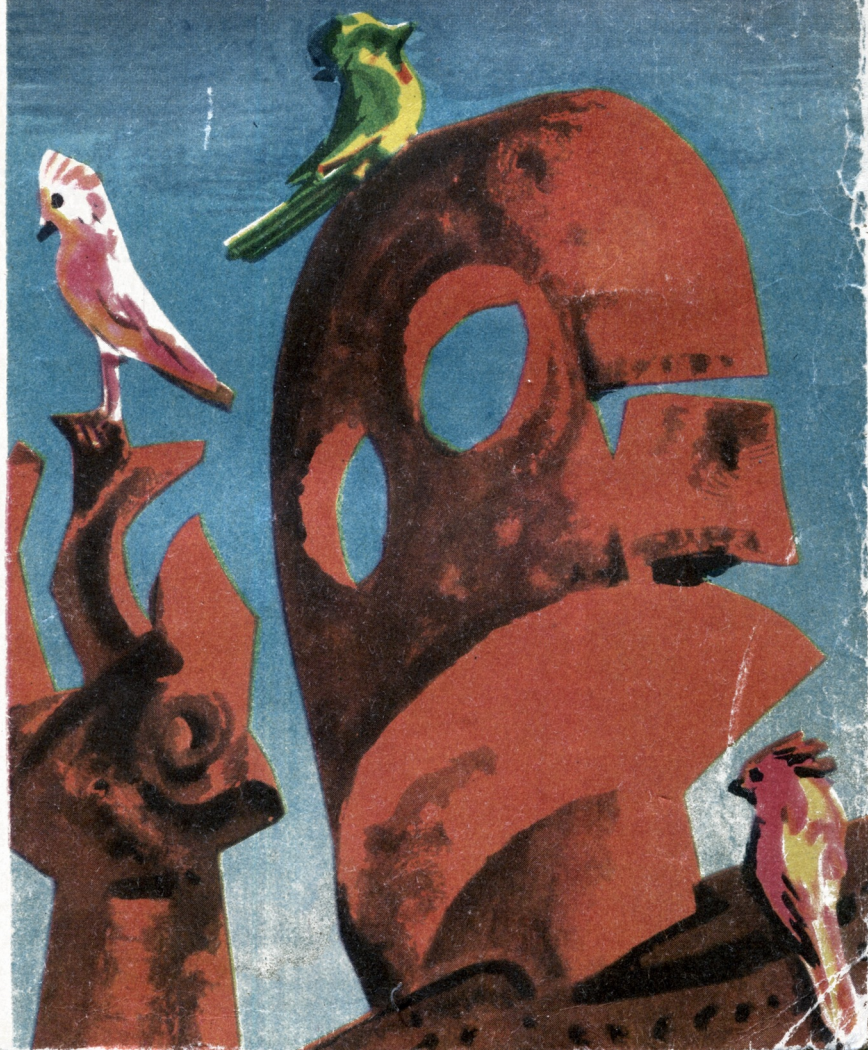
3
969

Искатель

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ФАНТАСТИКА ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

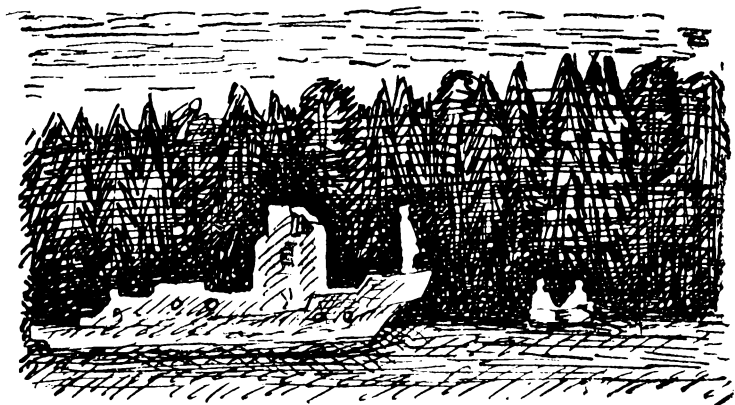
СОДЕРЖАНИЕ :

Р. ЯРОВ — Ветер с вершин . . .	2
Уильям ТЕНН — Срок авансом . .	17
М. АФРЕМОВА — Болота осушающий	44
Конрад ФИАЛКОВСКИЙ — Меня зовут Мольнар	84
С. ЖЕМАЙТИС — Остров забытых роботов	113
Редьярд КИПЛИНГ — Умный Апис .	146

№ **3** (51)

1969

ДЕВЯТЫЙ
ГОД
ИЗДАНИЯ

Р. ЯРОВ

Ветер с вершин

Научно-фантастический рассказ

Каюта по размерам походила на купе железнодорожного вагона: только на уровне верхних полок здесь был потолок, а вместо одного центрального окна — два иллюминатора почти над самой водой.

Ромадину надоело сидеть в тесной камерке, где пахло от близости двигателя разогретым маслом и металлом. Он поднялся, вышел на палубу. Темный-темный лес, вода плещется у самого его края, захлестывая корни отдельных деревьев. С тех пор как выехали из города, ни дымка, ни избушки, ни причала. Река, которая не может не вызвать мысли о мощи стихийных сил, и дорога по ней, как дорога по вселенной, — ни конца, ни начала, ни жилищ, ни машин, ни людей...

Шум мотора прекратился внезапно, и катер сразу закачало на волнах. Из рубки вылез моторист в замасленной клетчатой рубашке.

— Тропинку видишь? Прямо по ней — часа через полтора будешь на месте.

Ромадин пригляделся. Нет, просвета в этой приближающейся темно-зеленой стене не видно.

— Как вы различаете тропинку? — спросил он удивленно.

Моторист не ответил. Он глядел на приближающийся берег да покрикивал мальчишке-помощнику, управляющемуся с рулем.

— Ты к Зотову? — спросил он. — Ну да, больше не к кому. Вот передай ему, чтоб мне лишний раз не мотаться.

Он дал Ромадину корзину. Сквозь решетчатые стенки Ромадин увидел оболочку воздушного шарика и письмо. Странная какая-то посылка.

— Ладно, — сказал он, — передам.

Ромадин вынес из каюты свои ящики, рюкзаки. Катер остановился, парнишка подтянул лодку, привязанную сзади, и перебрался в нее. Ромадин начал подавать снаряжение. Мальчишка повисал над водой, держась рукой за веревку, ящики тянули его вниз.

— Неужели причал нельзя сделать? — Ромадин повернулся к мотористу.

— Был здесь когда-то причал, — сказал моторист. — Развалился со временем. Последний столб весной смыло. Да и кому он нужен-то! Раз в две недели привозим бензин, продукты да почту.

Ромадин пожал плечами и осторожно спустился в лодку. Парнишка налег на весла; через несколько минут лодка ткнулась носом в берег. Ромадин перенес на сухое место два металлических ящика, футляр с киноаппаратом.

Тропинка шла через густой ельник. Паутина лишайников, вывороченные с корнем деревья, полутьма. Он двигался медленно, часто отдыхал и до станции добрался только через три часа, близко к вечеру.

Бревенчатый двухэтажный дом стоял на лесной поляне. Его окружал высокий забор из заостренных досок. На крыше возвышалась антенна радиопередатчика. К толстому столбу калитки была прибита дощечка с надписью, выведенной чернильным карандашом: «Академия наук. Институт энтомологии. Сектор борьбы с болезнями, с природной очаговостью. Ельнинское отделение». На другом столбе висел темно-синий почтовый ящик — такой же, как в подъезде любого городского дома. По дорожке, посыпанной песочком, Ромадин направился к крыльцу, но не успел еще дойти, как дверь распахнулась, вышел человек лет тридцати пяти, в высоких сапогах, в клетчатом пиджаке. Он выглядел очень аккуратно — гладко выбритый, подстриженный — и улыбался приветливо. Должно быть, не часто сюда забирались гости. Он не дождался, пока Ромадин приблизится, сбежал с крыльца, помог снять с плеч поклажу. Ромадин сел прямо на ступеньки.

— Павел Михайлович Зотов, — человек протянул руку.

— Директор станции? — обрадовался Ромадин.

— Можете считать директором, а можете — дворником. Все равно я здесь один, — сказал Зотов. — А откуда вы меня знаете? — насторожился он вдруг.

Ромадин вынул из кармана две соединенные скрепкой бумаги, подал. На первой—фирменном бланке—было написано: «Директору Института использования в науке и технике механизмов и систем живой природы т. Милашевскому. Согласно решению Академии наук направляем вам для сведения выдержку из отчета научного сотрудника, директора Ельнинской станции тов. Зотова».

В углу листа размашисто было написано: «Тов. Тикову. Ваше мнение? М и л а ш е в с к и й».

— Тиков, начальник конструкторского отдела, где я работаю, — уточнил Ромадин.

Зотов перевернул лист.

— «...Вершина крыла перепончатая, тонкая, с нормальным жилкованием. Насекомые живут на вершинах высоких деревьев; поэтому я назвал их вершинниками. Длина отдельного экземпляра достигает 25 мм, окраска тела — серая. Частота взмахов крыльев очень велика, вероятно, выше даже, чем у комара (305 в секунду). Точную цифру определить без необходимых приборов трудно. Вес мышц, приводящих в движение крылья, составляет всего лишь 0,5% от общего веса тела (у пчелы — 15%). Между тем вершинники поднимаются очень высоко. Мне неоднократно приходилось наблюдать и невооруженным глазом и в бинокль их почти вертикальный взлет по прямой».

Зотов опустил листы и пристально поглядел на Ромадина.

— Ну да, — сказал он медленно, — это я писал. А как оно попало к вам?

— Постановление № 962, — ответил Ромадин. — Всякое сообщение о каком-либо новом факте, касающемся поведения, устройства внутренних или наружных органов животных любых видов, должно быть доведено до сведения Института использования в науке и технике механизмов и систем живой природы. Видите, директор спрашивает мнения Тикова, а он высказал его тем, что прислал меня сюда. Лаборатория машущего полета — Тиков ее руководитель — получила задание на подготовку исходных данных для проектирования аппарата с машущими крыльями. Нужна конструкция, которая смогла бы опускаться на любую зыбкую поверхность, как пчела на колеблющуюся чашечку цветка, и быстро взлетать. Мы сейчас хватаемся за все, что может нам дать какой-то исходный толчок. Я здесь, несколько человек разъехались по другим местам. А ведь на каждом из нас еще по несколько тем висит. Однако что ж это за вершинник такой? Я ради него только сюда и прибыл.

— Класс Insecta — насекомые, подкласс Pterygota — крылатые; подотряд Elitroptera — покровнокрылые, — сказал Зотов. — Однако ж что за разговор на крыльце. Пойдемте в дом, расположитесь, отдохнете, помоемся. Вон бочка на столбах — видите. Солнце греет в ней воду. Здесь летом жарко. А потом перейдем к делу.

Они поднялись на крыльцо, переступили порог и оказались в коридоре, шедшем через весь дом. Из окна на противоположном конце его падал свет. Справа и слева было по две двери, сра-

зу у входа — лестница, ведущая на второй этаж. Пол был желтый, из свежих досок, солнечные пятна не очень даже на нем выделялись. Зотов распахнул первую дверь справа, пропуская Ромадина, а сам пошел за оставленными вещами.

Комната была большая, с двумя окнами и высокой печкой в углу. Между окнами стоял стол, покрытый клеенкой. Ромадин распахнул окно, выглянул. Запахло свежими щепками — груды их лежали под окном, — хвойным, сырым лесом.

— Да, вот еще корзина, — сказал Ромадин. — Моторист просил передать.

Зотов схватил конверт, разорвал. Он читал, шевеля губами, топая тихонько ногой, и видно было, что ничего, кроме письма, ничего в этот момент для него не существует.

— Любопытно. — Он положил письмо на столик. — Ладно схожу за приборами.

Ромадин не успел задать вопрос: «Что-нибудь важное?» А пока Зотова не было, решил, что спрашивать невежливо.

Дверь распахнулась от удара ногой; пятясь, вошел Зотов, неся в руках два ящика, поставил на пол.

— Тяжело, — он перевел дух. — Как вы их дотащили? Здесь очень нужные приборы?

— Комплект импульсных ламп-вспышек для скоростной киносъемки и батарея серебряно-цинковых аккумуляторов.

— Я предлагаю перенести все это хозяйство в верхнюю комнату. Там вы сможете заниматься киносъемкой; здесь будете жить. Советую помыться, потом пообедаем, потом вам имеет смысл немного отдохнуть.

— А когда работать начнем?

— Понимаете ли, — задумчиво сказал Зотов, — практически я не могу вам рассказать ничего сверх написанного. Но все равно к конкретным действиям раньше завтрашнего утра не приступим.

— Хорошо, — согласился Ромадин.

Они отнесли наверх оборудование, банки с химикалиями.

— Большой дом, — удивлялся Ромадин. — Кто в такой глуши стал его строить для, будем говорить прямо, не стоящего на главном направлении участка работы?

— Его строили для метеостанции, — сказал Зотов. — Что же касается главного или второстепенного участка работ, то сказать наперед, какой главный, а какой нет, нельзя. То, о чем сегодня знает лишь несколько человек — узких специалистов, — завтра становится основой целой отрасли промышленности. Да вот вы же прибыли.

— А почему метеостанция переехала? — спросил Ромадин, желая переменить тему разговора.

— Возникли непредвиденные обстоятельства, — ответил Зотов. — Во-первых, оказалось трудно передавать сводки. То был год солнечных вспышек, радиосвязь здесь без конца прерывалась. К тому же все три сотрудника, что были здесь, одновременно заболели. Их увезли, а новых послать остерегались. Я как раз сюда и попал как работник отдела по борьбе с болезнями, с природной очаговостью. Досидел тут до глубокой осени: отправляюсь в город и узнаю, что метеостанцию на этом месте решено ликвидировать. Ах так! Ну, оборудование, говорю,

вы вывезете, а с домом-то что станете делать? Новенький, хороший, комнат много, не пустовать же ему. Отдайте энтомологам под наблюдательный пункт. Хорошо, говорят, все равно кому-то надо следить, чтоб дом не разрушался. Возитесь со своими жуками, пока не отберем.

— Не отобрали?

— Одиннадцать лет прошло — молчат. А чем им плохо? Я здесь дом сохраняю. Как раз перед вашим приездом пол перестлал. Кучу стружек видели? Разрушается ведь все без присмотра. Я как могу в порядок привожу.

— Одиннадцать лет, — протянул Ромадин. — Чем же заболели метеорологи?

— Давайте спать, — Зотов поднялся. — Вы устали, вставать завтра рано, а времени у вас...

— В обрез. Два с половиной дня. Но успеть заразиться можно вполне. Если здесь на самом деле какой-то очаг. Прививок я не делал — не до того в суматохе было.

— Ну, беспокоиться вам, я думаю, нечего. Все эти люди давно здоровы. Хуже было другое — начали заболевать лиственные деревья. Их здесь немного, но есть. Листья становились коричневыми — сперва между жилками, потом по всей плоскости, — трескались и рассыпались. Дерево гибло. Тогда-то я и познакомился впервые с вершинниками. Они усыпали заболевшие деревья. Чтоб узнать, вредители они или нет, я решил провести довольно обычное исследование. В дерево впрыскивается какой-нибудь радиоактивный изотоп — у меня был фосфор, — а потом надо собрать насекомых и радиофотографическим методом выявить тех, кто питался листьями. Представьте себе мое удивление, — сказал, твердо выговаривая каждое слово, Зотов, — радиограммы не показали, что хотя бы одно из насекомых питается листьями. Я своими глазами видел дерево, по которому ползали вершинники, — не заметить таких больших насекомых невозможно, — видел, как листья превращаются в труху. Я сидел тут, помню, почти до холодов — пока все вершинники не исчезли, растягивал время экспозиции от нескольких дней до нескольких недель, применял флюоресцирующие экраны — и ничего. Ни на одной пленке не получилось никакого изображения. Это было феноменально. Я написал об этом в энтомологический журнал. Мне ответили, что не были, вероятно, соблюдены условия, необходимые для работы по этому методу. Я решил бороться и отправил отчет об этом факте и описание вершинников. Мне ответил тогдашний мой начальник, что он знает меня как хорошего экспериментатора, уверен, что произошло недоразумение, и он не будет оформлять мой отчет как полагается, чтобы он никому не попался на глаза. Я был моложе на одиннадцать лет, горяч, экспансивен и решил доказать, что ни в чем не ошибся.

— Доказали?

— Нет. Насекомые исчезли вскоре после этого. Холода наступили.

— В следующем году?

— Они появились вновь только одиннадцать лет спустя, этой весной. А тогда я успел лишь пройти по лесу со счетчиком Гейгера. Дерево, в корни которого и на листья я за три дня

до этого ввел радиоактивный фосфор, не давало никакого излучения. Обычный «фоновый шум», то есть поток частиц приходящих из космического пространства. Он, правда, несколько превышал норму — то был год солнечных пятен. Но об этом я уже никому не сообщал: решил — хватит щелчков по носу. Давайте спать, поздно уже, и вы устали.

— Я полагаю, работать будем так, — предложил утром за чаем Зотов. — Сейчас отправимся в лес, там вы посмотрите на вершинников в природных условиях. Мы с вами поймем несколько штук. Потом займемся препарированием, а завтра вы сможете начать готовить свою аппаратуру.

Ромадин нес за плечами легкий рюкзачок, в котором были лупа, нож, совок, морилка — банка с отравой и фильтровальной бумагой, свернутая простыня. В одной руке он держал — сам этому удивляясь — сачок; в другой маленькую лопату. Зотов

Рисунки Б. ДОЛЯ

подошел к большому, высокому дереву, взял у Ромадина простыню, разостлал на траву, сильно ударил по стволу палкой. Несколько насекомых, напоминавших по размерам и очертаниям майских жуков, упали на простыню. Они опускались очень медленно, с раскинутыми крыльями — похоже было, планировали. Ромадин начал колотить по дереву лопатой. Все больше и больше вершинников опускалось на простыню. Наконец, палка Зотова обломилась. Часть насекомых они ссыпали в морилку, часть — в большую банку и пошли обратно.

Зотов открыл комнату на втором этаже, посторонился, пропуская Ромадина, вошел следом. Когда Ромадин заглядывал в нее, ему показалось, что она вся пуста — только стеллажи вдоль стен и шкаф с препаратами и приборами. Теперь он сделал по комнате несколько шагов — чуть-чуть вбок от двери — и увидел аквариум — громадный, много больше обычного, со стенкой почти в рост человека. Стекла были чисты и прозрачны — поэтому в прошлый раз Ромадин думал, что комната пуста.

— Инсектарий? — спросил он удивленно. — Откуда?

— Да ведь лаборатория же, — сказал Зотов. — Вы, очевидно, никак не хотите примириться с тем, что я не лесник, а энтомолог, и здесь станция.

— А это что на полке?

— Счетчик космической радиации, — сказал сухо Зотов.

— Зачем он вам?

— От метеорологов остался. А вообще давайте работать.

На дне инсектария лежали куски трухлявых деревьев, листья, мох, папоротник. Зотов подошел к инсектарию с развязанным мешком, откинул марлевую крышку и опрокинул мешок.

Из него, расправив крылья, медленно вылетали насекомые. Они падали, но точно так же, как падает лепесток, гонимый ветром: то поднимется, то вновь опустится. Постепенно вершинники оказались на дне и замерли, спрятав крылья под хитиновый панцирь.

— С какой частотой должны работать крылья, чтоб обеспечить такое спокойное, можно даже сказать, вялое опускание?

— Думаю, что с очень большой. — Зотов подошел к шкафу, открыл его и стал класть на стол приборы и инструменты. — Во всяком случае, отдельных взмахов я не видел. Ну, да ладно, это вы установите, когда займетесь съемкой. Идите сюда.

Ромадин подошел к столу.

Быстрыми точными движениями Зотов рассек грудь насекомого. Игла в его руках ткнулась в маленькую, чуть заметную ниточку.

— Вот все мышцы, связанные с крыльями. Хотите, я вскрою пчелу и покажу, чем располагает она? Канат против этой ниточки.

— Не надо, я знаю, — пробормотал Ромадин.

Уже стемнело, когда работа была окончена. В баночках, выстроенных вдоль стен, были заспиртованы щупальца, голова, дыхательные органы вершинников.

— Эту коллекцию вы возьмете с собой, — сказал Зотов. — С утра вы налаживаете аппаратуру, я еще раз отправлюсь в лес для сбора насекомых. Сколько времени вам потребуется на

обработку пленки, проявление, закрепление? Мне очень хотелось бы посмотреть, что получится.

— Да завтра же к вечеру, — сказал, подумав, Ромадин. — Я, признаться, рассчитывал здесь не печатать, а увезти с собой, но хочу вас уважить. Тем более что на всякий случай я все оборудование и химикаты захватил.

— Буду очень признателен.

— Не скучаете здесь? — спросил неожиданно Ромадин. — Мне кажется, что в глухом лесу, в одиночестве с ума можно сойти от скуки...

— Ну, раз в две недели катер приходит, — возразил Зотов. — Почту привозит, бензин, кое-что из продуктов, мои письма забирает. А потом, я ведь только летом здесь. Зимой в городе живу.

— Вы давно здесь?

— С того самого лета, о котором я уже говорил. Последнего, когда здесь была метеорологическая станция. А заниматься этим делом начал я еще мальчиком. Потом окончил университет. В первый же год после окончания попал сюда, да так и осел.

— И не выезжали?

— Нет, я не пропустил ни одного лета. А зимой, как говорил, живу в городе. Там у меня семья. Обообщаю, систематизирую накопленный за лето материал. Район глухой, до меня систематического исследования не проводилось. Опять же горы близко, влияние другой климатической зоны. И цель, ради которой я прибыл, остается в силе. Где кроется очаг болезни и не проявится ли она вновь? Этот вопрос не выяснен. Я работник института, только провожу исследования не в городе, а здесь.

— А я много ездил, — сказал Ромадин. — Где только не побывал! Хотя два года всего после института...

— Вам повезло больше.

Ромадин снова проснулся рано, но у него уже не было вчерашнего азартного нетерпения, чувства того, что в этот день он все, что нужно, откроет и вызовет. Сегодня он знал, что именно здесь открытий никаких не будет, а надо успеть сделать лишь главное и, если можно, немного больше. Тогда совесть его будет чиста. «Мы собрались здесь, — вспомнил Ромадин слова директора на каком-то семинаре, — чтобы создавать конструкции, обычными инженерными способами не создаваемые». Тогда Ромадин, только что пришедший в институт из обычного конструкторского бюро, где, кроме инженерных, никаких других знаний не требовалось, увидел в выступлении директора лишь красивое словосочетание. Здесь, в этом глухом лесу, он впервые почувствовал трудность своего нового дела. Вершинник так похож на тысячи других жуков — и как увидеть в этих переплетениях жил механизм потрясающей — если удастся раскрыть — перспективности?

После завтрака Ромадин отправился в зал, начал распутывать провода, испытывать камеру, присоединять клеммы к аккумуляторам, выбирать точки съемок. Зотов поднялся вместе с ним, протер стекла инсектария мокрой тряпкой, пригляделся к манипуляциям Ромадина.

— Да, — сказал он, — если б я имел подобное устройство, вам бы, пожалуй, незачем было приезжать.

Он ушел в лес за жуками. Вернулся очень скоро, выпустил жуков из мешка в инсектарий, закрыл сверху марлей, одно окно завесил одеялом, другое — двумя простынями, третье — слоем из десяти газет, для четвертого снял одеяло с кровати Ромадина. В большом зале стало темно. Зотов зашел за спину Ромадина. Слабый хруст шел от инсектария: жуки расправляли крылья. Зажглась неоновая лампочка, отмечая время, и синхронно заработал киноаппарат. Лампы вспыхивали и гасли, комната погружалась в темноту, и вновь свет заливал ее — резкий, мертвенный. Ромадин, переходя по комнате, видел Зотова, стоящего неподвижно в углу; ему казалось, что лицо Зотова бледно, но это могло быть от освещения, а мысль была мимолетной, такой же короткой, как вспышка. Три минуты всего работал аппарат. Когда стрекотание мотора прекратилось, в зале наступила полная тишина.

— Вы точно хотите, чтоб я проявил и отпечатал пленку? — спросил Ромадин.

— Да, — сказал Зотов.

— Мне было бы проще отдать ее в институтскую фотокинолабораторию, там специалисты, они сделали бы все, что нужно, и я был бы на сто процентов уверен в том, что ничего не будет испорчено. Там есть и копировальный аппарат — я с удовольствием вышлю вам копию фильма.

— У меня нет проектора...

— Ну хорошо, — согласился устало Ромадин. — Только это продлится долго.

— Я могу помочь вам — растворы, например, составлять...

— Не надо, вряд ли вы имели дело с такой аппаратурой, она совершенно новая. А когда вы мне приготовите препараты?

— Завтра с утра все будет. Упакую в лучшем виде.

— Вечером вы увидите фильм.

Работа кончилась поздней ночью. Ромадин зарядил проекционный аппарат, поискал взглядом белую поверхность. Печка — широкая, высокая — очень подходила для этой цели. Вновь застрекотал мотор — пошли кадры. Ромадин глядел — и изумление его возрастало. Он просмотрел сначала весь фильм, потом по кадрам, потом замер в растерянности, не зная, что еще можно делать, и вдруг выскочил за дверь, постучал в комнату Зотова. Мало того, что этот человек горит желанием посмотреть фильм, он присутствовал при съемке, он живет здесь много лет и как-нибудь сможет объяснить увиденное. Из-за двери никто не ответил. Ромадин постучал еще раз. Молчание. Он распахнул дверь. Комната была пуста. Он сбежал вниз по лестнице, взглянул к себе. Никого. Он побежал по коридору, распахивая двери, чиркая спичкой. Здесь хранятся продукты, здесь — какие-то приборы, старые книги, на третьей — висячий замок снаружи. Куда же подевался Зотов? Ромадин выбежал во двор под лунный водопад. Он увидел черный шумящий лес, понял, что за ограду не выбежит, и повернулся к дому, чтоб весь он, сверху донизу, встал перед глазами. И тогда он увидел Зотова. Тот шел по гребню крыши — одна нога на один скат, другая — на другой. Руки у него были расставлены как крылья. Он дошел до

края крыши, задержался на мгновение, сделал следующий шаг и стремглав полетел вниз. Когда Ромадин подбежал к нему, Зотов лежал на груде стружек и опилок. Это, очевидно, спасло его от сильных повреждений, но глаза были закрыты. Ромадин растерялся. У него не было никакого опыта по оказыванию первой помощи. Он приложил ухо к груди Зотова — сердце билось нормально; прислушался к дыханию — ровное; ощупал ноги, руки и ребра Зотова — кажется, ничего не сломано. Но Зотов не вскрикивал, хотя и глаз не раскрывал. Что-то надо было делать. Ромадин вбежал в дом, открыл шкаф с препаратами. Колба со спиртом была на месте. Он взял ее, у себя достал ложку, вернулся к Зотову, приподнял ему голову и влил в рот целую ложку спирта. Варварский способ оказался эффективным. Зотов открыл глаза.

— Помогите мне добраться до моей комнаты, — сказал он слабо.

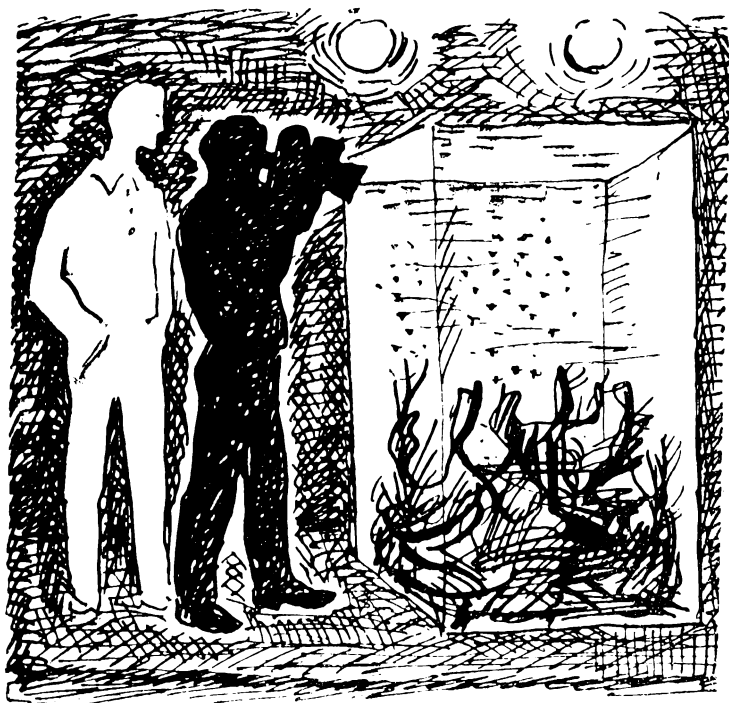
Ромадин отвел его наверх, уложил в кровать.

— Фильм прокрутили до конца? — спросил Зотов.

— Да.

— Какова, по вашему мнению, частота взмахов?

— Никакой! — закричал Ромадин. — Они не машут крыльями вообще. Расправляют их и оставляют неподвижными.

— Я так и думал, — пробормотал Зотов. — И убедился наконец.

— Но почему?

— Завтра поговорим, — и Зотов закрыл глаза.

Ромадин вышел в зал. Он ничего не мог понять.

Письмо лежало на тумбочке; вероятно, в нем не было ничего личного или секретного, раз Зотов так небрежно бросил его. Ромадин схватил листок.

«...Дорогой Павел Михайлович, вы заразили меня — не знаю только, как поточней выразить чем. Не любовью к жукам — к ним я безразличен, а энтузиазмом. Перед долготерпением же вашим я преклоняюсь. Как и обещал, встретился с тем человеком, о котором говорил, — старожилом метеостанции в горах. Жука признал сразу. Да, видел. В горах на вершине, когда еще был молод и мог туда лазить. Это было... Он покопался в памяти, вспомнил какие-то личные приметы и сказал: «22 года назад...»

Я выполнил и то, о чем вы просили еще: изготовил из пленки небольшой шар, наполнил его гелием, положил в корзину кусочек радиоактивного фосфора, который вы мне дали, и попросил одного из наших летчиков выбросить его над хребтом. Он так и сделал. Потом шар вернулся. Фосфор, что я положил в корзину, оказался нейтральным, и рядом с ним было несколько жуков. Все это посылаю...»

Ромадин отложил письмо, встал в задумчивости. Вершинники живут здесь, но также и в горах, на ледяных склонах. Две совершенно непохожие области обитания. Чем там можно питаться? Почему они появляются раз в одиннадцать лет? Бедный Зотов... Почему они летают, не взмахивая крыльями? Ждать, когда Зотов все объяснит? Нет, сейчас, немедленно, не дожидаясь, пока еще хоть один вопрос придет в голову, начать самому поиски ответа.

Он подошел к стеклянному ящику, сорвал марлю. Насекомые медленно разлетались по комнате. Ромадин отошел в угол, сел на табуретку. Траектории полетов насекомых кончались где-то над ним. Непонятное чувство овладевало Ромадиным — он не мог объяснить, хорошее или плохое, — но будто чего-то ему не хватало, что-то исчезло в привычном мироощущении. Что именно? Это не было похоже на удушье и на приступ резкой боли — он не мог сравнить подобное состояние ни с тем, что испытывал раньше, ни с тем, что просто мог себе вообразить. Но сидеть так было невыносимо.

Ромадин встал, прошелся по комнате, снял машинально с полки счетчик космических частиц, постоял, снова сел на стул. Он не обратил внимания, на каком делении стоит стрелка — возле полки было темно, — но теперь, усевшись, глянул. Стрелка стояла на нуле. Ромадин точно помнил, что возле полки она показывала какую-то цифру.

Он снова взошел на середину комнаты. Стрелка качнулась; вернулся — снова стояла на нуле. Ромадин поглядел вверх. Насекомые висели над тем местом, где он сидел. Так это же экран, задерживающий космическую радиацию. Вот откуда непривычное состояние, когда человек абсолютно здоров, но какое-то странное беспокойство овладевает им — будто не хватает чего-

то. Нет обычных доз космической радиации, и, очевидно, обойтись без них невозможно. Этого не знает никто, потому что никто еще не попадал в такие условия, когда на пути космических частиц вдруг возникал экран. Может быть, только метеорологи. Кто их знает, как они обращались с этими насекомыми; скорей всего собирали коллекцию. Вот эти насекомые, как бы висящие под потолком; они поглощают энергию радиации, они стремятся туда, где ее больше. Я просидел под ними пять минут, а Зотов, вероятно, намного больше, удерживая себя насильно. И в конце концов, подобно тому, как утопающий сквозь толщу воды рвется вверх, Зотов бросился на крышу, чтоб не чувствовать никакого экрана над головой. Сейчас год солнечных пятен, повышенная радиация, насекомые рвутся вверх, но им мешает потолок и они скапливаются над человеком, который тоже ведь является источником радиоактивности. Редкий прибор может это установить, но чувствительность насекомых к подобной вещи должна быть поразительной. Все на месте — все, кроме одного: почему они не машут крыльями?

Ромадина никто не разбудил утром, он проснулся гораздо позже обычного, встрепенулся, взглянул на часы. Через четыре часа он должен стоять возле реки. Ромадин быстро оделся и поднялся наверх. Зотов оказался в зале. Бледный, он брал стекла с препаратами, залитыми коллодием, и клал в стеклянный специальный сосуд, перегородженный на секции. Руки его дрожали — Здравствуйте, — сказал он. — Сегодня ваш отъезд, и я хочу приготовить вам препараты.....

— Павел Михайлович, — сказал Ромадин решительно, — я знаю многое — и то, что вершинники питаются энергией радиации, и то, что они появляются раз в одиннадцать лет, в год солнечных вспышек, и, следовательно, повышенной радиоактивности, и то, что они водятся не только здесь, но и в горах...

— Только там, — сказал Зотов, — на безжизненных вершинах. Часть их снесло сюда ураганом одиннадцать лет назад, и они отложили яйца. Если бы они водились здесь постоянно, их бы нашли раньше. Глушь, безлюдье — верно, но не настолько уж, чтобы не заметить какой-нибудь местный вид, не внести в оп-ределитель.

— Это неважно, — заторопился Ромадин. — Я знаю все главное, мои три дня кончаются, а то, за чем я прибыл...

— Одиннадцать лет не хотите, — медленно произнес Зотов. — Случайный факт перевернул мою жизнь, заставил поселиться в тайге, из года в год ждать, и не находить, и не иметь возможности никому ничего сказать, потому, что говорить нечего. Единственный раз быть единственным свидетелем необычного факта, в который никто не верит. А я бы разве поверил? В научных журналах по нескольким специальностям я искал сообщения о том же самом факте. Ведь если бы, помимо меня, кто-то еще увидел то же самое, он мог бы оказаться более настойчивым или просто воспроизвести эксперимент в лабораторных условиях — и тогда сомнений бы уже не было. Но никаких публикаций на эту тему я нигде не встречал. Когда этим летом вершинники появились вновь, я мгновенно проделал тот же самый опыт с радиоактив-

ным фосфором — и все подтвердилось. Я занялся анатомированием жуков, обнаружил, что мышечный узел весит необычайно мало, и послал сообщение. То была тактика накапливания мелочей. Не оповещать сразу о большой необычности, а одно за другим посылать сообщения о маленьких, не выходящих далеко за рамки известных представлений. Тогда я еще не знал связи между свойством поглощать радиоактивные изотопы и малым весом мышечного узла.

— А теперь?

— Мышц почти нет. Но ведь насекомое летает. Что же позволяет ему это делать? Мысль об этом не давала мне покоя, и я вспомнил обстоятельства, которые привели меня сюда. Заболели метеорологи, потому что насекомые их покусали. Но ведь они вскоре уехали отсюда. А почему? Потому, что в тот год солнечной активности трудно было передавать радиосообщения. Цикл повторился. Значит, жуки появляются только в годы солнечных вспышек? Я поехал на аэродром, попросил связаться с метеорологами, живущими в горах, и расспросить. Мы сделали шар, в корзину его я положил кусок радиоактивного фосфора — и над горами шар выбросили с самолета. Дверца ловушки должна была захлопнуться при падении радиоактивности до определенного уровня. Ну вот и все. Ответ вы читали, кусок радиоактивного фосфора стал совершенно нейтральным, а в корзине были жуки...

— Но связь всего этого...

— Все еще не ясно? Им не нужно махать крыльями, они используют для полета не плотность воздуха, а плотность или изменение уровня радиоактивности. Потому они ее и поглощают. На вершинах гор уровень космической радиации наивысший, а в годы солнечных пятен еще более повышается. А если им все равно ее не хватает, они поднимаются вверх, к предельным слоям атмосферы, загораживающей землю от лучей из мирового пространства. Потому они и не машут крыльями, что там, где воздух разрежен или его нет, взмахи бесполезны. Я попытался визуально определить их частоту и пришел к выводу, что она незначительна и подъемную силу обеспечить не может...

— Так если вы все это знали, — закричал Ромадин, — то почему не сказали сразу?

— А почему я должен верить сам себе да еще других убеждать в этом? Я ученый, вы понимаете, а это ведь не просто род занятий, а особое состояние внутреннего мира. Оно заставило меня просидеть в глухомани одиннадцать лет; оно же и заставляет меня не верить собственным выводам, ибо я очень сильно хочу их получить. Мало ли какие умозаключения придут мне в голову. Приезд человека, абсолютно непредубежденного, ничего не знающего, должен был удостоверить один из основных результатов. Судите сами, должен ли я был сказать вам хоть слово о том, что вы можете увидеть. Пойдемте ко мне, поедите на дорогу.

— Я поделюсь с вами, — сказал Зотов после короткого завтрака, — одним соображением, которое пришло мне в голову только сейчас. Я потратил много лет для того, чтобы установить один только факт, а вам все, что я по этому поводу знаю, передал за три дня. Но у вас будут свои одиннадцать лет, чтобы понять механизм действия... И где этот механизм располагает-

ся — в элитах — вырастах по бокам — или еще где-то? Все, что можно было усвоить на уровне нормального человеческого восприятия, уже усвоено; нужно иное мироощущение. Вы поймете это очень скоро, потому что хотите брать у природы образцы для своих машин, но будете жалким подражателем, не знающим начал, пока не овладеете способностью менять восприятие мира так, чтобы поставленная задача вызывала в вашем мозгу совершенно невероятные, непостижимые идеи, а не вариант типового решения. Мы думаем о встрече с другими цивилизациями, имеющими принципиально отличное мышление, но иногда не надо даже подниматься в небо, достаточно нагнуться или оглянуться, чтоб увидеть свой, земной космос. И можно уже начать с него. Ваша цель по сравнению с этим проще, но давайте думать намного шире, чем нужно для решения одной проблемы. В истории человечества это всегда приводило к хорошим результатам. И пойдете, все собрано, а говорить уже нечего.

Молча они дошли до реки.

— И странно мне теперь, — сказал Зотов, — и что дальше делать — не знаю. Ведь я привык искать, а находить — нет...

Издалека донесся стук мотора. Катер показался, замедляя ход, остановился, заплесал на волнах. Все тот же парнишка подгреб на лодке к берегу. Ромадин и Зотов перенесли в нее снаряжение. Постояли, встряхивая сжатыми ладонями. Ромадин подумал, что надо будет этого человека привлечь к работе в институте — и не забыть бы в суете заняться этим. Впрочем, дело, наверное, все равно заставит. Наконец он вскочил в лодку. Через минуту из трубы катера вновь взметнулся синий дымок. Ромадин, опершись о планшир, махал Зотову рукой, пока тот не скрылся из виду. Густой темный лес тянулся по обоим берегам реки. Но Ромадину долго еще казалось, что он видит высокую фигуру лесного ученого.

СРОК АВАНСОМ

Фантастический рассказ

Чerez двадцать минут после того, как тюремный космолет приземлился на нью-йоркском космодроме, на борт допустили репортеров. Они бурлящим потоком хлынули в главный коридор, напирая на вооруженных до зубов надзирателей, за которыми им полагалось следовать, — впереди мчались обозреватели и хроникеры, а замыкали лавину телеоператоры, бормоча проклятия по адресу своей портативной, но все-таки тяжелой аппаратуры.

Репортеры, не замедляя бега, огибали космонавтов в черно-красной форме Галактической тюремной службы, которые быстро шагали навстречу, торопясь не упустить ни минуты из положенного им планетарного отпуска, — ведь через пять дней космолет уйдет в очередной рейс с новым грузом каторжников.

Репортеры не устаивали взглядом этих бесцветных субъектов, чье существование исчерпывается монотонными рейсами из конца в конец Галактики. К тому же жизнь и приключения гетээсовцев описывались уже столько раз, что тема эта давно была выжата досуха. Нет, сенсационный материал ждал их впереди!

Глубоко в брюхе корабля надзиратели раздвинули створки огромной двери и отскочили в сторону, опасаясь, что их собьют с ног и растопчут. Репортеры буквально повисли на прутьях железной решетки, которая отгораживала огромную камеру. Их жадные взгляды метались по камере, наталкиваясь на холодное равнодушие — и лишь изредка на любопытство — в глазах людей в серых комбинезонах. Люди эти лежали и сидели на нарах, которые ряд за рядом, ярус над ярусом безотрадно тянулись по всей длине трюма. И каждый человек в сером сжимал в руке пакет, склеенный из простой сберточной бумаги, а некоторые нежно его поглаживали. Старший надзиратель, выковыривая из зубов остатки завтрака, неторопливо приблизился к решетке с внутренней стороны.

— Здорово, ребята! — сказал он. — Кого это вы высматриваете? Я вам не могу помочь?

Кто-то из наименее молодых и наиболее известных хроникеров предостерегающе поднял палец.

— Бросьте эти штучки, Андерсон! Космолет сел с опозданием на полчаса, и нас еще двадцать минут проманижили у трапа. Где они, черт подери?

Андерсон несколько секунд смотрел, как телеоператоры локтями отвоевывают место у самой решетки для себя и своей аппаратуры.

— Стервятники! — бормотал он. — Охотники за мертвечиной! Упыри!

Затем, ловко перехватив дубинку, старший надзиратель стал выбивать частую дробь по прутьям решетки.

— Крэндол! — рявкнул он. — Хенк! Вперед и на середину!

Надзиратели, которые, поигрывая дубинками, мерным шагом расхаживали между многоярусными нарами, подхватили команду:

— Крэндол! Хенк! Вперед и на середину!

Их крики метались по камере, отлетая рикошетом от гигантских сводов:

— Крэндол! Хенк! Вперед и на середину!

Никлас Крэндол сел, поджав ноги, на своих нарах в пятом ярусе и сердито поморщился. Он было задремал и теперь протирал слипающиеся глаза. На тыльной стороне его кисти багровели три параллельных рубца — три прямые борозды, какие может оставить когтистая лапа хищного зверя. Над самими бровями кожу пересекал темный зигзаг еще одного шрама. А в мочке левого уха чернела круглая дырочка. Кончив протирать глаза, он раздраженно почесал это ухо.

— Торжественная встреча! — проворчал он. — Можно было догадаться заранее! Все та же распроклятая Земля со всеми ее прелестями!

Крэндол похлопал по щеке щуплого человечка, который хранился на нарах прямо над ним.

— Отто! — позвал он. — Отто-Блотто, давай шевелись! Нам требуют.

Хенк, еще не открыв глаза, сразу подскочил и сел, подбрав под себя ноги. Его правая рука потянулась к шее, открытой сеткой зигзагообразных рубцов такого же цвета и величины, как шрам на лбу Крэндола. На руке не хватало двух пальцев — указательного и среднего.

Тюремные космолеты, скорострельные бластеры, живые одуванчики-бомбы с Венеры, телевизионные камеры, порхающие в воздухе... Фантастический рассказ о будущем? Не спешите с выводом.

Английский писатель Уильям Тенн использовал в своем рассказе «Срок авансом» все эти фантастические аксессуары лишь как чисто условный литературный прием, чтобы острее показать некоторые черты современной Америки, Америки наживы, где царствует закон капитализма «человек человеку — волк», где преступность проникла во все сферы жизни и достигла чудовищных размеров.

Гиротанси, пневматические кресла и прочие атрибуты фантастического жанра прекрасно уживаются в этом рассказе с приметами самого современного быта американского бизнеса: полицейскими дубинками, с легкостью пускаемыми в ход, и, главное, с чековыми книжками предпринимателей, готовых ценой любых преступлений заполнить лишнюю тысячу долларов.

— Хенк здесь, сэр! — хрипло сказал он, потряс головой и, открыв глаза, посмотрел на Крэндолу. — А, это ты, Ник... Что случилось?

— Мы прибыли, Отто-Блотто. Мы на Земле, и наши свидетельства скоро будут готовы. Еще полчаса, и ты сможешь упиться коньяком, пивом, джином и поганым виски на всю свою наличность. Тебе уже больше не придется пить тюремную самогонку из консервной банки, прячась под нижней койкой, Отто-Блотто.

Хенк крикнул и опрокинулся на спину.

— Через полчаса! Так чего же ты разбудил меня сейчас? Что я тебе, карманник, который сначала украл, потом отсидел и теперь визжит от нетерпения: ах, где его свидетельство? Ник, а мне приснился еще один способ, как покончить: Эльзой, — совсем новый и такой, что закачаешься...

— Легаши разорались, — ответил Крэндол по-прежнему негромко и спокойно. — Слышишь? Им требуемся мы: ты и я. Хенк снова сел, прислушался и кивнул.

— Почему такие голоса бывают только у галактических легашей, а?

— Согласно инструкции, — заверил его Крэндол. — Чтобы стать галактическим легашем, требуется максимальный рост, минимальное образование и максимально противный голос в сочетании со способностью оглушительно орать. А без этого, какой бы мерзопакостной сволочью ты ни был, придется тебе, брат, сидеть на Земле и отводить душу, штрафуя почтенных старушек на допотопных вертолетах за превышение скорости.

Надзиратель, остановившись под ними, сердито стукнул по металлической стойке.

— Крэндол! Хенк! Вы еще каторжники, не забывайте! Дам вам две секунды, или я влезу к вам и обработаю напоследок по старой памяти.

— Есть, сэр! Иду, сэр! — отозвались они хором и начали спускаться по нарам, не выпуская из рук пакетов с одеждой, которую они носили на свободе и вскоре должны были надеть снова.

— Слушай, Отто! — зачастил Крэндол беззвучным тюремным шепотом, наклоняясь к самому уху Хенка, пока они спускались. — Нас вызывают для интервью с телевизионщиками и газетчиками. Нам будут задавать сотни вопросов. Так смотри, не проговоришься про...

— Телевизионщики и газетчики? А почему нас? На что мы им сдались?

— Потому что мы знаменитости, олух! Мы отсидели за мокрое дело весь срок! А много таких, как, по-твоему? Заткнись и слушай. Если тебя спросят, кого ты наметил, молчи и улыбайся. На этот вопрос не отвечай. Понял? Не проговоришься им за чье убийство ты отбывал срок. Как бы они к тебе ни приставали, заставить тебя отвечать они не могут. Таков закон.

Хенк на мгновение замер в полутора ярусах над полом.

— Ник! Ведь Эльза знает! Я ей сказал в тот самый день — перед тем, как пошел в полицию. Она знает, что сидеть за убийство я согласился бы только из-за нее!

— Она знает, она знает! Ну, конечно, она знает! — Крэндол беззвучно и быстро выругался. — Но доказать-то она этого не может, тупица! А стоит тебе объявить об этом при свидетелях, и она получает право приобрести оружие и застрелить тебя без предупреждения — в порядке самообороны. А если ты промолчишь, права на это у нее не будет. Ведь она все еще твоя бедная женушка, которую ты у алтаря клялся любить, почитать и лелеять.

Надзиратель привстал на цыпочки и полоснул дубинкой по их спинам. Они свалились на пол и съежились, а он прорычал:

— Я вам разрешил точить ляды? Разрешил? Если у нас останется время до того, как вам выдадут свидетельства, я сведу вас, умников, в надзирательскую для последней выволочки. А теперь живо!

Они покорно побежали, точно цыплята от разъяренной собаки. У решетки, отгораживавшей камеру, надзиратель отдал честь и доложил:

— Допреступники Никлас Крэндол и Отто Хенк, сэр!

Старший надзиратель Андерсон в ответ небрежно поднял руку к козырьку и повернулся к заключенным.

— Эти господа хотят задать вам пару вопросов. Отвечайте — это вам не повредит. Можете идти, О'Брайен.

Голос старшего надзирателя был исполнен величайшего благодушия. На его лице широким полумесяцем играла улыбка. Надзиратель О'Брайен снова отдал честь и отошел, а Крэндол перебрал в памяти все, что он успел узнать об Андерсоне за месяц перелета от Проксимы Центавра. Андерсон задумчиво покачивает головой, когда этого беднягу Минелли.. его ведь звали Стив Минелли!.. гонят сквозь строй вооруженных дубинками надзирателей за то, что он пошел в уборную без разрешения. Андерсон хихикает и бьет ногой в пах седого каторжника, заговорившего с соседом во время обеда... Андерсон...

И все-таки в храбрости ему отказать нельзя, — ведь он знал, что на его корабле находятся два допреступника, отбывшие срок за убийство. Впрочем, он, наверное, знал и то, что они не станут тратить свои убийства на него, как бы он ни зверствовал. Человек не отправляется добровольно на долгие годы в ад только ради удовольствия пришить одного из местных дьяволов.

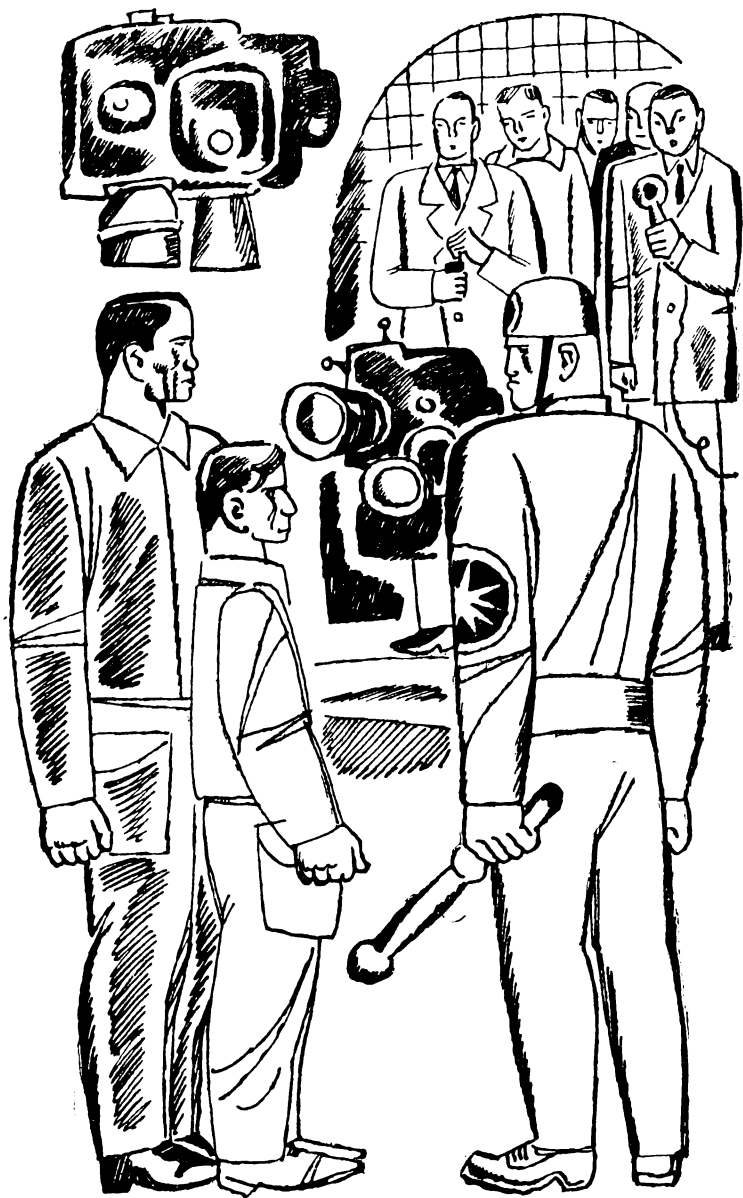
— А мы обязаны отвечать на эти вопросы, сэр? — осторожно спросил Крэндол.

Улыбка старшего надзирателя стала чуть-чуть поуже.

— Я же сказал, что это вам не повредит, верно? А что-нибудь другое может и повредить. Так-то, Крэндол, все еще может. Мне бы хотелось оказать услугу представителям прессы, и вы уж, пожалуйста, будьте полюбезнее и поразговорчивее, ладно? — он слегка повел подбородком в сторону надзирательской и перехватил дубинку.

— Есть, сэр, — ответил Крэндол, а Хенк энергично кивнул. — Мы будем любезны и разговорчивы.

«Черт! — мысленно выругался Крэндол. — Если бы только это убийство не было мне так нужно для другого! Помни про

Рисунки В. КУЛЬКОВА

Стефансона, приятель, только про Стефансона! Ни Андерсон, ни О'Брайен и никто другой. Только Фредерик Стоддард Стефансон!»

Пока телеоператоры по ту сторону решетки устанавливали камеры, Крэндол и Хенк отвечали на обычные предварительные вопросы репортеров.

— Ну, как вы себя чувствуете, вернувшись на Землю?

— Прекрасно. Просто прекрасно.

— Что вы намерены сделать сразу же, как получите ваши свидетельства?

— Поесть как следует. (Крэндол.)

— Напиться до чертиков. (Хенк.)

— Смотрите, как бы вам опять не угодить за решетку, уже в качестве послепреступника! (Один из хроникеров.)

(Общий добродушный смех, в который, кроме репортеров, вносят свою лепту старший надзиратель Андерсон и Крэндол с Хенком.)

— Как с вами обращались, пока вы находились в заключении?

— Очень хорошо. (Крэндол и Хенк в один голос, задумчиво косясь на дубинку Андерсона.)

— А вы не хотите сообщить нам, кого вы намерены убить? Или хотя бы один из вас?

(Молчание.)

— Кто-нибудь из вас передумал и решил не совершать убийства?

(Крэндол задумчиво смотрит в потолок, Хенк задумчиво смотрит в пол. Снова общий смех, в котором на этот раз слышится некоторая натянутость. Крэндол и Хенк не смеются.)

— Ну, мы готовы. Повернитесь сюда, пожалуйста, — вмешался диктор телевидения. — И улыбайтесь — нам нужна настоящая сияющая улыбка.

Крэндол и Хенк покорно расплылись до ушей, и диктор получил даже три требуемые улыбки — Андерсон не преминул примкнуть к сияющей паре.

Две камеры выпорхнули из рук операторов — одна повисла над заключенными, другая быстро задвигалась перед их лицами: операторы управляли ими с помощью маленьких пультов, умещавшихся на ладони. Над объективом одной из камер вспыхнула красная лампочка.

— Итак, уважаемые телезрители и телезрительницы, — бархатно зарокотал диктор, — мы с вами находимся на борту тюремного космолета «Жан Вальжан», который только что приземлился на нью-йоркском космодроме. Мы явились сюда, чтобы познакомиться с двумя людьми — с двумя из той редкой категории людей, которые по закону получили право совершить по одному убийству каждый. Через несколько минут они будут освобождены, полностью отбыв семь лет заключения на каторжных планетах, — будут освобождены с правом убить любого мужчину или женщину, не опасаясь никакого возмездия. Всмотритесь в их лица, дорогие телезрители и телезрительницы, — ведь, быть может, они изберут именно вас!

После этого оптимистического замечания диктор сделал не-

большую паузу, и объективы впились в лица двух мужчин в серых тюремных комбинезонах. Затем диктор вошел в поле зрения камер и обратился к тому из заключенных, который был ниже ростом:

— Ваше имя, сэр?

— Допреступник Отто Хенк, номер 525 514, — привычно отбарабанил Отто-Блотто, хотя слово «сэр» его немножко сбило.

— Как вы себя чувствуете, вернувшись на Землю?

— Прекрасно. Просто прекрасно.

— Что вы намерены сделать сразу же, как получите свидетельство?

Хенк помолчал в нерешительности, потом робко покосился на Крэндола и ответил:

— Поесть как следует.

— Как с вами обращались, пока вы находились в заключении?

— Очень хорошо. Так хорошо, как можно было ожидать.

— Как мог бы ожидать преступник, да? Но ведь вы пока еще не преступник, верно? Вы же допреступник.

Хенк улыбнулся так, словно впервые услышал это определение.

— Верно, сэр, я допреступник.

— Не хотите ли вы сообщить телезрителям, кто то лицо, из-за которого вы готовы стать преступником?

Хенк укоризненно взглянул на диктора, который испустил сочный смешок — на этот раз в полном одиночестве.

— Или, быть может, вы оставили свое намерение относительно его или ее?

Наступила пауза, и диктор сказал несколько нервно:

— Вы отбыли семь лет на полных опасностей неосвоенных планетах, готовя их для заселения человеком. Это максимальный срок, предусмотренный законом, не так ли?

— Да, сэр. С зачетом, положенным допреступникам, отбывающим срок авансом, за убийство больше семи лет не дают.

— Бьюсь об заклад, вы рады, что в наши дни смертная казнь отменена. Впрочем, в этом случае отбытие наказания авансом утратило бы смысл, не так ли? А теперь, мистер Хенк — или я все еще должен вас называть «допреступник Хенк»? — можете быть, вы расскажете нашим телезрителям, какое происшествие из случившихся с вами за время отбытия срока вы считаете самым жутким?

— Ну-у... — Отто Хенк задумался. — Хуже всего, пожалуй, было на Антаресе VIII, в моем втором лагере, когда большие осы начали откладывать яйца... Видите ли, на Антаресе VIII водится оса, которая во сто раз больше...

— Там вы и потеряли свои два пальца?

Хенк поднял искалеченную руку и внимательно ее оглядел.

— Нет. Указательный палец я потерял на Ригеле XII. Мы строили первый лагерь на этой планете, и я выкопал такой странный красный камень, весь в шишечках. Ну, я и ткнул в него пальцем — посмотреть, очень ли он тверд, — и кончика пальца как не бывало! Фьють — и нет его. А потом весь палец загноился, и врачи его оттяпали напрочь. Ну да мне еще очень

повезло. Кое-кто из ребят, из каторжников-то есть, наткнулся на камушки побольше моего, так они потеряли кто ногу, кто руку, а один и вовсе был проглочен целиком. На самом деле ведь это были не камни, а живые твари — живые и голодные! Ригель XII так ими и кишит. Ну, а средний палец... средний палец я потерял по глупости на космолете, когда нас перевозили в...

Диктор понимающе кивнул, кашлянул и сказал:

— Но осы, гигантские осы на Антаресе VIII были хуже всего?

Отто-Блотто не сразу сообразил, о чем идет речь, и растерянно замигал.

— А-а... Это точно. Они кладут яйца под кожу обезьян, которые водятся на Антаресе VIII, понимаете? Обезьяне, конечно, приходится туго, зато у осиных личинок есть пища, пока они не вырастут. Ну мы там обосновались, и тут оказалось, что осы не видят никакой разницы между этими обезьянами и людьми. Все шло гладко, а потом вдруг то один хлопнется без чувств, то другой. Забрали их в больницу, сделали рентген, и оказалось, что они прямо напшигованы...

— Благодарю вас, мистер Хенк, но наши телезрители уже не меньше трех раз видели осу Херкмира и слушали рассказ о ней во время «межзвездного полета». Программа эта, как вы, без сомнения, помните, дорогие телезрители, передается по средам от девятнадцати до девятнадцати тридцати по среднеземному времени. А теперь, мистер Крэндол, разрешите спросить вас, как вы себя чувствуете, вернувшись на Землю?

Крэндол выступил вперед и подвергся примерно такому же допросу, как и его товарищ.

Впрочем, произошло одно незначительное отступление от шаблона. Диктор спросил, думает ли он, что Земля за это время сильно изменилась. Крэндол приготовился пожать плечами, потом вдруг усмехнулся.

— Одну заметную перемену я вижу уже сейчас, — сказал он. — Вот эти парящие в воздухе камеры, которыми управляют с помощью маленьких коробочек. В тот день, когда я расстался с Землей, этого еще не существовало. Изобретатель, наверное, неглупый человек.

— А? — диктор оглянулся. — Вы говорите о дистанционном переключателе Стефансона? Его изобрел Фредерик Стоддард Стефансон лет пять назад. Верно, Дон?

— Шесть лет, — поправил телеоператор. — Пять лет назад переключатель поступил в продажу.

— Переключатель был изобретен шесть лет назад, — пояснил диктор. — А в продажу он поступил пять лет назад.

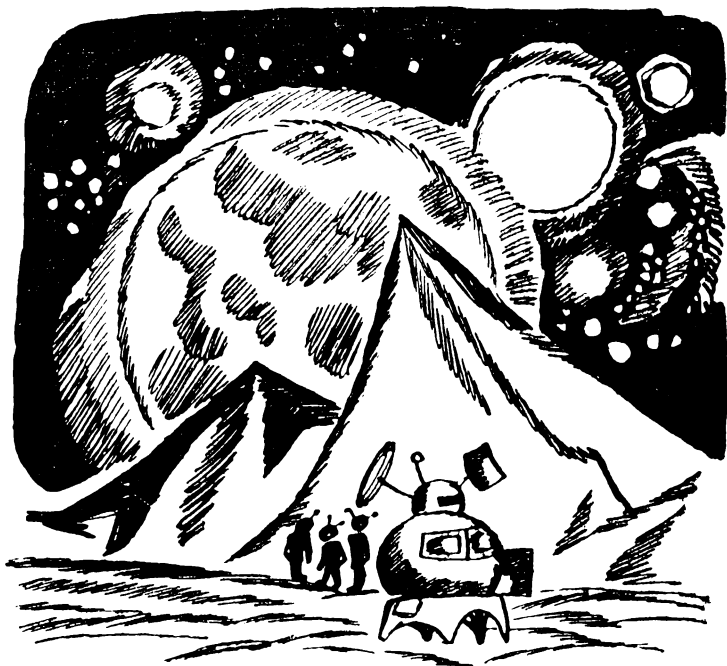
Крэндол кивнул.

— Ну, так этот Фредерик Стоддард Стефансон, должно быть, очень неглупый человек, очень-очень неглупый, — и он снова усмехнулся в объектив камеры.

«Гляди на меня! — подумал он. — Я ведь знаю, что ты смотришь эту передачу, Фредди! Гляди на меня и трепещи!»

Диктор как будто немного опешил.

— Да... — сказал он. — Вот именно. А теперь, мистер Крэндол, не расскажете ли вы нам о самом жутком происшествии...

После того как телеоператоры собрали все оборудование и удалились, репортеры обрушили на обоих допреступников последний шквал вопросов, надеясь выведать что-нибудь пикантное.

«Роль женщин в вашей жизни?», «Ваши любимые книги, ваше хобби, ваши развлечения?», «Встречались ли вам на каторжных планетах атеисты?», «Если бы вам пришлось повторить все сначала...»

Никлас Крэндол отвечал вежливо и скучно, а сам думал о Фредерике Стоддарде Стефансоне, который сидит сейчас перед своим роскошным телевизором с экраном во всю стену.

Или Стефансон уже выключил телевизор? Может быть, он сейчас сидит, уставившись на погасший экран, и старается разгадать замыслы человека, который выжил, хотя согласно статистическим данным у него был на это лишь один шанс из десяти тысяч, и вернулся на Землю, отбыв все семь невероятных лет в лагерях на четырех каторжных планетах...

А может быть, Стефансон, посасывая губы, вертит в руках свой бластер — бластер, которым ему не придется воспользоваться. Ведь если не будет неопровержимо доказано, что он убил, не превысив пределов необходимой обороны, ему придется отбыть за убийство полный срок без зачета в семь лет, положенного тем, кто добровольно отбывает наказание авансом.

И он обречет себя на четырнадцать лет в кошмарном аду, из которого только что вернулся Крэндол.

Но, может быть, Стефансон сидит, скорчившись в дорогом пневматическом кресле, и угрюмо смотрит на экран невыключенного телевизора — оледенев от ужаса и все-таки не в силах оторваться от увлекательной передачи, которую подготовила телевизионная компания в связи с возвращением двух (нет, вы только подумайте — двух!) допреступников, авансом отбывших срок за убийство.

Сейчас, наверное, передается интервью с каким-нибудь земным представителем Галактической тюремной службы, энергичным начальником отдела по связи с прессой, понаторевшим в социологических терминах.

«Скажите, мистер имярек, — начнет диктор (другой диктор — более солидный и интеллигентный), — часто ли допреступники полностью отбывают срок за убийство и возвращаются на Землю?»

«Статистические данные, — эти слова сопровождаются шепелестом бумаги и сосредоточенным взглядом вниз, за кадр, — статистические данные показывают, что человек, полностью отбывший срок за убийство с зачетом, положенным допреступникам, возвращается на Землю в среднем лишь раз в одиннадцать и семь десятых года».

«Таким образом, мистер имярек, можно сказать, что возвращение двух таких людей в один и тот же день — событие довольно необычное?»

«Весьма необычное, иначе вы, телевизионщики, не подняли бы вокруг него такую шумиху». (Жирный смешок, которому вежливо вторит диктор.)

«А что происходит с теми, кто не возвращается, мистер имярек?»

Изящный взмах широкой пухлой руки.

«Они гибнут. Или отказываются от своего намерения. Семь лет на каторжных планетах — это не шутка. Работа там не для неженек, не говоря уж о местных живых организмах, как крупных человекоядных, так и крохотных вирусоподобных. Вот почему тюремные служащие получают такую высокую плату и такие длительные отпуска. В некотором смысле мы вовсе не отменяли смертной казни, а только заменили ее общественно полезным подобием рулетки. Любой человек, совершивший или собирающийся совершить одно из особо опасных преступлений, высылается на планету, где его труд принесет пользу и где у него нет стопроцентной гарантии, что он вернется на Землю хотя бы даже калекой. Чем серьезнее преступление, тем длиннее срок и, следовательно, тем меньше шансов на возвращение».

«Ах, вот как! Но, мистер имярек, вы сказали, что они либо гибнут, либо отказываются от своего намерения. Не будете ли вы так добры объяснить нашим телезрителям, в чем выражается этот их отказ и что тогда происходит?»

Мистер имярек откидывается в кресле и сплетает пухлые пальцы на округлом брюшке.

«Видите ли, всякий допреступник имеет право обратиться к начальнику лагеря с просьбой о немедленном освобождении, для чего достаточно заполнить соответствующий бланк. Этого

человека немедленно снимают с работ и с первым же кораблем отправляют на Землю. Соль тут вот в чем: та часть срока, которую он уже отбыл, полностью аннулируется, и он не получает никакой компенсации. Если, выйдя на свободу, он совершает преступление, он должен отбыть положенный срок полностью. Если он вновь выражает желание отбыть срок авансом, то опять отбывает его с самого начала. Трое из каждых четырех допреступников подают просьбу об освобождении в первый же год. Эти планеты быстро приедаются».

«Да, я думаю! — соглашается диктор. — Но мы хотели бы узнать ваше мнение о зачете, положенном допреступникам. Ведь многие, как вам известно, считают, что такое сокращение срока вдвое слишком соблазнительно и порождает допреступников».

По холеному благообразному лицу пробегают еле уловимая гримаса злости, которая тотчас сменяется снисходительно-презрительной улыбкой.

«Боюсь, что эти люди, хотя и движимые самыми лучшими побуждениями, не слишком осведомлены в вопросах современной криминалистики и психологии. Мы вовсе не стремимся уменьшать число допреступников, мы стремимся его увеличивать».

Вы помните, я сказал, что трое из четырех подают просьбу об освобождении в первый год? Эти индивиды достаточно благодарны и попытались отбыть лишь половину срока, положенного за их преступления. Так неужели же они будут настолько глупы и все-таки совершат преступление с риском получить полный срок без зачета, когда уже убедились, что не могут выдержать и двенадцати месяцев каторги?

А тот, кто не просит об освобождении? Ну, у него есть достаточно времени, чтобы желание совершить задуманное преступление совсем остыло, не говоря уж и о гораздо большей вероятности того, что он погибнет».

«Плохим, очень плохим утешением послужит Стефансону эта лекция», — с удовольствием подумал Никлас Крэндол. Сам-то он вопреки вероятности вернулся после семи лет каторги, чтобы получить товар, оплаченный авансом.

Он и Хенк. Два воплощения до нелепости крохотного шанса. Жена Хенка, Эльза... Может быть, и она сидит перед своим телевизором, точно птица, замороженная взглядом змеи, в тупом отчаянии надеясь, что объяснения представителя Галактической тюремной службы подскажут ей, как избежать неизбежного, как спастись от столь редкой судьбы, которая ей уготована.

Впрочем, об Эльзе пусть думает Отто-Блотто. Пусть радуется: он дорого заплатил за это право. Но Стефансон принадлежит ему, Крэндолу.

«Я хочу, чтобы этот долговязый бандит как следует попстел от страха, я буду выжидать своего часа, и пусть он трясется!»

Репортеры продолжали допрос, но тут громкоговоритель над их головами откашлялся и объявил:

«Заключенные, на выход! Первый десяток собирается и идет в канцелярию корабля. Все правила внутреннего распорядка строго соблюдаются до самого конца. Вызываются: Артур, Ауглюк, Гарфинкель, Гомес, Грэхем, Крэндол, Феррара, Хенк...»

Через полчаса они уже шли по центральному коридору к трапу в своей старой гражданской одежде. У выхода они предъявили свидетельства часовому, механически угодливо улыбнулись Андерсону, когда он крикнул в иллюминатор: «Эй, ребята, возвращайтесь поскорее!» — и сбежали по наклонным сходам на поверхность планеты, которую не видели семь долгих мучительных лет.

У выхода их опять поджидали репортеры и фотографы, а также один телеоператор, которому было поручено показать их зрителям в первые минуты свободы.

Вопросы, вопросы, но теперь они могли позволить себе резкие ответы, хотя им было еще трудно отвечать грубо кому бы то ни было, кроме товарищей по заключению.

К счастью, внимание репортеров отвлек третий допреступник, который шел с ними. Феррара отбыл два года с зачетом за избиение с нанесением увечий. Он лишился обеих рук и одной ноги в едких мхах Прочиона III всего за месяц до освобождения и теперь медленно ковылял по сходам на здоровой ноге и протезе — держаться за перила ему было нечем.

Когда репортеры с неподдельным интересом принялись расспрашивать его, каким образом он намерен осуществить избиение, не говоря уж о нанесении увечий, при столь ограниченных возможностях, Крэндол толкнул Хенка локтем, они быстро сели в ближайшее гиротакси и попросили водителя отвезти их в какой-нибудь бар — поскромнее и потише.

Полная свобода выбора совершенно ошеломила Отто-Блотто. — Ник, я не могу! — прошептал он. — Слишком уж тут много всякой выпивки!

Крэндол вывел его из затруднения, заказав для них обоих.

— Два двойных виски, — сказал он официантке. — И больше ничего.

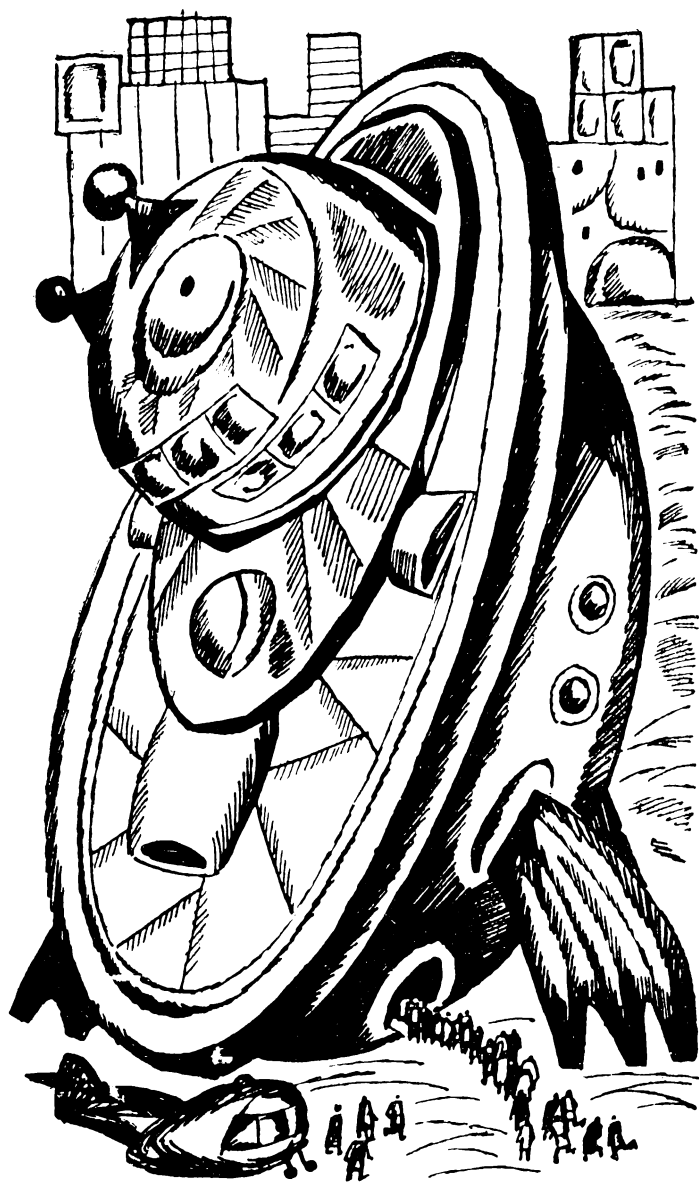
Когда виски было принесено, Отто-Блотто устался на рюмку с грустной недоуменной нежностью — так смотрит отец на сына-подростка, которого в последний раз видел еще грудным младенцем. Он осторожно протянул к ней трясущуюся руку.

— За смерть наших врагов! — сказал Крэндол и, залпом выпив свое виски, стал смотреть, как Отто-Блотто медленно прихлебывает, смакуя каждую каплю. — Не увлекайся! — сказал он предостерегающе. — Не то Эльза и не заметит твоего возвращения — разве что будет возить цветы по приемным дням в клинику для алкоголиков.

— Можешь не опасаться, — проворчал Отто-Блотто в пустую рюмку. — Я вскормлен на этом зелье. Да и в любом случае больше я не пью, пока с ней не разделаюсь. Я так все и задумал, Ник: одна рюмка, чтобы отпраздновать свободу, потом Эльза. Я выдержал эти семь лет не для того, чтобы теперь из-за собственной промашки остаться в дураках.

Хенк поставил рюмку на стол.

— Семь лет то в одном крошечном аду, то в другом. А до этого — двенадцать лет с Эльзой. Двенадцать лет она измывалась надо мной как хотела, смеялась мне в глаза и говорила, что по закону она моя жена, что я обязан ее содержать и буду ее содержать, а не то мне же будет хуже. А чуть только я переставал ползать перед ней на брюхе, она тут же находила спо-

соб упечь меня за решетку. Потом через месяц-другой говорила судье, что я, наверное, образумился и она готова меня простить! Я на коленях просил ее дать мне развод, в ногах у нее валялся — детей у нас нет, она здоровая, молодая, но она только смеялась мне в лицо. Когда ей надо было засадить меня, так перед судьей она плакала и рыдала, но, когда мы оставались с ней вдвоем, она только хохотала, глядя, как меня корчит. Я содержал ее, Ник. Отдавал ей все, что зарабатывал, почти до последнего цента, но этого ей было мало. Ей нравилось смотреть, как я корчусь, — она сама так и сказала. Ну, а сейчас пришел ее черед корчиться. — И, крикнув, он добавил: — Женятся только дураки.

Крэндол поглядел в открытое окно, рядом с которым он сидел. Там на множестве уходящих все ниже и ниже уровней бурлила обычная жизнь Нью-Йорка.

— Может быть, — произнес он задумчиво. — Не берусь судить. Мой брак был очень счастливым, пока он длился, — все пять лет. А потом вдруг счастье исчезло — словно масло прогоркло.

— Во всяком случае, она дала тебе развод, — заметил Хенк. — А не вцепилась тебе в глотку.

— О, Полли была не из тех женщин, которые вцепляются кому-нибудь в глотку. Я звал ее Прелесть Полли, а она меня — Большой Ник. А потом звездный блеск потускнел, да и я тоже, наверное. Тогда я еще лез из кожи вон, пытаюсь добиться, чтобы наша с Ирвом фирма приносила прибыль. Оптовая торговля электронным оборудованием. Ну и конечно, нетрудно было понять, что миллионера из меня не выйдет. Возможно, дело было именно в этом. Но, так или иначе, Полли решила уйти, и я не стал мешать. Мы расстались друзьями. Я часто думаю, что она теперь...

Раздался хлопок, похожий на всплеск — словно тюлень ударил ластом по воде. Крэндол взглянул на стол, где между рюмками теперь лежал чуть приплюснутый шар. В тот же миг рука Хенка подхватила шар и швырнула его в окно. В воздух взвились длинные зеленые нити, но шар уже падал вдоль стены гигантского здания и рядом не было живой плоти, в которую они могли бы впитаться.

Уголком глаз Крэндол успел заметить, что какой-то человек стремглав выбежал из бара. Несомненно, это он бросил шар: остальные посетители испуганно смотрели ему вслед и оглядывались на их столик. Стефансон, очевидно, решил, что за Крэндолом стоит установить слежку и обезвредить его.

Отто-Блотто не стал хвалиться быстротой своей реакции. Они оба уже давно научились действовать мгновенно — чужие смерти преподавали им немало полезных уроков. И Хенк сказал только:

— Одуванчик-бомба с Венеры. Ну, во всяком случае, Ник, этот типчик не хочет тебя убить. Просто искалечить.

— Да, это в духе Стефансона, — согласился Крэндол, когда, заплатив по счету, они направились к выходу, а лица вокруг только еще начинали бледнеть. — Сам он этого не сделал бы. Нанял бы исполнителя. И нанял бы его через посредника, на случай если исполнитель попадет в руки полиции и расколется.

Но и это был бы риск: обвинение в уже совершенном убийстве его никак не устроило бы. Вот он прикинул: небольшая доза одуванчика-бомбы — и я уже для него не опасен. Возможно, он даже навещал бы меня в приюте для неизлечимо больных. Ведь присылал же он мне на каждое рождество открытки все эти семь лет. И всегда одно и то же: «Еще злишься? Привет! Фредди».

— Этот твой Стефансон — парень ничего себе! — сказал Отто-Блотто, внимательно огляделся по сторонам и только тогда вышел из бара на тротуар пятнадцатого уровня.

— Очень даже. Он держит мир в кулаке и время от времени сжимает кулак покрепче — так просто, для забавы. Я познакомился с его методами, еще когда мы делили комнату в студенческом общежитии, но думаешь, это мне хоть чуточку помогло? Я случайно встретился с ним, когда наша с Ирвом фирма была уже при последнем издыхании, года через два после того, как мы с Полли разошлись. Мне было очень скверно и хотелось излить кому-нибудь душу — вот я и рассказал ему, что мой компаньон дрожит над каждым грошом, а я строю воздушные замки, и вдвоем мы доведем до верного банкротства фирму, которая могла бы стать золотым дном. А потом я добрался и до моего дистанционного переключателя — как мне, дескать, хотелось бы им заняться всерьез, да все нет времени.

Отто-Блотто то и дело тревожно оглядывался — не потому, что он опасался нового нападения, а потому, что его как-то смущала возможность ходить свободно. Встречные останавливались, глядя на их старомодные туники до колен.

— Вот так-то! — продолжал Крэндол. — Конечно, я сваял дурака, но поверь, Отто, ты и представления не имеешь, как ловко и убедительно субъекты вроде Фредди Стефансона умеют разыгрывать дружеское участие. Он сказал мне, что у него есть загородный дом, но он в нем сейчас не живет, а в подвале оборудовал электронную лабораторию с новейшей аппаратурой. И если я захочу, то со следующей недели он отдаст и дом и лабораторию в мое полное распоряжение. Вот только о своем пропитании я должен буду заботиться сам. Никакой платы ему не нужно: делает он это по старой дружбе и потому, что хочет, чтобы я не разменивался на мелочи, а создал что-то по-настоящему большое. Ну, как я мог не попасть на такую удочку? И только через два года я сообразил, что лабораторное оборудование он установил в этом подвале уже после нашего разговора — когда я предложил Ирву за три сотни выкупить мою долю в нашей фирме. Зачем, собственно, могла понадобиться электронная лаборатория Стефансону, владельцу маклерской конторы? Но подобные вещи как-то не приходят в голову, когда старый товарищ проявляет к тебе такое теплое дружеское участие.

Отто вздохнул и продолжил:

— Ну и он навещал тебя чуть ли не каждую неделю, а когда твоя новая штучка заработала как миленькая, он захлопнул дверь перед твоим носом, а все твои чертежи и готовую штучку увез неизвестно куда. А тебе сказал, что запатентует ее прежде, чем ты успеешь восстановить хотя бы один чертеж. Да и вообще работал-то ты в его доме. И он сумеет доказать, что

он тебя субсидировал. И тут он расхохотался тебе в лицо, прямо как Эльза. Верно, Ник?

Крэндол закурил губу, вдруг осознав, что Отто Хенк знает его историю наизусть. Сколько раз они делились планами мести и рассказывали друг другу, что привело их на каторгу! Сколько раз каждый повторял все ту же горькую повесть, а товарищ говорил те же слова сочувствия, задавал те же вопросы, одинаково соглашался и даже одинаково возражал!

Внезапно Крэндолу захотелось избавиться от Отто-Блотто и насладиться блаженством одиночества. Двумя уровнями ниже он увидел сверкающую крышу отеля.

— Пожалуй, я пойду туда. Пора подумать и о ночлеге.

Отто кивнул, догадываясь, чем вызвано это внезапное решение.

— Валяй! Я тебя понимаю. Но не жирно ли это будет, Ник? «Козерог-Ритц»! Не меньше двенадцати кредиток в день.

— Ну и что? Неделью я могу и пороскошествовать. А когда сяду на мель, мне с моей биографией нетрудно будет найти выгодную работу. Сегодня я хочу пошиковать, Отто-Блотто.

— Ну ладно, ладно. Адрес мой у тебя есть, Ник? Я буду у моего двоюродного брата.

— Да, есть. Ну, желаю удачи с Эльзой, Отто!

— Спасибо. Удачи с Фредди! Ну и... пока!

Отто-Блотто повернулся и вошел в лифт. Когда двери за ним закрылись, Крэндолу вдруг стало грустно. Хенк был теперь для него ближе родного брата. Ведь они с Хенком не расставались последние годы ни днем, ни ночью. А Дэна он не видел... сколько же это?.. да, почти девять лет.

И Крэндол вдруг почувствовал, как мало, в сущности, осталось у него связей с миром людей, если не считать негативного желания убрать из этого мира Фредди Стефансона.

Он зашагал к ближайшей аптеке — очень большой и очень роскошной. В самом центре витрины он сразу увидел то, что ему было нужно.

Подойдя к табачному прилавку, Крэндол спросил продавца:

— Что-то очень уж дешево — может быть, бракованная партия?

Продавец ответил с видом оскорбленного достоинства:

— Прежде чем мы пускаем товар в продажу, сэр, он подвергается тщательнейшей проверке. А цена такая низкая потому, что мы — самая крупная оптовая фирма в Нью-Йорке.

— Ну ладно, дайте мне один среднего калибра. И две коробки патронов.

С бластером в кармане Крэндол почувствовал себя немного спокойнее. Он был уверен, что в нужный момент успеет отпрыгнуть, увернуться, отпрыгнуть — эту уверенность воспитали долгие годы, когда ему приходилось каждую минуту опасаться нападения хищных тварей с молниеносными реакциями. Однако всегда приятно иметь возможность ответить ударом на удар. Да и Стефансон, конечно, не станет долго тянуть со следующей попыткой.

В отеле Крэндол назвался вымышленной фамилией — эта хитрость пришла ему в голову в самый последний момент.

«И могла бы вовсе не приходить», — подумал он, когда лифтер, получив чаевые, сказал:

— Спасибо, мистер Крэндол. Желаю вам благополучно закончить вашу жертву, сэр.

Итак, он знаменитость. Возможно, его лицо знает весь мир. Пожалуй, из-за этого будет труднее добраться до Стефансона.

Перед тем как пройти в ванную, Крэндол запросил у телесправочного бюро сведения о Стефансоне. Семь лет назад Стефансон уже был достаточно богат и известен в деловых кругах. А теперь благодаря стефансоновскому переключателю (стефансоновскому, черт побери!) он, вероятно, стал еще богаче и гораздо известнее.

Так и оказалось. Телевизор сообщил, что за последний календарный месяц в бюро поступило шестнадцать записей, касающихся Фредерика Стоддарда Стефансона. Крэндол подумал и попросил, чтобы ему проиграли последнюю. Она была датирована этим днем: Фредерик Стефансон, президент Стефансоновского банка и Стефансоновской электронной корпорации, отбыл сегодня рано утром в свой гималайский охотничий домик. Он намерен пробыть там не менее...

— Достаточно! — крикнул Крэндол из ванны.

Значит, Стефансон струсил. Долговязый бандит ополоумел от страха! Это уже что-то. Неплохой процент с семи лет каторги. Пусть попотеет хорошенько — так, чтобы смерть, когда они, наконец, полностью сведут счеты, показалась ему облегчением.

Крэндол заказал последние известия и имел удовольствие выслушать последнюю сводку новостей о себе самом — о том, что он поселился в отеле «Козерог-Ритц» под именем Александра Смейзерса. «Но оба эти имени — и Крэндол и Смейзерс — неверны, уважаемые слушатели, — ораторствовала равнодушная запись. — У этого человека есть только одно истинное имя, и это имя — Смерть! Да, сегодня в отеле «Козерог-Ритц» поселился жнец жизней, и только он один знает, кому из нас не суждено увидеть нового восхода солнца. Этот человек, этот жнец человеческих жизней, этот посланец Смерти — единственный среди нас, кому известно...»

— Заткнись! — в бешенстве завопил Крэндол. За эти семь лет он совсем забыл, какие муки вынужден безропотно сносить свободный человек.

На телевизионном экране вспыхнул сигнал частного телевизионного вызова. Крэндол поспешно вытерся, оделся и спросил:

— Кто это?

— Миссис Никлас Крэндол, — ответил голос телевизионистки.

Крэндол потрясенно уставился на экран. Полли! Откуда она вдруг взялась? И как она узнала, где его найти? Впрочем, ответить на последний вопрос нетрудно — он же знаменитость!

— Соедините! — сказал он наконец.

Экран заполнило лицо Полли. Крэндол внимательно рассматривал его, слегка улыбаясь. Она немного постарела, но, пожалуй, заметить морщинки можно только при таком увеличении...

И Полли как будто тоже сообразила это: во всяком случае, она повернула рукоятку настройки, и ее лицо уменьшилось до нормальных размеров — теперь была видна вся ее фигура и

окружающая обстановка. Полли, по-видимому, звонила ему из дома. Комната выглядела, как все гостинные меблированных квартир для небогатых людей, зато сама Полли выглядела прекрасно, и смотреть на нее было очень приятно. У Крэндол потеплело на сердце от воспоминаний...

— Полли! Здравствуй! Что случилось? Вот уж не ожидал увидеть тебя!

— Здравствуй, Ник, — она прижала руку ко рту и несколько секунд молча смотрела на него, а потом сказала:

— Ник... Ну пожалуйста! Пожалуйста, не мучь меня!

Крэндол сел на первый попавшийся стул.

— Что?

Полли заплакала.

— Ах, Ник! Не надо! Не будь таким жестоким. Я знаю, почему ты отбыл этот срок, эти семь лет. Но, Ник, ведь, кроме него, никого не было. Только он, он один!

— Один он... Кто он?

— Я была тебе неверна только с ним. И я думала, что он любит меня, Ник. Я не стала бы разводиться с тобой, если бы представляла, какой он на самом деле. Но ведь ты это знаешь, Ник! Знаешь, как он заставил меня страдать. Я уже достаточно наказана, Ник, не убивай меня, пожалуйста, не убивай!

— Полли, послушай, — сказал он ошеломленно. — Полли, деточка, ради бога...

— Ник! — истерически всхлипнула она. — Ник, ведь с тех пор прошло одиннадцать лет. Во всяком случае, десять. Не убивай меня за это, Ник, пожалуйста, не убивай. Ник, честное слово, я была неверна тебе только год. Ну, от силы два. Честное слово, Ник. И ведь только с ним одним. Остальные не в счет. Это были так... мимолетные увлечения. Они ничего не меняли, Ник. Только не убивай меня! Не убивай! — И, закрыв лицо руками, она затряслась в неудержимых рыданиях.

Крэндол несколько секунд смотрел на нее, потом облизал пересохшие губы. Потом присвистнул и выключил телевизор. Потом откинулся на спинку стула и снова присвистнул, но на этот раз сквозь стиснутые зубы, так что получился не свист, а шипение.

Полли! Полли ему изменяла! Год... нет, два года! И... как это она выразилась? Остальные! Остальные были лишь мимолетными увлечениями.

Единственная женщина, которую он любил и, кажется, никогда не переставал любить, женщина, с которой он расстался с бесконечным сожалением, вина во всем только себя, когда она сказала ему, что дела фирмы отняли его у нее, но так как было бы нечестно просить его отказаться от того, что, очевидно, столь для него важно...

Прелесть Полли! Полли, деточка! Пока они были вместе, он ни разу не посмотрел на другую женщину. А если бы кто-нибудь посмел сказать... или даже намекнуть... он раскроил бы наглецу физиономию гаечным ключом! Он развелся с ней только потому, что она его об этом попросила, но продолжал надеяться, когда фирма окрепнет и основная часть работы ляжет на плечи Ирва, заведовавшего бухгалтерией, они с Полли вновь

найдут друг друга. Но дела пошли еще хуже, жена Ирва серьезно заболела, Ирв стал еще реже показываться в конторе и...

— У меня такое ощущение, — пробормотал он вслух, — будто я сейчас узнал, что добрых волшебников не бывает. Чтобы Полли... И все эти светлые годы... Один человек! А остальные — только мимолетные увлечения!

Снова вспыхнул телевизионный сигнал.

— Кто это? — раздраженно буркнул Крэндол.

— Мистер Эдвард Болласк.

— Что ему нужно?

На экране появилось изображение чрезвычайно толстого человека. Он настороженно осмотрел номер.

— Я должен спросить вас, мистер Крэндол, уверены ли вы, что ваш телевизор не подключен к линии подслушивания?

— Какого черта вам нужно?

Крэндол почти жалел, что толстяк не явился к нему лично. С каким удовольствием он сейчас кого-нибудь хорошенько бы отделал!

Мистер Эдвард Болласк укоризненно покачал головой, и его щеки заколыхались где-то под подбородком.

— Ну что же, сэр, если вы не можете дать мне такой гарантии, я буду вынужден рискнуть. Я обращаюсь к вам, мистер Крэндол, с призывом простить вашим врагам, подставить под оскорбившую длань другую щеку. Я взываю к вам: откройте душу вере, надежде и милосердию — главное, милосердию, которое превышает всех остальных добродетелей. Другими словами, сэр, забудьте о ненависти к тому или к той, кого вы намеревались убить, поймите душевную слабость, толкнувшую их сделать то, что они сделали, и простите им.

— Почему я должен им прощать? — в бешенстве спросил Крэндол.

— Потому, что так вы изберете благую участь, сэр: я имею в виду не только нравственные блага, хотя не должно забывать и о духовных ценностях, но и материальные блага. Материальные, мистер Крэндол.

— Будьте так любезны, объясните мне, о чем вы, собственно, говорите.

Толстяк наклонился вперед и вкрадчиво улыбнулся:

— Если вы простите того, кто заставил вас принять семь долгих лет страданий, семь лет лишений и мук, мистер Крэндол, я готов предложить вам чрезвычайно выгодную сделку. У вас есть право на одно убийство. Мне требуется одно убийство. Я очень богат. Вы же, насколько я могу судить, сэр, — не поймите это неправильно — очень бедны. Я могу обеспечить вас до конца ваших дней — и не просто обеспечить, мистер Крэндол, — если только вы откажетесь от своего замысла, от своего недостойного замысла, отринете личную месть. Видите ли, у меня есть конкурент, который...

Крэндол выключил телевизор.

— Сам отсиди свои семь лет, — ядовито посоветовал он померкшему экрану. И вдруг ему стало смешно. Он откинулся на спинку стула и захохотал.

У, жирная скотина! Вздумал пичкать его евангельскими текстами!

Однако этот звонок принес свою пользу. Теперь он увидел смешную сторону их разговора с Полли. Только подумать: она сидит в своей убогой комнатке и трясется из-за грязных интрижек десятилетней давности! Только подумать: она вообразила, что он прошел через семилетний ад из-за такой...

Крэндол представил себе все это и пожал плечами:

— И пусть. Ей это только полезно.

Тут он почувствовал, что очень голоден.

Он хотел было распорядиться, чтобы обед принесли ему в номер, опасаясь еще одной встречи со стефансоновским метателем шаров, но потом передумал. Если Стефансон всерьез охотился за ним, то нет ничего легче, чем подсыпать чего-нибудь в предназначенный ему обед. Куда безопаснее поесть в ресторане, выбранном наугад. Кроме того, будет приятно посидеть в ярко освещенном зале, послушать музыку, развлечься немного. Ведь это его первый вечер на свободе, и надо как-то избавиться от скверного привкуса во рту, который остался от разговора с Полли.

Прежде чем выйти за дверь, он внимательно осмотрел коридор. Ничего подозрительного. Но ему вспомнилась крохотная планетка вблизи Веге, где они вот так же оглядывались по сторонам каждый раз, когда выбирались из туннелей, образованных параллельными рядами высоких хвощей. А если не оглядеться... неосторожных иногда подстерегал огромный пиявкообразный моллюск, который умел метать куски своей раковины с большой силой и на порядочное расстояние. Обломок только оглушал жертву, но за это время пиявка успевала подобраться к ней.

А эта пиявка была способна высосать человека досуха за десять минут.

Один раз такой осколок попал в него, но пока он валялся без сознания, Хенк... Старина Отто-Блотто! Крэндол улыбнулся. Неужели настанет день, когда они будут вспоминать пережитые ужасы с ностальгической грустью? Так старым солдатам бывает приятно за кружкой пива вспомнить даже самые тяжелые испытания войны. Ну что ж, во всяком случае, они пережили эти ужасы не ради жирных святош, вроде мистера Эдварда Болласка, ханжи, мечтающего безнаказанно убивать чужими руками. И если уж на то пошло, не ради подленьких трусливых потаскушек вроде Полли.

«Фредерик Стоддард Стефансон, Фредерик Стоддард...»

Кто-то положил руку ему на плечо, и, очнувшись, он увидел, что уже прошел половину вестибюля.

— Ник!

Крэндол обернулся. Подстриженная борода клинышком — у него не было знакомых с такими бородами, но глаза были ему мучительно знакомы...

— Ник, — сказал человек с бородой, — я не смог.

Эти глаза... ну конечно же, это его младший брат!

— Дэн! — крикнул он.

— Да, это я. Вот!

Что-то со стуком упало на пол. Крэндол посмотрел вниз и увидел на ковре бластер — большого калибра и значительно

более дорогой, чем его собственный. «Почему Дэн ходит со шпалером? Кто за ним охотится?»

Эта мысль принесла с собой смутную догадку. И страх — страх перед тем, что может сказать брат, которого он не видел столько лет.

— Я мог бы убить тебя, как только ты вошел в вестибюль, — говорил Дэн. — Я все время держал тебя на прицеле. Но я хочу, чтобы ты знал, что я не нажал на спусковую кнопку не из-за срока, который дают за совершенное убийство.

— Да? — спросил Крэндол на медленном выдохе протяжением во все вновь пережитое прошлое.

— Я просто не могу вынести мысли, что буду еще больше виноват перед тобой. Со времени этой истории с Полли я постоянно...

— С Полли? Да, конечно, с Полли. — Казалось, к его подбородку привесили гирию, она оттягивала его голову вниз, мешала закрыть рот. — С Полли. Этой истории с Полли.

Дэн дважды ударил кулаком по ладони.

— Я знал, что рано или поздно ты придешь рассчитаться со мной. Я чуть с ума не сошел от ожидания и от угрызений совести. Но я не думал, что ты выберешь такой путь, Ник. Семь лет ожидания!

— Поэтому ты и не писал мне, Дэн?

— А что я мог написать? И сейчас — что я могу сказать? Мне казалось, что я люблю ее, но все кончилось, как только мы развелись. Наверное, меня всегда тянуло к тому, что было твоим, Ник, потому что ты мой старший брат. Другого оправдания у меня нет, и я прекрасно понимаю, чего оно стоит. Ведь я знаю, как было у вас с Полли, и я разрушил все это просто из желания сделать гадость. Но вот что, Ник: я не убью тебя, и я не буду защищаться. Я слишком устал. И слишком виноват. Ты знаешь, где меня найти, Ник. Приходи, когда захочешь.

Дэн повернулся и быстро зашагал к выходу. Металлические блестяшки на его икрах — последний крик моды — сверкали и переливались. Он не оглянулся, даже когда проходил за прозрачной стеной вестибюля.

Крэндол долго смотрел ему вслед, затем тоскливо пробормотал: «Гм!», — нагнулся, поднял второй бластер и отправился искать ресторан.

Он сидел, рассеянно ковыряя пряные деликатесы с Венеры, которые оказались далеко не такими вкусными, как представлялось ему в воспоминаниях, и думал о Полли и Дэне. Всякие мелочи — теперь, когда они встали на свое место, — всплывали в его памяти одна за другой. А он-то и не подозревал... Но кто мог заподозрить Полли? Кто мог заподозрить Дэна?

Крэндол достал из кармана свое свидетельство об освобождении и начал внимательно его изучать: «Полностью отбыв максимальный семилетний срок тюремного заключения с предварительным зачетом, Никлас Крэндол освобождается со всеми правами допреступника...»

...чтобы убить свою бывшую жену Полли Крэндол?

...чтобы убить своего младшего брата Дэниела Крэндола?

Какая нелепость!

Но им-то это не показалось нелепостью! Оба они были так блаженно уверены в своей вине, так самодовольно считали себя, и только себя, единственным объектом ненависти, столь свирепой, что жажда мести не отступила даже перед самым страшным из всего, чем располагает Галактика, — оба они были так в этом уверены, что их проверенная на деле хитрость изменила им и они неправильно истолковали радость в его глазах! И Полли и Дэн легко могли бы оборвать уже начатую исповедь — и он ни о чем не догадался бы! Если бы только они не были так заняты собой и вовремя заметили его удивление, они могли бы и дальше обманывать его. Если не обоим, то уж кому-нибудь одному из них это наверняка удалось бы!

Когда он вернулся в свой отель, он уже успокоился настолько, что не забыл внимательно оглядеть вестибюль за прозрачной стеной. Никого похожего на стефансоновского наемника. Впрочем, Стефансон — осторожный игрок и, потерпев неудачу, пожалуй, не станет торопиться со следующей попыткой.

В его почтовом ящике лежала записка. Кто-то звонил ему и оставил свой номер, но больше ничего передать не просил.

Поднимаясь к себе, Крэндол раздумывал, кому еще он мог понадобиться. Может быть, Стефансон решил нащупать почву для примирения? Или какая-нибудь глубоко несчастная мать попросит, чтобы он убил ее неизлечимо больного дитя?

Он назвал номер и с любопытством уставился на экран.

Экран замерцал, и на нем появилось лицо. Крэндол еле удержался от радостного возгласа. Нет, один друг в Нью-Йорке у него все-таки есть. Старина Ирв, всегда благоразумный и надежный. Его бывший компаньон.

Но в тот самый миг, когда Крэндол был уже готов выразить свою радость вслух, он вдруг прикусил язык. Слишком много неожиданностей принес ему этот день. А в выражении лица Ирва было что-то такое...

— Послушай, Ник, — сумрачно начал Ирв после неловкой паузы, — я хотел бы задать тебе только один вопрос.

— А именно, Ирв?

— Ты давно знаешь? Когда ты догадался?

Крэндол перебрал в уме несколько возможных ответов и выбрал наиболее подходящий.

— Очень давно, Ирв. Но ведь тогда я ничего не мог сделать. Ирв кивнул.

— Я так и думал. Ну, так послушай. Я не стану просить и оправдываться. За семь лет ты столько перенес, что никакие мои оправдания, конечно, ничего изменить не могут. Но поверь одному: много брать из кассы я начал, только когда заболела жена. Мои личные средства были истощены. Занимать я больше не мог, а у тебя хватало и собственных семейных неприятностей. Ну, а когда дела фирмы пошли лучше, я боялся, что слишком большое несоответствие между прежними цифрами и новыми откроет тебе глаза. Поэтому я продолжал прикармливать прибыль уже не для того, чтобы платить по больничным счетам, и не для того, чтобы обманывать тебя, Ник, поверь мне, а просто чтобы ты не узнал, сколько я уже присвоил. Когда ты пришел ко мне и сказал, что совсем пал духом и хочешь уйти из фирмы... ну, тогда, не спорю, я поступил под-

ло. Мне следовало бы сказать тебе правду. Но, с другой стороны, как компаньоны, мы не очень подходили друг к другу, а тут мне представился случай стать одному хозяином фирмы, когда ее положение уже упрочилось, ну и...

— И ты выкупил мою долю за три сотни, — договорил за него Крэндол. — А сколько теперь стоит фирма, Ирв?

Ирв отвел глаза в сторону.

— Около миллиона. Но послушай, Ник! В прошлом году оптовая торговля переживала небывалый расцвет. Так что твоего тут уже не было. Послушай, Ник...

Крэндол угрюмо и насмешливо фыркнул.

— Я слушаю, Ирв.

Ирв достал чистую бумажную салфеточку и вытер вспотевший лоб.

— Ник, — сказал он, наклоняясь вперед и изо всех сил стараясь дружески улыбнуться, — послушай меня, Ник. Забудь про это, не преследуй меня, и я тебе кое-что предложу. Мне нужен управляющий с твоими техническими знаниями. Я дам тебе двадцать процентов в деле, Ник... нет, двадцать пять. Я готов дать даже тридцать... тридцать пять...

— И ты думаешь, что это компенсирует семь лет каторги?

Ирв умоляюще поднял трясущиеся руки.

— Нет, Ник, конечно, нет. Их ничто не компенсирует. Но, послушай, Ник. Я готов дать сорок пять про...

Крэндол выключил телевизор. Некоторое время он продолжал сидеть, потом вскочил и начал расхаживать по комнате. Он остановился и осмотрел свои бластеры — купленный утром и брошенный Дэном. Достал свидетельство об освобождении и еще раз внимательно прочел его. Потом снова сунул в карман туники.

Позвонив дежурной, он заказал межконтинентальный разговор.

— Хорошо, сэр. Но вас хочет видеть один джентльмен. Мистер Отто Хенк, сэр.

— Пригласите его сюда. И включите мой экран, как только вас соединят, мисс.

Через несколько минут к нему в номер вошел Отто-Блотто. Он был пьян, но, как обычно в таких случаях, внешне это у него не проявлялось.

— Как ты думаешь, Ник, как ты думаешь, что, черт...

— Ш-ш-ш! — перебил его Крэндол. — Меня соединили.

Телевизионистка где-то в Гималаях сказала:

— Говорите, Нью-Йорк.

И на экране появился Фредерик Стоддарт Стефансон. Он постарел гораздо больше тех, кого Крэндол успел повидать в этот день. Впрочем, это еще ни о чем не говорило: когда Стефансон разрабатывал сложную операцию, он всегда казался постаревшим.

Стефансон ничего не сказал. Он только смотрел на Крэндола, крепко сжав губы. Позади него виднелся зал охотничьего домика — совсем такой, каким подобные залы рисуются воображению телевизионных режиссеров.

— Ну ладно, Фредди, — заговорил Крэндол. — Я долго тебя не задержу. Можешь отозвать своих псов и не стараться

больше убить меня или искалечить. Я на тебя теперь даже не зол.

— Даже не зол... — Стефансон с трудом обрел привычное самообладание. — А почему?

— Потому что... ну, тут много причин. Потому что теперь, когда мне осталось только убить тебя, твоя смерть не подарит мне семи лет адской радости. И потому, что ты не сделал мне ничего такого, чего не делали все остальные — кто что мог и, вероятно, со дня моего появления на свет. Поэтому я решил, что я простофиля от рождения. Так уж я создан. И ты просто этим воспользовался.

Стефансон наклонился, впери́л в его лицо внимательный взгляд, потом перевел дух и облегченно скрестил руки на груди.

— Пожалуй, ты говоришь искренне.

— Конечно, я говорю искренне. Видишь? — он показал на два бластера. — Сегодня я их выброшу. С этих пор я не буду носить никакого оружия. Я не хочу, чтобы от меня хоть как-то зависела чья-то жизнь.

Стефансон задумчиво поковырял под ногтем большого пальца.

— Вот что, — сказал он. — Если ты говоришь серьезно — а, по-моему, это так и есть, — то, может быть, мы что-нибудь придумаем. Скажем, будем выплачивать тебе какую-то долю прибыли. Там поглядим.

— Хотя это не принесет тебе никакой выгоды? — с удивлением спросил Крэндол. — Почему же ты раньше мне ничего не предлагал?

— Потому, что я не люблю, чтобы меня принуждали. До сих пор я противопоставлял силу силе.

Крэндол взвесил этот ответ.

— Не понимаю. Но, наверное, ты так создан. Что же, как ты сказал, — там поглядим.

Когда он, наконец, повернулся к Хенку, Отто-Блотто все еще растерянно покачивал головой, занятый только собственной не-задачей.

— Представляешь, Ник? Эльза месяц назад отправилась в увеселительную поездку на Луну. Кислородный шланг в ее костюме засорился, и она умерла от удушья, прежде чем ей успели помочь. Черт те что, Ник, верно? За месяц до конца моего срока! Не могла подождать какой-то паршивый месяц! Она хотела надо мной, когда помирала. Это уже как пить дать!

Крэндол обнял его за плечи.

— Пойдем погуляем, Отто-Блотто. Нам обоим будет полезно проветриться.

Странно, как право на убийство действует на людей, думал он. Полли поступила на свой манер, а Дэн — на свой. Стари-на Ирв отчаянно вымаливал себе жизнь, но старался не переплатить. Мистер Эдвард Болласк... И только Фред Стефансон, единственная намеченная жертва, только он не пожелал просить.

Просить он не пожелал, но на милостыню расщедриться готов. Способен ли он принять от Стефансона то, что, в сущности, будет подачкой? Крэндол пожал плечами. Кто знает, на что способен он или любой другой человек?!

— Что же нам теперь делать, Ник? — обиженно спросил Отто-Блотто, когда они вышли из отеля. — Нет, ты мне ответь: что нам теперь делать?

— Я, во всяком случае, сделаю вот что, — ответил Крэндол, беря в каждую руку по бластеру. — Только это, и больше ничего.

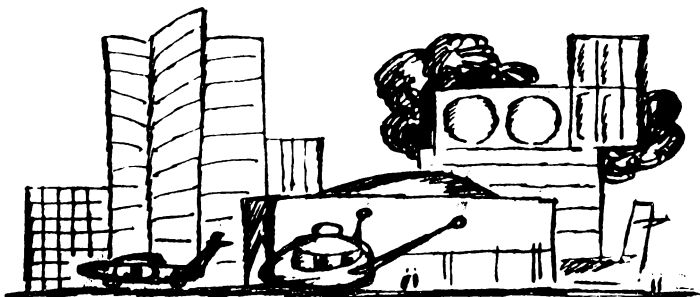
Он по очереди швырнул сверкающие бластеры в стеклянную стену роскошного вестибюля «Козерог-Ритца». Раздался звон, затем снова звон. Стена рухнула, расколовшись на длинные кривые кинжалы. Люди в вестибюле оборачивались, выпучив глаза.

К Крэндолу подскочил полицейский. Бляха на его металлической форме отчаянно дребезжала.

— Я видел! Я видел, как ты это сделал! — кричал он, схватывая Крэндола. — Ты получишь за это тридцать суток!

— Да неужто? — сказал Крэндол. — Тридцать суток? — он вытащил из кармана свое свидетельство об освобождении и протянул его полицейскому. — Вот что, уважаемый блюститель порядка. Сделайте-ка в этой бумажке надлежащее число проколов или оторвите купон соответствующих размеров. Либо так, либо эдак. А можете и так и эдак. Как вам больше нравится.

Перевела с английского И. ГУРОВА

Болота осушающий

Повесть

ПРОЛОГ

Мважаемый товарищ!
Растение это из третичного периода (был такой период в геологической жизни нашей планеты). Каким образом Вы узнали о растении, не представляю себе!

Конрад Фиалковский. Меня зовут Мольнар Дело в том, что вся деятельность геологов, все поиски и разведка полезных ископаемых, все геологические карты, прогнозы, предположения основаны на фактическом материале, на описаниях горных пород, сделанных в маршрутах, на подробном описании мест, где эти породы выходят на поверхность, то есть образуют обнажения. Вернувшись в город, мы тщательно исследуем все собранное в лабораториях. Делаются химические и минералогические анализы, определяются собранные остатки ископаемых животных и растений, строятся карты и профили, на которых становятся ясными соотношения различных пород.

Я здесь приведу описание обнажения так, как это было сделано двадцать два года назад.

«Обнажение № 135

В 5 км. с.-з. деревни Усолки. Овраг, впадающий в речку М. Покровка. 110 м на восток от устья оврага.

1. Опoki темно-серые, плотные, звонкие. Мощность 1,5 м.

2. Песчаник светло-серый, слабо сцементированный, среднезернистый, известковистый, содержит раковины моллюсков (Обр. 451). Мощность 0,3 м.

3. Глины голубовато-серые, плотные, алевритовые, слоистые. Мощность 0,8 м.

Наблюдается легкое видимое падение слоев на юг 3—5°.

Далее на восток овраг раскрывается, склоны выполаживаются. Левый склон залесен, коренных пород не наблюдается (Для картирования нужно делать расчистки)».

Вам странно читать эти строки. Они для Вас непонятны, как непонятны для многих людей и иероглифы майя. Но ведь весь этот фактический материал, собранный в поле и полученный в лабораториях, позволяет говорить о том, какая жизнь была на Земле в различные геологические эпохи, как она изменялась, иначе говоря, воссоздать географию прошлого — палеогеографию. Но одного фактического материала мало. Надо уметь сочетать его с долей воображения, да, да, именно с воображением, чтобы зримо увидеть все. Вас это удивляет? Но горные породы — памятники физико-географических условий прошлых геологических эпох, и у геологов воображение должно быть развито очень сильно. (Возможна ли вообще наша жизнь без воображения — это уже другой вопрос.) Так вот, на основе вышеописанного обнажения, я опишу Вам палеогеографию района. Но не забудьте о факторе времени! В современных условиях в болотных отложениях прирост мха составляет 0,25 см в год. А осадки одного, так называемого сызранского, яруса палеогена достигают полтора метра метров мощности...

...Тяжелое небо нависает над бесконечно серым морем. Теплая мутная вода со слабыми волнами плещется о берег.

Где-то далеко от этих мест вздымаются горы, внутри Земли происходят вулканические процессы. А здесь море все накатывает и накатывает волны на берег, постепенно разрушая и изменяя его облик. Появляются и исчезают острова. Теплый влажный климат — так непохожий на наш современный — способствует появлению пышной растительности на берегах. Леса — разнообразные по составу — покрывают сушу. Лианы опутывают стволы магнолий, высокие каштаны с шарообразной кроной рвутся к солнцу. Лес — всюду лес! Ни зимы со снегами и метелями, ни знойного лета. Иногда идут обильные теплые дожди, даже не дожди, а ливни. Прямые упругие струи бьют по листьям, по веткам. А когда ночью ярко светит луна, то ее свет отражается в море, в бесчисленных потоках воды, в озерах, во впадинах со стоячей водой, и все окрашено в зелено-серебряный цвет. Лес и вода...

И вот на одном небольшом острове, затерявшемся в безбрежном море, здесь, в районе нынешнего Саратовского Поволжья, вместе с кленами и инжиром, миртами и дубами, росло одно дерево. Оно скорее напоминало куст, но очень высокий, с могучими ветками, вытянувшимися в разные стороны, с большими зубчатыми листьями. На листьях выделялись толстые жилки. Иногда куст покрывался огромными кистями цветов, около которых летали большие блестящие насекомые и пестрые птицы. Порывы ветра шевелили глянцевитые листья, и красивые цветы роняли свои венчики. Потом куст усеивали зеленоватые коробочки, в которых зрели семена. Коробочки лопались, семена высыпались. Ветер подхватывал и разносил их далеко в море. Проходили столетия, менялись берега, умирали и вновь вырастали деревья. Потом море совсем поглотило остров с пышной растительностью. Молчаливые рыбы лениво плескались в серых волнах, медленно оседали на дно пустые раковины — остатки моллюсков. Раковины перекатывались по дну, ломались, пропитывались солями, затвердевали.

Внутри одной раковины застряло семечко в восковой оболочке... Где-то наверху шел дождь, светило солнце, поднималась и опускалась суша, вновь и вновь накаплились осадки, уплотнялась, изменялась земля. Уже другие животные с причудливыми раковинами плавали в морях, другие звери бродили по лесам. Было похолодание климата, и вновь потепление, наступали и отступали ледники.

И вот в обнажении под № 135 я нашел раковину, обычную раковину, которая подтверждала третичный возраст исследуемых мною осадочных отложений горных пород. Когда изучали раковину в лаборатории, внутри ее мы обнаружили семечко в плотной восковой оболочке...»

КУСТ НА БОЛОТЕ

Семен шел в болотных сапогах вдоль тихой речки, которая то сужалась, пряталась в темных кустах, то расширялась, выходила на простор луга и становилась мелкой: на дне видны были белые камушки.

«Ну что еще можно здесь увидеть?» — думал Семен. Все та же окатанная галька белого силурийского известняка. На берегу красноватые суглинки, поросшие кустарником и травой. Мощностъ суглинков так велика, что ни этой речке и никакой другой не под силу их размывать и вскрыть, добраться до коренных пород более древнего возраста. В коренных еще стояло бы покопаться, постучать молотком...

И зачем Семен согласился ехать в эти скучные места? Конечно, это очень заманчиво: гидрогеология, будущее мелиорации, осушение болот! Но здесь и болот-то настоящих нет.

Солнце так и не показалось сегодня. Небо белесовато-серое. Хорошо, еще дождя нет.

Мария Степановна — соседка Семена по московской квартире — предложила ему поехать с нею сюда в гидрогеологическую экспедицию коллектором. Здесь они работают втроем, с ними еще Лена — студентка биофака. Экспедиция выехала в эти места большая, но разбилась на отряды. Так Семен и оказался в обществе двух женщин. И какой она геолог — эта Мария Степановна? Спокойная, полная, в очках, ей только сидеть в Москве в лаборатории и просеивать пески через ряд сит, а потом взвешивать каждую порцию. Семен вспоминает оставшуюся в деревенском доме с мезонином Марию Степановну с досадой. Сидит у окна, подсчитывает, записывает, а уж требовательная! Но ведь в поле, в маршруте и без нее не считаешься со временем. Вот и сейчас уже пятый час, а до дома еще далеко. Свой сегодняшний маршрут Семен уже давно прошел и теперь находился в местах, которые еще в прошлом году были вдоль и поперек исхожены геологами. Отсюда, если срезать по прямой несколько километров, до базы было ближе. Пора поворачивать к шоссе. Авось подвернется попутная машина — тогда скорее доберешься до Ивантеевки. «Вот дойду до того куста — его ветки так странно торчат и топорщатся вверх — и поверну», — решил Семен и зашагал быстрее.

Откуда-то снизу, как будто из-под ног, начал подниматься туман. Его беловатые полосы стали отделяться от кочек и вытягиваться в длинные капроновые шарфы. Такой шарф накинула Наташа на белое платье на школьном выпускном вечере. Смешно! А девочки восхищались. Семен был на вечере, как все мальчишки, — в черном костюме, в узких ботинках. Хорошо бы переобуться сейчас в сухую обувь.

Куст что-то не приближался. В наплывающем тумане окружающее переставало быть реальным. Белые полосы окутывали, заволакивали куст все сильнее и сильнее, вот уже видна только одна самая высокая ветка. Нет, до куста не дойти. Сворачивать к шоссе надо сейчас. Семен достал карту и стал прикидывать, сколько он прошел за последний час. Речка уже давно стала маленьким ручейком. Иногда казалось, что это просто застывшая лужица воды среди болота, подернутая ряской и тиной, но шага через два снова слышалось тихое журчание: вода перекачивалась в низинку, и на ее черной лакированной поверхности беспокойно метался одинокий листок. Наверно, с того куста? Большой, больше его ладони с растопыренными пальцами. Темно-зеленый, глянцевиый, зубчатый, с острыми надрезами по краям, с толстыми вздутыми жилками. «Лене, как ботанику, будет интересно. Покажу лист ей, — решил Семен, — будет хоть повод поговорить. А то ходит, нос задирает». Семен не любил заносчивых девушек, робел перед ними. Но с Леной тут что-то было не так. Может быть, Семен в глубине души чувствовал ее превосходство? Профессор на неделю приехал из Ленинграда. Узнал, что здесь москвичи, подключился. А Лена и рада, болтает с ним, сыплет латинские термины. Пусть и определяет листочек.

Семен решительно зашагал через болото к шоссе. Смеркалось. Было тихо, так тихо, что его собственные чавкающие шаги по болоту казались Семену оглушительными.

СТАРЫЕ ФОТОГРАФИИ

Семен вернулся с болота уставший. В доме, который был снят для гидрогеологического отряда, никого не было. Семен развернул большую карту исследуемого района и стал наносить сегодняшний маршрут. Поднимая голову от карты, он взглядом наткнулся на хозяйские фотографии, засунутые в коричневую рамку под стекло.

Сколько раз Семен пытался в беспорядке этих фотографий разных лет найти последовательность, фамильное сходство, установить родословную семьи большого дома с мезонином. Начинать надо было со слегка порывшейся карточки, приклеенной на толстый зеленоватый картон с золотыми вензелями. Бравый мужчина с черными усами опирался локтем на резную тумбу, рядом молодая женщина в длинном платье, рукава с буфами, бесчисленные пуговицы и банты. Сзади них нарисованная на холсте мраморная лестница, вся увитая розами. На заднем плане лубочный замок. Лица натянутые. Потом та же чета, не такая торжественная, сидит с двумя мальчиками со старательно прилизанными вихрами, с маленькой девочкой на ко-

леньях у отца. Белый кружевной воротник закрывает всю тоненькую фигурку.

Дальше те же мальчики, но уже подростки, в полосатых футболках, широких трусах, крайний справа — с мячом в руках. Тридцатые годы? Девочка с челкой — белая блуза, пионерский галстук — среди таких же девчонок у моря. Яркое солнце — на фотографии видны резкие черные тени. Лагерь «Артек»? Потом новая пара: он в морской форме и она в нарядном платье стараются быть серьезными, но радость струится из глаз и губы вот-вот раскроются и засмеются. Хорошо, что фотограф понял их и не дал застыть в неподвижности, схватил на лету ясное, светлое счастье. Вот целый ряд расплывчатых любительских снимков: дом, старик с палкой, так же топорщатся его уже седые усы. Бабушка с внучкой или правнучкой сидит на стуле под деревом. Отчетливо видны лишь цветочки на платке. Много маленьких фотографий военных лет. Серые шинели, в глазах напряженность, но не та мирная напряженность — надо сидеть спокойно, пока фотограф считает секунды, — а внутренняя напряженность, собранность времени. В движении, в походке, в жестах, в разговоре эта напряженность не была бы так заметна, а здесь она застыла навечно на молодых суровых лицах незнакомых солдат.

Семен старательно разглядывает фотографии, может быть, более старательно, чем карту, на которую наносит маршрут. И взгляд его снова и снова останавливается на одном снимке. Профиль молодой девушки. Фотография так резко отлична от других, что выпадает из общего плана. Слегка склоненная голова с тугой косой, спокойный печальный взгляд больших черных глаз. Левая часть снимка закрыта другими фотографиями. Семен поднялся и слегка их отодвинул под стеклом — показался ворот платья, заколотый замысловатой брошкой. Кого бы спросить, чья эта фотография? Седого старика с палкой или его внучку, что приезжает каждый выходной. Нет, смешно, и зачем? Фотография довоенная — это точно.

В комнату вошла Мария Степановна. Семен быстро сел на стул и стал чертить. Все же его озадачил вопрос Марии Степановны:

— Тебе нравится девушка?

— Лена?

— Ну нет, это известно всем, я говорю про фотографию.

— Да. Вы тоже находите в ней что-то нестандартное?

— Мне все время казалось, что я ее где-то встречала. Но где? Когда? И эту брошку, которая теперь стала видна, я знаю: на ней синие колокольчики и изумрудные листья переплетены тонкими золотыми стеблями.

— Девушка незнакомая, и это не ее родня, — ответил Семен.

— Да, скорее всего. Шерлок Холмс мог бы сказать, взглянув на снимок, где она жила и зачем здесь ее карточка. А заодно, где я ее встречала. Ну как, до конца прошел болото? Нашел исток реки?

— Я не Шерлок Холмс — спрошу у хозяина... На болото пойду еще раз. Туман помешал. Мария Степановна, я нашел на болоте очень большой лист, такой зубчатый...

— Лист? Ну, это специальность Лены. Предлог поговорить.

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

И Мария Степановна пошла в свой «кабинет» — маленькую комнатку, отгороженную от горницы тонкой перегородкой с голубой ситцевой занавеской вместо двери.

Семен промолчал. После реплики Марии Степановны ему едва не расхотелось показывать лист Лене.

«У ВАС БОГАТАЯ ФАНТАЗИЯ»

— Вот он. Мне он казался дальше. Почему я до него не дошел тогда?

Вокруг куста почва была крепкой. Небольшой сухой лужок. Одуванчики, маленькие воздушные шарики, готовые взлететь. Крохотная березка. Сам куст был даже не куст. По размерам — дерево. С могучими толстыми ветвями. Зубчатые крупные листья. Толстые жилки на них покрыты пушком.

— Я никогда не видала такое растение. Оно нездешнее. В этом нет сомнения. Похоже, будто из субтропиков. Для этого не нужно и ботаником быть. Кто же его посадил? Откуда взял? Хорошо бы увидеть цветы с этого растения...

— Дома — девушка нездешняя. На болоте куст нездешний.

Лена была так поглощена кустом, что не слыхала слов Семена. А шли сюда — болтали. Куда только делась ее заносчивость, как только увидела лист, что принес Семен! Семен был обижен. Хоть бы спасибо сказала, что тащился с нею сюда...

Но Лена вовсе и не замечала его надутого вида.

— Это надо показать профессору... Что за девушка нездешняя?

— Не девушка, а фотография. На ней девушка. Черноволосая, южная, Мария Степановна ее встречала, но не помнит где. А знаешь, если два явления в одном месте не имеют причинных связей с окружающим, они должны быть взаимосвязаны. — Семен любил рассуждать. — Значит, девушка посадила куст...

— Что ж по-твоему, если у меня в комнате стоит, скажем, телескоп и я приведу туда... козу, они взаимосвязаны, потому что неуместны в комнате?

— Конечно. Любой скажет, что там живет человек с... ну скажем, с богатой фантазией.

Лена не заметила шпильки Семена.

— Послезавтра профессор уезжает... А завтра он предложил мне поехать с ним на дальнее болото. Я его и приведу сюда...

Утро было ясное, и ничто не предвещало дождя. Лишь где-то далеко собирались и вновь расплзались белые кучи облаков. На мягких сиденьях профессорской машины было уютно, пока ехали по шоссе. Луга, небольшой лесок, отдельные деревья проплывали, двигались, сменяли друг друга. Далеко у горизонта крутилась силосная башня — то казалась она справа от дороги, то слева. Вот шоссе потонуло в зеленом поле пшеницы, тронутый желтым налетом, — пшеница цвела. Дальше разросшиеся ветлы создали пестрый коридор из светлых бело-зеленых листьев и теней. И опять широкие луга и кустарники.

Машина свернула на проселочную дорогу и стала виллять: под колесами запрыгали ветки, валежник, захлопала вода. Слева потянулось болото...

— Мы пройдем здесь немного пешком, а вы ждите нас в селе. Вон оно, — Павел Илларионович кивнул влево, где виднелись разбросанные на бугре дома.

Когда замер шум мотора, профессора и Лену обступила тишина. Не было слышно даже жаворонка. Лишь в траве перекликались одинокие кузнечики и из-под ног звонко шлепались влажными комочками пятнистые лягушки. Было душно. Резко пахло пьяницей. Профессор слегка раздвинул осоку и вейник и стал осторожно продвигаться в глубь болота. Потом посмотрел на Лену и вытащил из земли маленькое толстое растение.

— Вы знаете, что это такое?

— Росянка. Растение, пожирающее насекомых.

— А дальше? Чем служит для болота?

— Показатель прироста сфагновых мхов.

— Вот умница.

— Я хотела спросить вас... — начала Лена.

— Слушаю...

— Правильна ли формула: испарение прямо пропорционально поверхности листа?

— Как и все на свете, относительно верно. Но ведь не только поверхность листа испаряет влагу. Вы должны это знать. Вы собирали когда-нибудь незабудки и ставили их в воду?

— Да, конечно...

— Листочки у незабудок маленькие, узенькие. А смотрите, как быстро поглощают они воду. К утру ваза пуста. Испарение происходит не только через листья, но и через стебель. Сломайте его — он полон воды. Все зависит от количества устьиц, через которые идет испарение.

— А если вывести растение с большими листьями — увеличить количество устьиц?.. Новое... совсем новое...

— Вы хотите?..

— Я хочу найти, получить, вывести растение, способное выкачивать воду, чтоб осушать болота. Разве нельзя? — собравшись с духом, сказала Лена и даже покраснела от прямоты своего вопроса.

— Найти? Вывести? Наука зашла так далеко, что даже новую бактерию не так-то легко найти под современным микроскопом. Вывести новый сорт яблок еще труднее. А вы хотите совсем новое растение. Ну что ж, ищите свой *Paludem siccans* — «Болота осушающий». Чем не название? Но я люблю студентов, которые во время занятий не ищут *fata Morgana* *, а слушают лекции и сдают экзамены. Ведь вы только начали познавать мир, переделывать его вам рановато...

Профессор замолчал, наверное, почувствовал резкость своих слов.

— Сначала вы потратите долгие годы на поиски подходящего материала... — сказал он. — Запаситесь терпением и пока...

* *Fata Morgana* — разновидность миража (латин.).

— Я здесь нашла...

— А, уже нашли? Быстро!

— Нет, не в том дело. Я просто нашла на болоте куст, каких никогда не видела. Не знаю, что за вид! Я хотела вам показать.

— Вы, дорогая, еще многого не видели. Возьмите цветок. Определите. Вот хороший повод потренировать себя. Ботанику нужна дотошность в характере...

— Мне рассказывали... местные. У него не было цветов.

— Ну это сказки. У вас богатая фантазия.

Лена вдруг вспомнила вчерашний разговор с Семеном о козе и телескопе. Профессор считает ее зазнайкой и верхоглядкой. Бессмысленно продолжать разговор.

Внезапно вокруг все потемнело. Пока они шли по болоту, огромная туча надвинулась и закрыла солнце. Только вдалеке у села еще были видны солнечные лучи, прямыми стрелами упирающиеся в землю. И под этими стрелами ярко вырисовывались развалины белой колокольни, бревна на домах, резные наличники, взъерошенный петух на заборе. Как будто все село просматривалось в подзорную трубу.

— Идемте скорее! — сказал Павел Илларионович. — Сейчас будет ливень.

Профессор шагнул в сторону, не рассчитал, и из-под ног поднялся фонтан брызг. И точно в ответ на этот неловкий шаг, сразу на болоте захлопало, зашумело; закачались, пригibasя к земле, длинная осока и метелки вейника. Лена сняла кеды и пошла за профессором. Рубашка у него стала мокрой от дождя, съежилась, и вид у профессора не был уже такой гордый и осанистый.

Подойдя к селу, они вошли в дом, около которого стояла профессорская машина.

В чистой горнице было тихо. Шофер в одних носках сидел в кухне и пил молоко. Худенькая старушка с гладким лицом стояла рядом и слегка нараспев что-то рассказывала. Профессор замялся у порога комнаты, не зная, идти прямо или снять мокрые ботинки.

Старушка засуетилась вокруг него:

— По половичку идите, по половичку. За стол садитесь, молочка я вам сейчас принесу. А может быть, кисленькой капустки хотите?

Лена осталась на крыльце и смотрела на дождь. Крупные капли падали на землю, отскакивали, разбивались на мелкие кусочки. По водосточной трубе с грохотом стекала в бочку вода, и под этот шум Лена думала о неудачном разговоре с профессором и что так уж, видно, устроено в жизни — ничто нельзя вернуть или повторить — все будет по-другому. И она никогда не сможет снова задать ученому свои вопросы.

Хозяйка принесла из клетки молока, поставила чистый стакан перед Павлом Илларионовичем и продолжала рассказывать что-то шоферу. Профессор не вступал в разговор. Он достал свою записную книжку и что-то подсчитывал.

Старушка все говорила и говорила, будто рада была, что есть кому слушать ее.

— Еще до войны здесь ходили и мерили болото. Интересова-

лись. Один приезжал, молчаливый такой, но больно спорый на разные дела. Научил меня рассаду капустную сажать. Землю для этого с болота приносил. Вот попробуйте капусту, еще с прошлого года кисленькая осталась. А на другое лето его товарищ приезжал. Геолог и рисовал бодро уж хорошо. Болота рисовал. А если дождь, так меня посадит в горницу и заставляет сидеть тихо, а сам меня рисует. Только все говорил — неспокойная я, меняюсь быстро. А где я меняюсь, как истукан сижу, ни словечка, бывало, не скажу. А раз рано-рано ушел. Пришел довольный. Рисунок мне показывает — куст какой-то небывалый. «Ну, Матрена Петровна, сделал я что нужно. Для друга подарок сделал — вот радость-то». А я ему: «Радость-то твоя, милоч, кончилась — война началась». — «Как война?» И сразу же в тот день уехал. И больше о нем не слышала. Ох и веселый же был! Да и тот, другой, что болото мерил, не приезжал больше. Небось погibli, сердечные, а то бы меня, старуху, навестили.

Лена уже давно стояла около большой белой печки, что отделяла горницу от кухни, и слушала бесконечный рассказ. Она сама в детстве жила в деревне, недалеко от этих мест, и знала, как долго в памяти жителей деревни остаются приезды и разговоры новых людей, особенно если после себя человек оставил хорошую память.

Лена вспомнила о Семеновых размышлениях над фотографиями.

— Бабушка, а не жила в ваших местах до войны девушка нездешняя, черноволосая...

— Азиатка? А как же — красавица. Это учительша была наша, она и после войны долго работала здесь, у нас. В Ивантеевке жила, там, где вы сейчас. Уехала к родителям на юг. Здоровье подкачало. К себе... на родину. А тогда постояльцы-то мои оба ее любили. И один и другой. Но она молчаливого отличала. Хоть сутулый, а приворожил. Другому так и сказала: «Люблю, мол, вашего товарища. С вами мы будем друзьями». Как-то вечером приходит он домой. Мрачный. «Бабушка, — говорит, — жить я без нее не могу. Никогда имени ее не забуду». А имя и впрямь трудно забыть. Дагмара ее звали. Не по-здешнему.

Лена улыбалась старухиному изложению довоенной любовной драмы.

Профессор сидит в углу горницы, занят своим. Ему неинтересна старушечья болтовня и не понять, что в ней так трогает Лену.

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

Дом бабушки стоял на краю деревни. Дальше шел кочковатый луг, покрытый жесткой зеленой травой, потом небольшой хилый лесок, а за ним тянулось болото. В деревне долго рассказывали о том, как в болоте погиб семилетний Петька. Подробности в этих рассказах никогда не совпадали. То Петька пошел один по ягоды — на болоте росли и черника, и брусника, и клюква, — то с ребятами. То его заметил пастух Сергей и

стал звать на помощь, то его увидела мать и побежала за ним, а Петька тонул и кричал ей: «Не ходи, не ходи сюда!» — и будто бы бросил ей корзину с ягодами. Кто говорил, что это произошло поздно вечером, и Петька не мог докричаться, а кто говорил — рано утром, когда в деревне выгоняли стадо и стоял шум — мычание, блеяние, хлопанье кнута, скрип ворот, и никто не мог услышать крик Петьки. Рассказы были один страшнее другого, и Лене казалось, что в болоте утонул уже не один Петька. Дальше зеленого луга и лесочка Лена боялась ходить.

Зимой, когда все кругом замерзло и шапки снега прикрывали кочки, бугры, развороченные пни, во многих местах болото дымилось — глубокие окна не промерзли до дна и над ними тонкими струйками вился пар — как от проруби на реке.

А когда Лене было шесть лет, ночью в поезде она услышала разговор, который надолго запомнился ей.

Конец августа. Летний вечер затихал. В воздухе волнами расплывалась теплота, и толкунчики плясали свой незамысловатый танец под треск кузнечиков: вверх-вниз, вверх-вниз. Телега слегка поскрипывала и подскакивала на выбоинах. Лена с мамой ехали на станцию. Вот за поворотом скрылся последний сарай, а дом бабушки с темными кустами сирени уже давно нельзя различить. До станции двадцать километров. Дядя Саша неторопливо подергивает вожжи. Мама крепко завязала под подбородком пеструю косыночку, чтоб не растрепались волосы, и стала похожа на бабушку.

Может быть, в последний раз приезжала в деревню Лена. На будущий год отец обещал повезти на юг, к морю. Все поедут. Ведь здесь, кроме болот, ничего нет. Но Лена любит деревню, она просто не может оставить себе море, горы... Их она видела только на картинках. Особенно ей запомнилась одна открытка: набегающие волны с белыми гребнями бьют о черные скалы. Наверху — замок. Старинный замок. Облака поддерживают башни с зубцами. Облака уйдут, и замок опрокинется в море. Название легкое: «Ласточкино гнездо». Но разве будут там жить ласточки, если там нет никого давным-давно? Деревья на юге вечнозеленые — это она учила в школе. А разве брусника, растущая в лесу и на болоте, не вечнозеленая? Раскопаешь зимой снег и найдешь продолговатые, твердые, будто покрытые воском зеленые листочки. Там, у моря, большие пальмы, кипарисы, есть деревья со странным коротким названием — туя. Но у бабушки лучше. Все знакомо, одно сменяется другим. Вначале поспевают земляника: за час можно набрать в лесочке на припеке целую кружку. А как пахнет! Потом черника. Кустики бывают высокие и все в матовых ягодах. В саду созревает черная смородина. Сядешь под куст низко-низко и в зеленом сумраке найдешь крупные ягоды — как виноград. Не больше пяти на тоненькой веточке. На конце самая большая. Некоторые ягоды раздавишь — внутри зеленые, другие — красные. Бабушка говорит, что зеленые хороши для варенья. Так и кусты зовет «варенные». Вот только болот тут много — и больших, и маленьких. Хоть там и ягоды есть, и пушица, и веселый кукушкин лен, а ходить нельзя: можно провалиться, да и дурман цветет — голова от него болит. А море? Какое оно? На берегу — песок. Песок белый и горячий. Про-

хлады нет, все прячутся под зонтики. Поехать-то можно будет, но лучше в начале лета, чтоб к ягодам и грибам поспеть к бабушке. Вернуться и рассказать ей о море. Бабушка тоже не была у моря. И привезти красивую-красивую раковину, такую, как лежит у соседки на радиоприемнике: большую, розовую, ребристую. Папа хотел поехать на юг этим летом, но ему не дали отпуск: на работе в строй пускали цех. А без папы — нельзя. Отложили поездку. А маме хоть и хочется на юг, но все говорит: далеко ехать и дорого, много денег уйдет на дорогу. Здесь же все свое и близко. Поезд в десять часов вечера будет на станции, а послезавтра днем они уже дома.

Лена хорошо примостилась на сене в телеге, только чемодан немного давит. Вот и солнце село. Одна золотистая полоска осталась. Нижняя часть полосы становится все розовее и розовее. Вот и вся полоска розовато-желтая, совсем такая, как раковина, что она привезет с юга бабушке. Телега все скрипит, скрипит. Небо погасло. Стало темно и тихо. Лене очень хотелось спать...

В поезде мама уложила Лену на верхнюю полку, постелила свое пальто, накинула шаль. Внизу еще разговаривали и спорили люди. Иногда в нос попадал дым от папирсы, и хотелось чихать. О папирсах и спорили — вагон оказался «курящим». Слегка покачивалась полка, и в такт ей покачивалась Лена: с боку на спину и обратно. Так и заснула — покачиваясь. Но вдруг проснулась от необычно резкой тишины. Остановка. Кругом темнота. Только где-то наверху желтый треугольник от маленького фонаря освещает высокую третью полку с плетеной корзиной. Свет вздрагивает — то тускнеет, то разгорается ярче. Отчетливо слышны восклицания, говор, шум листвы на ветру, шаги, ржанье лошади. Под самым окном мужской голос убеждал:

— Ты знаешь, Дагмара, как важно для меня это.

— Да, я знаю, — отвечал взволнованный девичий голос, — я все сделаю. Но ты еще приедешь?

— Обязательно. Но вдруг что-нибудь случится. Ты тогда прилетишь? Мне или Валентину... Ладно?

— Да. Но ты пиши мне...

— Может быть, в твоих руках судьба здешних земель. Кто знает. Представь себе, болота исчезнут и... Нет, нет. Случайно тоже происходят очень важные вещи. Нужно только не пропустить счастливую случайность. Вот я встретил тебя — это случай? Так ты запомнила? Староневский...

Номера дома Лена не запомнила, да и улицу давно забыла бы. Просто кто не знает, что в Ленинграде есть Невский. А тут еще Староневский. Откуда он взялся, если Невский одна из первых улиц города?

Шипение пара из-под колес заглушило окончание разговора. Где-то вдаль пробил второй звонок: раз, два. Два удара по куску чугунного рельса. Паровоз свистнул, и снова застучали колеса, и снова стала покачиваться полка. Лена долго не могла уснуть. Еще бы. словно в приключенческой повести она подслушала важный разговор. Она не должна о нем забыть. Что же это такое в руках у девушки и почему оно поможет уничтожить болота?..

«Здравствуйте, моя дорогая жена Анна и любимая дочь Лена! Пишет вам ваш муж и отец с фронта. У нас все идет как положено. Бьем врага.

Сейчас мы в тылу на отдыхе, а на днях попал наш взвод в тяжелое положение, но выручил один товарищ. Вот как это было.

В разгар боя вражеский танк прорвался в район нашего подразделения и яростно надвигался на нас. Мы залегли. Отступать было нельзя: до лесочка — ровная, легко простреливаемая местность, слева — болото. Танк приближался. Мы вели

огонь. Уже было видно, как летят красные комья глины из-под гусениц. Вдруг со стороны болота тоже раздались выстрелы. Пули щелкали и отскакивали, как бы дразня мокрое стальное чудовище. Башня танка повернулась в сторону болота и исторгла из ствола сноп пламени. Но смельчаки продолжали вести с фланга огонь по танку. Пулеметные очереди стальной громады срезали верхушки камыша, но, по-видимому, не причинили никакого вреда. Обозленные фашисты развернули танк и направили его в сторону выстрелов. И вот его гусеницы начинают шлепать по травянистому лугу с кочками. Но пулемет из болота все бил и бил по танку, и винтовочные выстрелы щелкали по мокрому блестящим стальным бокам. И вдруг танк стал погружаться в землю. То, что издали казалось зеленым лугом, на самом деле было... трясиной. Крышка люка приоткрылась, захлопнулась, потом опять приподнялась. Танк дернулся назад. Но было поздно! Огромная машина стала погружаться все быстрее и быстрее. Еще мгновение — и она исчезла! Фонтан брызг! Закачались кочки, камыши, осока...

Стрельба прекратилась. Стало тихо-тихо. В серо-белой мути нельзя было определить, который час.

Бойцы собрались около раненого командира и посматривали на болото, откуда не раздавалось больше ни звука.

Пора было решать, как лучше пробраться к своим. Командир расстелил карту. Почти вся она была закрашена зеленым цветом с тоненькими горизонтальными голубыми черточками — болото! Ловко заманил в него кто-то танк. Справа виднелось шоссе, но оно уже занято фашистами.

Вдруг раздался свист. Сверху мы увидели, как раздвигаются и вновь смыкаются высокие камыши и осока, рисуя чей-то извилистый путь.

— Кто идет?

— Свой... — Усталый голос звучит буднично и серо. Несмотря на военную шинель и винтовку, у незнакомца сугубо штатский вид. Пилотка от воды потеряла форму, очки все время сползают. Полы шинели заткнуты за пояс.

— Помогите Расулу, он ранен.

— Вас только двое?

— Да.

Солдаты спустились в камыши и вскоре поднялись на косогор, поддерживая низенького солдата. На его когда-то смуглом, а теперь очень бледном лице резко обозначились дуги черных бровей. Потрескавшиеся губы шептали:

— Зачем много воды? Сверху, снизу... У нас нет воды, каждая капля дорога, вода, вода...

Наутро отряд двинулся по болоту. Впереди шел Сутулый, как его прозвали. Он шагал в подогнутой шинели легко и неслышно. За ним гуськом тянулись солдаты. Раненых несли на носилках. Иногда наш проводник срывал травинку или лист и снова уверенно шагал по болоту, мягко перепрыгивая с кочки на кочку, прикладом раздвигал высокую осоку. Как хороший лощман, этот неизвестный человек вел нас по болоту, обозначенному на карте как непроходимое.

Иногда по цепочке передавалось:

— След в след, не ступать в сторону, не отставать, след в след...

Иногда мелькал огонек, и умело скрученная сигарка из газеты, случайно уцелевшей от всепоглощающей сырости, передавалась из рук в руки, из рукава в рукав. Синий дымок, мимолетная красная вспышка, запах махорки и снова:

— След в след, не отступать...

Так и спас нас человек, знающий болота. И ушел искать свою часть. А был он из наших белорусских мест. Звали его — Алексей Белогорский.

Не беспокойтесь за меня, мои родные. Пишите чаще письма. Целую и обнимаю вас крепко. Ваш муж и отец Иван Соловьев».

Отец Лены погиб на фронте. Последнее письмо пришло уже после похоронной. Лена не показала матери — зачем зря расстраивать; но сама много раз перечитывала это письмо.

КУСТ ИСЧЕЗ

Осень. Работы изыскательской группы кончились. Пора уезжать. Вещи собраны, и все ждут машину — не сегодня так завтра с базы пришлют грузовую, которая отвезет всех на железнодорожную станцию, а там — Москва.

Но дождь, дождь все сильнее с каждым часом. За последние пятнадцать дней только два дня были без дождя.

Мария Степановна и та устала от непогоды. За перегородкой не слышно тонкого поскрипывания ее пера. Все чаще она выходит в горницу и смотрит в окно. Из него видно поле с убранной рожью. Колкое жнитво с длинными соломинками — мокрое и серое. И небо тоже мокрое и серое, ни малейшего изменения: облака — мутная пелена — стоят неподвижно и плотно. Ветра нет, и дождь будет идти еще долго.

Семен доделывал последний чертеж — схему зарастания болота. Чертеж получился красивый. Краски, изображающие стадию торфообразования, он подобрал различной глубины и оттенка зеленого. «Нужно знать болота, изучать их», — любит повторять Мария Степановна. Сейчас она снова выглянула из своего «кабинета».

— Семен, где лежат последние данные по фильтрации воды в грунтах?

— В зеленой папке. А дождь-то все идет... дороги размыты.

В комнату входит Лена. Ей не сидится в мезонине. Там однообразный стук дождя по крыше слышится сильнее.

В дверь постучали:

— Мария Степановна здесь?

Шофер стоял в дверях, не решаясь ступить грязными сапогами на чистые доски пола.

— Да, а что?

— Завтра выезжаем. Начальник просил передать, чтобы все были готовы.

— Когда? — в один голос спросили Лена и Семен.

— Часов в двенадцать.

— Я должна еще раз проведать тот куст, — сказала Лена.

— Ведь дождь не прошел и вряд ли кончится к завтрашне-

му дню. Нельзя ехать, застрянем, — сказала Мария Степановна.

— Ничего, я объезд нашел. Порядочек будет. К двенадцати ждите машину.

Дверь захлопнулась. А дождь все идет и идет. Однообразное постукивание по листьям в палисаднике: кап-кап, кап-кап с листьев на заваulinку. А там бежит ручеек мимо крыльца и исчезает в общем бурливом потоке, который бежит по улице. Кап-кап, кап-кап...

Мутное утро. Одинокие капли, падающие с деревьев продолжают повествование о дожде.

В плащах и в резиновых сапогах, цепляясь за ветки, в полном молчании возвращались Лена и Семен с болота. Куст они не нашли. Нет! Семен не мог ошибиться. Это было то болото, на котором они были в начале лета. Но как все изменилось вокруг! Ровные линии взрытой земли пролегали по прямой с одного берега поймы до другого. Дренажных канав и труб не было видно — их протянули под землей.

По краям кое-где еще лежали не убранные кучи вывороченных пней, ветки срезанных кустарников, большие валуны. А кругом мертвая молчаливая пустыня под сеткой дождя. И только извилистая размытая дорога с отпечатками тяжелых тракторных колес, уходящая к мелкоколесью и дальше к шоссе, указывала путь — откуда пришли и куда ушли люди с машинами, изменившие облик болота. На будущий год здесь все зазеленеет, зацветет, под травой исчезнут рубцы земли. А сейчас здесь пусто и голо, как после пожара.

Семен идет следом за Леной и все же не может понять до конца ее беду. Сегодня Лена подняла Семена чуть свет и упростила пойти на болото. В такой дождь удалось поймать попутную машину. И все зря! Сейчас идет, молчит, не оборачивается. Может быть, такой куст еще где-нибудь растет на болотах?

Мокрые листья осины прилипают к плащу. Ноги скользят по глине, а надо идти скорее. Мария Степановна рассердится, если они опоздают. Вагон для оборудования всей изыскательской группы уже заказан. Шофер с грузовой машиной приедет обязательно раньше двенадцати. Так бывает всегда, когда опаздываешь. Выйти надо было на шоссе и «голосовать» попутной машине, а не идти через лес напрямик. Но Лена не захотела. Лена знает, хорошо знает, что упустила очень важное, нужное. Предположение, что куст связан с ночным разговором ее детства, опять промелькнуло в голове. Оно заслонилось словами профессора. С какой иронией он их произнес: «Найти новое растение — что ж, попробуйте». Как жаль, что нельзя определить это растение. Лена не собрала летом даже листьев: кто же знал, что куст исчезнет. Вообще-то можно бы и подумать было об этом. Ведь они слыхали, что осушат те места. В прошлом году гидрогеологическая экспедиция работала здесь. На смену геологам пришли мелиораторы. А листья странные, зубчатые и такие большие. Лена не встречала у других растений таких листьев. Но что она знает, какой она ботаник? Не доучка — как сказал профессор, но в более вежливой форме.

А если это и есть куст, что рисовал тот геолог-художник? Нет, то похоже на сказку — «куст небывалый» — зазвучали в голове у Лены слова старушки. И тут Лена вспомнила: «Дагмара. Конечно же, ту девушку из поезда звали так».

— А ты был прав, Семен. Вернее, почти прав. Куст посадил один человек, который любил Дагмару.

— Ну, а я что тебе говорил! Метод дедукции... А откуда ты знала?

— Старушка одна рассказала. Не совсем она. Кое-что я раньше знала. Могла бы догадаться. В общем я уже многое знаю о человеке, что посадил куст. Он жил в Ленинграде на Старо-невском. Скорее всего. Как-нибудь расскажу еще.

Тропинка, по которой они шли, резко спустилась в овраг, и Лена чуть не споткнулась о сваленное дерево. Семен шел за ней и ворчал:

— Лучше бы к шоссе пошли. Выиграли бы время — решающий фактор.

— Было бы скорее, да? А если попутной нет, так лишние семь километров идти.

Семен хотел возразить, но вдруг услышал шелест и тихий стон.

— Подожди, здесь кто-то есть.

— Где?

Семен свернул влево и пошел вверх по оврагу к небольшим темно-зеленым елочкам. И вдруг резко позвал:

— Лена! Лена!

На земле под елкой полулежал мальчишка лет десяти с бледным лицом, а рядом сидела девчонка и мокрой косынкой вытирала лицо.

— Что случилось? — спросила Лена.

— Саня ногу сломал, идти не может.

— А откуда вы?

— Со станции Разъезд.

— Покажи ногу! — скомандовала Лена. — Надо ту же перевязать. Погоди. Дай косынку, вот так.

— Встать можешь? — спросил Семен.

— Нет, больно ступить...

— Саня, Саня... — протянула девочка. — Может, пойдешь немного, еще совсем немножко?

Мальчик нахмурился:

— Не могу. Иди одна с ними. Иди, а я полежу здесь, перестанет болеть, так дойду сам... — упрямо говорил Саша, а сам думал: «И почему взрослые всегда лезут не в свое дело?» Он встанет, самостоятельно сделает хорошую палку и дойдет. Мересев сколько дней полз один, и он может. И чего им надо? И спрашивают и сердятся эти взрослые. Как будто сами всегда были аккуратными, послушными...

— Так нельзя, — решила Лена. — Семен, давай носилки делать.

Она нашла нужные по длине ветки, туго сплела их, связала своим поясом и поясом Семена. Получились носилки — легкие и удобные. Когда Семен искоса взглянул на часы, то удивился: как быстро пролетело время — уже одиннадцать часов. Опоздали. Лена на часы не смотрит, как будто ей все равно.

С ребятами хорошо поладила, смогла уговорить, послушались ее сразу. С девчонкой болтает — будто век с ней знакома, а мальчишка крепится перед ней, не стонет, губу закусил — больно. А Семен в кино ее боялся позвать, сухарем про себя называл. Но что это? Семен прислушался.

— Так вот для Тамары Васильевны, учительницы нашей бывшей, мы за семенами ходили, да не дошли. Мой брат ходил еще раньше, куст этот смотрел, а теперь он уехал, меня просил, пионерское поручение, а я не смогла, — девчонка всхлипнула. — Боялась одна идти, Саньку уговорила. А Санька смеялся надо мной. А теперь что с ним будет? Так и не дошли...

— Болото осушают, и ничего на нем нет, — сказала Лена. — А что ты знаешь про куст?

— Ничего не знаю — это все брат. Просил сходить сюда. Теперь напишу ему, что не выполнила поручение, что нет ничего, да и не дошли... — снова всхлипнула девчонка.

Лес кончался. Совсем немного осталось. Но почему Лена не жалуется, что тяжело и неудобно? Семен уже натер руки.

— Давай отдохнем, — сказал он, обернувшись к Лене. — Вот под деревом, здесь посуше.

Они тихо опустили носилки. Семен хотел добавить, что оставился ради Лены, но промолчал. Лена сидела, сжимая и разжимая отекавшие пальцы и вдруг спросила:

— Почему идет дождь?

...Больница стояла на бугре. Огромные липы, уже порывавшиеся, с опадающей листвой, окружали желтое здание.

Семен внес мальчика в приемный покой, а потом сел на гладкую скамью у входа. Дождь прошел. Под липами было влажно и сумрачно. Мария Степановна и Лена остались поговорить с врачом. Девчонка, пошептавшись с Леной, убежала к родителям Сани.

Последняя фраза, которую слышал Семен, была:

— Тамара Васильевна уехала. Я вам обязательно напишу. Что узнаю, то напишу.

Мария Степановна вышла с Леной на крыльцо больницы. Ну, все благополучно кончилось. У Сани небольшой перелом. Полежит в гипсе, а потом будет бегать, как все ребята. Можно ехать на вокзал.

РАЗНЫЕ ДОЖДИ

Какие разные бывают дожди. Лена сидит на лекции по палеоботанике, но не слышит, о чем говорит лектор. Она слышит, как падают капли за окном. Сегодня опять идет дождь. В Москве он кажется легким, полным блеском и нежных звуков. А там, на болотах, дождь однообразный, нудный, тягучий. Вода все больше и больше заполняет углубления, ямы. Почва не может впитывать влагу — она как полная губка. Где-то там в земле расположен непроницаемый для воды слой, он мешает проникать глубже, наклона нет. Вода останавливается, застревает, и, как из переполненной чашки переливается на блюдце чай, так и вода переливается через края болота. При каждодневных дождях вода заполняет все большее и большее пространство. Соседние с болотом леса начинают гибнуть от избытка влаги. Осторожно вперед выдвигается мох с таким милым названием — кукушкин лен. Ярко-зеленый, веселый, с тонкими стебельками, на конце которых шапочка — кудель на ножке прялки. Исподволь захватывает он землю у леса. Потом зеленый мох ширится, создавая воздушно-непроницаемые ядовито-зеленые подушки. Корни мха не пускают воздух в почву, задерживают влагу в ней. Заболевает береза. Ей не надо столько воды, ее корни не могут бесконечно выкачивать воду из почвы и листья не успевают ее испарять. Береза угнетена. Какие худенькие деревья. Ободранная кора висит лохмотьями. Как много сучьев без листьев. Ветки нелепо торчат в стороны и при сильных порывах ветра обламываются и падают — сраженные, беспомощные, черные от воды.

Сейчас, осенью, дожди совсем не прекращаются... Но как незаметны они здесь, в Москве. Даже монотонный стук капель дождя и тот исчезает, тает... Кто замечает его среди шума улиц, среди веселых и деловых разговоров? А там, на болотах? Ко-

нечно, заболоченные участки, занимающие огромные пространства, нужно осушать, применяя различную технику, проводить весь комплекс гидромелиоративных мероприятий, чтобы вернуть заболоченную землю для использования в сельском хозяйстве. Осушение болот надо начинать с проведения открытых канав и дренажа. Так, как было сделано там, на том большом болоте, где они были с Семеном в последний день перед отъездом. (Кстати, где он, не позвонил даже ни разу.) Но маленькие, небольшие болота, которые с течением времени превратятся в большие — если одно дождливое лето сменяется другим, более дождливым, если зимы мягкие, с частыми оттепелями — такие болота в зародыше надо осушать по-другому. Но как? На них можно делать посадки деревьев или кустарников, способных испарять большое количество влаги. Сажали же в Колхиде для осушения болот эвкалипты. Об этом писал Паустовский в замечательной повести о болотистой стране с древней культурой. У эвкалиптов узкие листья. Ребром к солнцу — и в эвкалиптовом лесу нет больше прохладной тени. Только прямые черные линии от стволов и веток. Эвкалипты не боятся дождей, сухих ветров, но они боятся морозов. Самый морозостойкий эвкалипт переносит понижение температуры только до минус 12°. А в наших северных краях морозы достигают минус 35°, снежные суровые зимы...

Лена отвлеклась от своих дум и прислушалась к голосу лектора, который рассказывал о жаркой пустыне пермского периода, о скудной растительности, произраставшей под палящими лучами красного солнца.

Тоня дергает ее за рукав: почему не записываешь? Как хорошо этой рыженькой студентке Тоне: все ясно, все записано, все вызубрено. И сдает все на «четыре». Никаких колебаний в жизни. Школа — зубрежка, биофак — опять зубрежка, но не каждый день, а перед сессиями. А ей, Лене, все что-то надо. С кем посоветоваться? Здесь, на севере, разве нет таких растений, которые помогли бы осушать болото? Летом в экспедиции она попробовала спросить у профессора ботаники Павла Илларионовича. А что получилось? Даже вспоминать неприятно. Но в тот же день она узнала и другое: кто-то посадил странный куст, он искал, как и она теперь, помогающие осушать болото растения. Болото осушили — куст исчез. Весной или летом Лена поедет в то село с белой разбитой колокольней, спросит старушку о ее постояльцах, но даст ли это что-нибудь? Ведь куста-то нет.

Конечно, масштабы болот огромны. И смешно сажать на них деревья, листья которых будут испарять лишнюю влагу... Здесь нужна техника. Да, но, кроме огромных массивов заболоченных земель, есть небольшие болота, начинающиеся зародыши будущих болот. От этих маленьких болот заражаются леса, гибнут насаждения. Оставить маленькие болота превращаться в большие, оставить, как скрытую болезнь, развиваться в организме, а потом, когда болезнь разрастется, ликвидировать хирургическим путем? Нет! Надо заглушить болезнь в самом начале.

Дождь за окнами все сильнее и сильнее. Прямые струйки воды стекают по стеклам. Пусть поэты воспевают дожди... Дождь, несущий лишнюю влагу болотам, помогающий мхам завоевывать

леса и луга, — ее враг. Даже такой светлый, блестящий и звонкий, какой идет сейчас в Москве и под которым распустились разноцветные зонтики прохожих.

ЧТО МОЖНО УВИДЕТЬ В КИНО

— Тебе звонили.

— Кто?

— Какая-то девчонка.

— Лена?

— Нет! Наверно, Наташа, музыкантша твоя. — И Борис снова углубился в свои проволоочки и провода, что-то накручивал, насвистывая.

— Почему ты так думаешь?

— Только она одна говорит: «Пожалуйста, извините, что беспокоила...»

Семен вспомнил Наташу, или Тату, как ее звали в школе.

Теперь Тата учится не то в Институте имени Гнесиных, не то в консерватории. Семен как-то встретил ее с незнакомым парнем — галстук-бабочка, короткое пальто. Все же здорово, что Наташка вспомнила. А что, если пригласит на концерт? Идти или нет? Сидеть на концерте, ничего не понимать, а делать вид, что слушаешь с наслаждением?

Наконец в передней раздался телефонный звонок.

— Я подойду! — крикнул Борис и даже не выключил паяльник, шипение и треск которого мешали Семену слышать разговор брата.

— Иди, тебя. Опять она...

Когда Семен подходил к кино, он уже издали увидел Тату. Пушистый снег окутывал ее шубку и большую шапку. Глаза были слегка подведены и придавали ей удивленно-наивный вид. «Раньше она этого не делала, — подумал Семен, — и поэтому всегда казалась строгой».

— У меня два билета в кино. Я вспомнила, что не видела тебя давно. Как живешь? Экспедиция была удачной?

Семен хотел ответить подробно, но ее взгляд был устремлен в сторону. Они вошли в фойе и стали ходить, рассматривая развешанные фотографии — фрагменты будущих кинокартин. Прозвенел звонок. В полутемном зале было душно, особенно в последних рядах под балконом. Погас свет. Семен взял руку Таты, она не отдернула, а спокойно задержала тонкими, слегка холодными пальцами. Семен опять подумал: как хорошо... Он пойдет сегодня ее провожать, как тогда, весной, в десятом классе... Шел мелкий дождь... Они стояли в подъезде, хлопала дверь...

На экране замелькали титры — вместо обычного киножурнала показывали научно-популярный фильм. Название фильма Семен не успел прочесть. На экране равнина — нет, не равнина, а болото — ни конца ни края. Голос с экрана рассказывал: «Более 30 процентов всех материков Земли занято под болотами. Для осушения больших площадей применяется различная техника. Пластмассовый дренаж открыл новую эру в ме-

лиорации. При гончарном дренаже практически невозможно увеличить длину трубки. Стандартная длина 33 сантиметра. Велик вес». На экране короткие трубки, рядом с ними битые черепки. «Трудно обеспечить надежность стыков трубок — работа делается вручную, большие потери, не всегда плотная стыковка, а отсюда — быстрая заиляемость».

Семен невольно увлекся: что же дальше?

Тата наклонилась к Семену и шепотом сказала:

— Скорей бы кончился журнал. Такая скука. И почему ты мне не звонил?

Семен хотел ответить, но боялся пропустить дальнейшее разъяснение диктора.

— Я думал, что ты...

На экране женщина несет на плече легкие дренажные трубы, изготовленные из упругих лент. Женщина смеется. Появился трактор со странным прицепом. На прицепе установлена бухта с лентой труб. Трактор урча, движется вперед — разматывается лента и исчезает под землей. Голос поясняет: «При бестраншейной закладке на бухту наматываются цельнотянутые трубы с водонепроницаемыми отверстиями, расположенными по периметру, что почти исключает их заиляемость». Все так просто. Вот и бухта разматалась, и лента труб исчезла под землей. «Теперь надо сделать крепление у коллектора, и система дренажа может быть пущена в эксплуатацию». Так осушили то болото, на котором рос странный куст.

На экране в виде схемы стали показывать, как постепенно уменьшается количество воды в почве. Идет дождь: нарисованные косые капли падают и бегут через отверстия в трубы, из труб в коллектор, из коллектора в канаву, а там широкая речка принимает веселый поток. Речка настоящая, с ивами на берегу, тихие заводи.

— А там, где ты работал, была река? Вы купались? У меня на даче было чудесно...

— Да, да, — ответил Семен и хотел добавить, что не до купания было, но голос с экрана закончил фразу: «...таковы способы осушения островных болот, небольших пойм, участков леса, начинающих заболачиваться». Что? Какие способы? Семен не слышал начала фразы. А на экране сажают овощи... Огромные кочаны капусты лежат в грузовиках. Так что же? Существуют способы осушения небольших болотистых участков? Сажать? Но что? Ведь не капусту же? Он снова посмотрит этот документальный фильм о болотах, дренаже и внимательно прослушает фразу об осушении небольших болот. Картина идет сегодня последний день. Документальный фильм или журнал всегда сменяется вместе с картиной. Семен уже давно выпустил руку Наташи и не смотрит на нее. Надо позвонить Лене и рассказать про этот научно-популярный фильм. Семена неожиданно кольнуло сожаление, что рядом с ним нет Лены.

В зале зажгли свет. Опоздавшие занимали свои места.

— Нам надо было прийти позже, — зевнула Тата. — Сейчас будет самое интересное: Жерар Филип здесь изумительный.

Но Семен продолжал еще мысленно ходить по болоту. Он пропустил начало фильма и уже не мог узнать в мелькании шпак

главного героя, красочные маркизы и их интриги не волновали его. И как часто бывает, он вдруг увидел то, что обычно не замечает зритель, захваченный сюжетом: слишком плоскую стену дома — явно нарисованную, неправильно надетый шлем, глиняную статую вместо мраморной. Он сердился на себя, на Тату. Думал о прошедшем лете. О том, какой же он дурак, что до сих пор не позвонил Лене. Болван, боялся, что она ответит сухо и не о чем будет говорить... Ведь он всегда теряется перед Леной.

Картина кончилась. В тесном выходе на лестнице слышались оживленные реплики, смех, замелькали спички, и от зажженных папирос закрутились струйки дыма. На улице продолжал идти снег, особенно ясно видный у фонарей и реклам.

— Ты проводишь меня? — спросила Наташа, беря Семена под руку.

— Нет, мне сейчас некогда. Я опаздываю.

Впервые Тата прямо посмотрела на него. Ее подведенные глаза были злы.

— Благодарность за хорошо проведенный вечер?

— Я опаздываю! — повторил Семен.

— Куда?

Семен не ответил, он бежал к кассе брать билет на следующий сеанс.

«Многоуважаемая Елена Ивановна!

На ноябрьские праздники Сергей приезжал домой. Сергей — это мой брат. Он учится в ремесленном. Сергей рассказал мне про куст. Куст был посажен до войны. И не цвел никогда. Раньше Тамара Васильевна, учительница наша по литературе, сама ходила на болото смотреть куст. А потом сказала Сережке, когда он у нее учился. Сережка два лета ходил, но ни цветов, ни семян не было. А потом Тамара Васильевна уехала. Сережка еще раньше просил меня сходить. Он очень огорчился, когда узнал, что этого куста уже нет. Сережка мне не поверил, что болото осушили, и сам ходил туда. Но это правда. Тамара Васильевна с этого куста только один черенок еще давно, когда война началась, отправила в Ленинград. Вот все, что я узнала от Сергея. А еще он мне сказал, что нашу учительницу зовут не Тамара Васильевна, а Дагмара Васильевна. Саня давно поправился. С пионерским приветом Люда Петрова, ученица 6-го класса «В».

ЭКЗАМЕН

Студенты толпятся у дверей. Идет сессия. И пусть это будет новое здание университета, с просторными лифтами, широкими коридорами, с окнами, глядящими на морозные дали Москвы. Там за окнами, окрашенные в розовый цвет дымы из черных труб-стрел сменяются белым кружевом метели с хороводом падающих огней. Или пусть это будут коридоры старого здания, alma mater, с бесконечными поворотами, ступеньками, с полукруглыми окнами, выходящими то на старинный московский дворик с облупленной часовенкой, то на узкую улицу, где покачи-

ваются, еле помещаясь в ней, толстый троллейбус. Все равно! Студенты толпятся у дверей, не обращая ни на что внимания, пока не кончится последний зимний экзамен, пока не будет поставлена последняя отметка в зачетке, подтвержденная размашистой подписью профессора. Ничего не замечает студент, когда сессия в полном разгаре. Потом опять будут встречи в кафе, свидания у метро, гитары и лыжи. А сейчас на лицах напряженное волнение. Невидящие, незамечающие глаза — смотрят только в себя: все ли повторено, ничего не пропущено? Листается толстый учебник. Выискиваются и объясняются те необходимые графики, на которых «засыпались» предыдущие студенты. Вновь доказывается сложная теория с функциональной зависимостью «а» от «b». Как заклинания, бормочутся латинские термины. И все это у дверей экзаменаторской...

Лена сегодня сдает экзамен по основному разделу ботаники — анатомии растений. Вчера студенты ее группы на консультации решили, что она пойдет первой. Лена хорошо подготовилась. И хотя она внешне спокойна — ее челка аккуратно расчесана, рукава свитера ровно засучены и она, как всегда, молчалива, — в глубине души она волнуется. Почему? Сегодня утром она получила письмо. Письмо начиналось: «Многоуважаемая Елена Ивановна!» Лена не сразу поняла, что такое официальное обращение относится к ней. Письмо было от девочки, которую встретили они тогда с Семеном, возвращаясь с болота. Лена перечитала письмо второй раз в поезде метро.

Куст посажен или вырос до войны. Не цвел совсем. Как нектар не получила Лена письмо. Все смешалось в голове. «С пионерским приветом...» Лена вытащила билет с вопросами и стала готовить ответы.

Экзаменаторов было двое — сам профессор Аникеев и неизвестный Лене ассистент. Какой-то смуглый, сумрачный. Он бесцельно перекалывал с места на место тетради и какие-то брошюры. Откуда он?

«С пионерским приветом...» Что у нее в билете, какие вопросы? Первый — отличительные особенности растительной клетки от животной... Это просто, и относится скорее к вопросам цитологии — учения о клетке. Второй — об образовательной ткани — меристеме. Только вчера об этом у нее спрашивала Тоня... надо только вспомнить... и последний вопрос... «С пионерским приветом, с пионерским приветом...» Хорошо бы спросить у профессора Аникеева, знает ли он такой куст, что не цветет? Да, но куста нет. И опять получится, как тогда с Павлом Илларионовичем, летом, на болоте. Разве можно говорить что-нибудь о растении, если не видела его с цветами, плодами... если растение не указано в ботаническом атласе? Растение не определено. К какому семейству принадлежит, род, вид? Латинское наименование? А если его назвать, как подсказал Павел Илларионович: Болота осушающий — *Paludem siccans*? А если куст — гибрид, то неизвестно, что с чем скрещивали, когда и кем выведен. И почему он рос только там, на болоте? Какие большие у него листья. Ведь жалкий, сухой, сморщенный лист был со страницы журнала. Большие листья — большая поверхность испарения — большая транспирация. В покровной ткани — эпидермисе — клетки прерываются устьицами, межклеточными щел-

лями для газового обмена и для испарения воды. Щели способны смыкаться и размыкаться и тем самым сокращать или увеличивать испарение. Располагаются устьица чаще всего на верхушках листьев и на их зубчиках. У клена остролистного на одном квадратном миллиметре нижней стороны листа можно найти 550 устьиц. А сколько их на том большом листе? Чем больше поверхность листа... «С пионерским приветом, с пионерским приветом...»

Так та девушка и есть Дагмара Васильевна — учительница? Разговор в поезде Лена слышала осенью сорокового года, а сейчас?.. Надо написать учительнице и все расспросить. А куда? Черенок был отправлен в Ленинград? Кому? Она не знает. Зато знает куда. Знает ведь... «Староневский...» Это, правда, так мало — не обойдешь же все дома и квартиры... А если что-нибудь придумать? Что бы такое придумать?

— Соловьева, вы готовы? Идите отвечать!

Лена вздрогнула. Сколько времени она сидела? Совсем мало. И не успела как следует подготовиться. Какой же третий вопрос? О видоизменении клеточной оболочки... Подходя к столу, Лена мельком посмотрела на часы. Больше получаса она думала над простыми вопросами и не подготовилась. Как глупо! Лена села за стол. На листе бумаги, где должны были быть написаны основные положения — план ответов, схемы — только два слова: «С пионерским приветом». Лена сложила листок: «Буду отвечать так».

«Я ВОЗИЛА ВАШ КУСТ В ЛЕНИНГРАД»

Мария Степановна проснулась от какой-то необычной тишины и пустоты. Не может сразу понять, в чем дело. Прислушалась. Где-то хлопнула дверь. И опять тишина. Вдруг щелкнул будильник и продолжает отбивать секунды. Ах да, она вечером не заводила его, и он щелкнул, когда стрелка сложилась с другой, всегда стоящей на цифре семь. Но торопиться сегодня не надо. Не надо наскоро глотать чашку кофе, бежать, ждать переполненный троллейбус. Отчет по летней работе сдан, и Мария Степановна взяла несколько свободных дней. И то, что эти свободные дни совпали с солнечными мартовскими днями, создало ощущение пустоты и легкости. Как в детстве после школьных экзаменов. Все сдано, не надо думать ни о чем, а впереди каникулы. Это ощущение радости и праздника скоро проходит, через день—два уже привыкаешь вставать позднее, без будильника, и все идет обычным путем. Но сегодня Мария Степановна будет радоваться свободным дням, будет делать все, что ей захочется...

Солнце уже давно пробивается сквозь штору: рамы четко обрисовали на ней светлые прямоугольники. Воробей старательно выговаривает: «Куда, зачем пойдешь, куда, зачем пойдешь». Мария Степановна вспомнила свой доклад, неудачную фразу, к которой привязался старший инженер. Нет, не надо сегодня думать о работе.

Звонок в дверь.

— Мария Степановна, к вам можно?

— Я сейчас, сейчас. Кто там?

Мария Степановна накинула халатик, прибрала наскоро постель. Это оказался Семен.

— Я пришел спросить совета. Мне бы надо позвонить Лене. Но чтобы звонить, надо знать — о чем? Так ведь?

— Мог бы и просто так позвонить. Если хочешь, конечно. Зачем искать повода?

— Да нет. Я не о том. То есть и о том. Немножко. Мне очень хочется ей позвонить. Сначала я не знал, какой придумать повод. В кино видел журнал и подумал... Но знаете, теперь я и в самом деле увлекся. Да нет. Не Леной. То есть и Леной... Но, словом, тут вот какая история. Помните, мы рассказывали с Леной вам о кусте на болоте? Так вот я все думаю: нельзя оставить просто так это дело. Может быть, здесь великое открытие.

— Ну уж великое.

— В самом деле. Это был странный куст. Откуда он взялся? Когда я смотрел фильм, как осушают болота, я подумал. Над этим бились ведь люди до нас... Техникой всего не сделаешь. Нужно и чтобы сама природа помогала... Лена слышала, что был в тех местах человек. Он хотел осушать болота, и куст он посадил. А как он вывел такое растение? Человека-то нет уже. Верно. Зато о его работе знала еще одна женщина — ее звали Дагмарой. Карточку помните?

— Так она ухаживала за растением на болоте?

— Вы еще говорили, что видели ее? Когда, где?

— Когда? И где? Теперь-то я вспомнила, где ее видела. Я не только ее видела. Я возила этот ваш куст... Куда? В Ленинград! Чему же ты изумляешься? В жизни тоже бывают удивительные совпадения...

НЕОБЫЧНАЯ ПРОСЬБА

1941 год. Аэродром. Серое поле и сизое небо, нависшее низко. Сумерки. Кругом никого. Маша сидит одна на небольшом ящике с полевой лабораторией, у ног маленький чемоданчик. Она растерянна и не может понять, куда все исчезли. Почему она одна? Все темнее становится вокруг. Трава под ногами низкая, смятая от колес машин, шасси самолетов, от тяжелых ног. На траве плеши и желтые пятна от пролитого бензина, мазута.

Мелкий дождь смешался с туманом. Мокро. Зябко. А еще только конец августа. Маша сидит на ящике и не знает, что делать дальше. Ей надо в Ленинград: не сданы государственные экзамены. Но, главное, она должна довести до конца то дело, ради которого вылетала сюда. Ей обязательно нужно в Ленинград. У нее письмо к начальнику аэродрома, и вот она здесь. Машины давно нет. Начальник взял письмо, но в самолет не посадил. Самолет откатали, и он взвился в воздух. И сразу разошлись, растаяли люди в синих комбинезонах, помогавшие отправлять самолет. Их шутки, смех, голоса еще висят здесь, в тумане, около Маши, но кругом никого. Маша одна. — Куда идти? Как холодно стало ногам в легких туфлях.

Вдруг откуда-то, точно из-под земли, вырастает фигура: высо-

кий человек в черной шинели. Красная повязка на рукаве. Усталые тяжелые веки.

— Идем, посажу тебя на машину. Переночуешь в «Доме колхозника».

Шуршат шины. С потухшими фарами мимо проносятся машины. Вынырнут из дождевой темноты, обдадут брызгами и снова исчезают. Дождь все сильнее. Капли больно ударяют по лицу, насквозь промокло пальто.

Но вот одна машина остановлена.

— Довезите девушку до «Дома колхозника», в поселок на сто четырнадцать километров.

Дежурный открыл кабину, посадил Машу.

— Завтра жди меня в семь часов утра на шоссе у сельмага.

Машина рванулась, и Маша больше ничего не разобрала, да и сказал ли он что-нибудь еще... Она откинула голову на спинку сиденья, прикрыла глаза. Тяжело нагруженная машина шла медленно. При резких толчках Маша открывала глаза: впереди та же темень и мгновенные вспышки фар вырывают черные блестящие пятна мокрой дороги и сверкающую сетку дождя.

Холодно. Маша поправила сползающую с плеча полевую сумку, сунула руки в карман, нащупала сверток. Вот маленький смятый клочок бумаги. Он мокрый. А вдруг стерся адрес? Маша в темноте бережно разгладила бумажку и положила в сумку. Перед ней всплыли большие умоляющие глаза, красивые губы, с мольбой повторяющие адрес, и блеск на солнце необыкновенной брошки: синие колокольчики и изумрудные листья...

— Простите, я случайно услышала: вы едете в Ленинград, — сказала тогда девушка.

— Да...

— Ради бога, я очень прошу вас, передайте вот это. Очень, очень прошу вас.

Девушка протянула маленький сверток в оберточной бумаге.

— Хорошо. Но кому? Здесь нет адреса, одно имя: «Дагмара»

— Имя это мое. Адрес сейчас напишу. Алексею Белогорскому. Я вас очень прошу, простите за настойчивость и... и если задержитесь, положите в темное, прохладное место.

— Полить?

— Да, это черенок. Он не может без воды. Это очень важно.

Маша вошла в номер гостиницы. У окна на кровати сидела расстроенная молодая женщина — заплаканные глаза, растрепанные волосы, серый платок на плечах. Спиной к двери на стуле сутулился человек в шинели, накинутой на плечи. Он вскочил, извинился, сказал, что сейчас уйдет. Когда он говорил, Маша видела, как дрожали руки женщины, которые так и остались в его больших ладонях. Маша сказала, что еще рано, можно побыть здесь, в номере, и попросила папиросу. Про хлеб спросить было невозможно, хотя есть очень хотелось. Было одиннадцать часов вечера. Не раздеваясь, Маша забралась на кровать, сбросила мокрые туфли, поджала ноги, закурила... Но через минуту голова опустилась на подушку, и Маша провалилась в черную темноту сна.

Утром вскочила. Номер был пуст. Уже 6.30. Сейчас придет машина и ответит ее на аэродром.

В ПУСТОМ ДОМЕ

Как мало людей на улицах! Вой сирены, протяжные гудки, и, прерывая радиопередачи, стучит метроном. О, как надолго запомнится Маше его равномерный стук и запах древесного спирта от изредка проезжающих машин! Белые линии бумажных полос перекрещивают окна. Мешки закрывают витрины магазинов. Серые шинели и темные пальто редких прохожих. Даже когда-то желтые дома и желтая листва потеряли свою окраску. Серый туман, серый асфальт, серые заброшенные скамейки в скверах.

Вот дом, указанный на клочке газеты. Маша входит во двор. Обычный двор большого дома: булыжник, водосточные трубы, одинаковые подъезды. Третий этаж. Звонок не работает. Дверь в квартиру чуть приоткрыта. Маша стучит. Никто не отвечает. Пустая пыльная лестничная площадка. Никого. Позвонила в две другие двери. Никто не отзывается. Только из одной квартиры беспомощный телефонный звонок. Маша стоит ждет — не слышно ли шагов по лестнице? Нет. Ждать она больше не может. Уйти? Но когда она снова придет сюда? Транспорт с каждым днем работает все с большими перебоями. Редко кто теперь возвращается каждый день домой, большинство людей остается ночевать на работе.

Маша решила открыть незапертую дверь. Полумрак прихожей. Пахнет старой мебелью, одеждой, резиновыми галошами. Запахи смешались и повисли в воздухе. Налево из двери падает свет на зеркало. По обе стороны зеркала тускло отсвечивают бронзовые бра, такие нелепые и ненужные сейчас. В комнате синие бумажные шторы спущены не до конца. Шкаф наполовину пуст — стопки книг, перевязанные, лежат на полу. Чемодан на стуле еще не застегнут. Около печки разорванные фотографии, исписанные листы бумаги, старые газеты. Беспорядок перед отъездом? Куда положить сверток, чтобы его сразу заметили? Вот в углу старинное бюро красного дерева. Затеиливые позолоченные украшения — головы лис около замочных скважин, граненые тонкие ножки с длинными колосьями. Чего только не видело это бюро и, наверно, по-своему привыкло даже к пыли. Маша положила на него сверток. Потом подумала. Развернула. Вытащила коротенький зеленый черенок. Поискала глазами, увидела стакан, рядом графин. Маша до половины наполнила стакан водой, положила туда черенок. Поставила под бюро. Прохладнее места не нашла. На бюро положила обертку так, чтобы сразу бросалось в глаза имя «Дагмара». Поискала карандаш — приписала: «Черенок под этим бюро».

— Вот так. Адреса я, конечно, не помню. Но дом нашла бы хоть сейчас.

— А улицу мне называла Лена. Староневский... и имя.

— Что ж, поезжай... Остановишься у моих родственников. А как искать дом, я тебе нарисую. Ты знаешь Ленинград?

«ВАМ ПОВЕЗЛО...»

Дверь ему открыла высокая старуха в белой шали с бахромой.
— Вы к кому?

— Извините, пожалуйста. Может быть, к вам. Здесь жил Алексей Белогорский?

— Да. Я его мать. Проходите.

Женщина была, видимо, скупа на слова.

— Вы знали его? Впрочем, что же это я, вы тогда под стол пешком ходили. Значит, кто-то вас послал?

— Нет. Я сам. Меня... То есть не совсем меня. Нас интересует судьба куста. Вы о нем знаете? Откуда он взял...

Объяснения Семена были не очень внятные, но старуха не удивилась. Она, видимо, все поняла.

— Давайте по порядку. Меня зовут Лидия Павловна.

— Я Семен... — Семен смутился окончательно, оттого что не назвал себя сразу. Только выпалив первые фразы, он вдруг понял, что его вторжение, может быть, не совсем тактично.

— Садитесь, — продолжала Лидия Павловна. — Сейчас будем пить кофе. — Она вышла. Семен огляделся. Вот она, комната, о которой рассказывала Мария Степановна, только теперь она прибрана. Где же бюро?

Когда Лидия Павловна вновь вошла в комнату, Семен совершенно неожиданно для себя спросил:

— А где бюро?

Лидия Павловна подняла брови.

— Бюро я продала. Вы очень хорошо информированы. Что еще вас интересует?

— Да нет. Я так... Только куст. О бюро я знаю от Марии Степановны.

— От кого? Впрочем, неважно. У вас склонность выражать свои мысли беспорядочно.

Старуха принесла кофейник, разлила кофе в чашки, спросила:

— Так что же вы знаете о кусте?

— То, что Алексей... извините, не знаю отчества, его посадил. И хотел осушать болота.

— Ну уж не так просто.

— Да нет. Конечно. Но куст срезали этим летом. А у вас должен был быть отросток. Если не погиб. И вы можете знать, откуда взялся куст. Мне это очень нужно. Болота. И потом... Лена.

— Понятно. Вам повезло, что я преподаватель. Психологии. Бывший. Черенок не погиб тогда. Кто-то привез его к нам. Он появился в комнате совершенно неожиданно. В день, когда Алексей уходил в армию... Он очень обрадовался. «Видишь, какой живучий, — говорит. — Ты уж расти его». Я посадила его в горшок. Вырос он удивительно быстро. Куст не куст. Маленькое дерево. Очень много требовал воды. Но не мерз. Выносливый оказался. А вы же знаете, как во время блокады... Потом меня увезли в госпиталь. Дистрофия. Вывезли через Ладогу. Я просила друзей взять себе растение. Вернулась — нет его. А кто взял — не знаю. У Алеши два друга были. Валя Урасов, он-то ему и раздобыл этот куст, а где — не знаю. Алеша не успел толком рассказать. «Это удивительная история, мама, — говорил. — Мы опубликуем все это, как только удастся вернуться к работе». Да вот не вернулись они... Валя писал мне потом, но о растении — ни звука. Да, он москвич. В Ленинграде его тогда и не было. Сошлись они с Алешей в экспедиции. Валя дол-

жен знать, откуда оно, это растение. Другой Алешин приятель, Игорь, — тот учился в Ленинграде. Музыкант. Не слышать что-то, как он сейчас. Я-то его после блокады не встречала... Может быть, он взял? Он бывал у меня во время блокады. Помогал как мог. Добрый он, только слабый был. Да. Так вот. На фронт его не брали. Не годен был. Здесь работал на заводе. Может быть, он и взял горшок себе в память о друге. В ботанике он не разбирался. Валя жил на Самарском в Москве, мать его там жила. А где Игорь — не знаю. Страна большая. Здесь у него родных не было.

ГДЕ ИСКАТЬ?

По кривому, крутому Самарскому переулку трещит трамвай, покачиваясь и тормозя на поворотах. Рельсы вплотную подходят то к тротуару, то к забору, над которым торчат спутанные голые ветки разросшихся кустов. Иногда забор обрывается и обнажается стена разрушенного дома — синие обои, более синие в тех местах, где стоял шкаф или висел портрет. Груды красного кирпича, ямы, и, если бы не бульдозер рядом, эти увечья казались бы отзвуками войны. Но уже видны позади развалившегося дома белые стены нового здания, подсвеченные софитами. Низкая луна не может соперничать со светом прожекторов.

Старая собака — фокстерьер, толстая, ленивая. Выщербленный мутный паркет. Вешалка забита старыми пальто, выгоревшими плащами. Чинные стулья с прямыми спинками стоят во всех свободных углах — на них сидеть нельзя: то нет ножки, то продавлено сиденье, то сломана спинка. Диван, правда, обит заново, но потом заслан старой материей с бахромой.

Две старушки заахали, заохали, узнав, зачем явился Семен. Зашуршала старая пожелтевшая скатерть, прикрывая клеенку неопределенного цвета. Семену было неловко сидеть на слишком высоком диване, пес вертелся под ногами, оставляя на брюках клочья шерсти. Со стен смотрели старуха с желтым лицом, в чепце с оборками и усатый мужчина с длинным носом. Рядом висели потемневшие гравюры. Сфинкс, а вдали — пирамида. На другой — зимний лес. Все на тех же местах, что, верно, и десятки лет назад. Ничего не передвигалось, не переставлялось. В большой хрустальной люстре горит лишь одна электрическая лампочка. И вдруг на стене Семен увидел рисунок в тяжелой черной раме. Акварель изображала не то куст, не то дерево. Большие листья непропорциональны всему растению. Ветки тянутся в разные стороны. Что это? Это же тот самый куст. Наконец-то он узнает что-нибудь определенное! Радостное ощущение, что он стоит на пороге разгадки тайны, охватило Семена. Он слушал старушек и не сводил глаз с рисунка. Несколько раз он пытался расспросить о картине. Но это было не так-то просто сделать. Пришлось запастись терпением. Вопросы сыпались на него, как горох, и оставались без ответа. Семен не успевал вставить ни одного слова.

Пили чай из блестящего никелем электрического чайника. Чашки были разные. Семену поставили такую тонкую, что он боялся раздавить ее руками. В самый разгар чаепития заскулил пес. Од-

на старушка нехотя стала одеваться: «Сейчас, сейчас идем, бедненький». Оставшись с другой — более спокойной — Семен начал расспросы...

«...Я возлагаю на него большие надежды. Представь себе, вокруг болота растут кусты с большими красивыми листьями, и постепенно болото исчезает, высыхает. Вот чудесно будет! Ни топи, ни бросовых земель, ни комаров с малярией — ничего! Листья большие, поверхность испарения большая, и кусты выкачивают лишнюю воду из почвы.

Остановиться ты можешь в селе Пеньки, первый дом у дороги с раскидистой березой у крыльца. Хозяйка — Матрена Петровна — приветливая, говорливая. Передай ей от меня привет. Жду ответа.

Твой Алексей».

Семен отложил письмо Белогорского, осторожно вынул акварель из рамки и прочел на обороте:

«Дорогой мой! Я запоздал с рисунком. Мне хотелось нарисовать куст в полном цвету. Я ждал. Но не дождался. Война. Обойдемся пока без цветов. Он такой необычный. Ты прав, если и сфотографировать его, то все равно он будет казаться нереальным.

Твой Валентин Урасов».

Семен осторожно скатал акварель в трубку, вложил в нее пожелтевший листок письма, обернул газетой.

Потом достал из кармана свежее письмо, адресованное ему, Семену. Обратный адрес на конверте: «Саратов, Геологическое управление, Геологпоисковая партия № 5. В. Урасову».

«Уважаемый товарищ!

Растение это из третичного периода (был такой период в геологической жизни нашей планеты). Каким образом Вы узнали о растении, не представляю себе!..»

Семен перечел конец письма:

«Я отдал семечко своему товарищу, чудесному человеку — ботанику и мечтателю — Алексею Белогорскому и попросил посадить. К сожалению, война разбросала нас... Мы называли его «Дагмара».

Уважающий Вас В. Урасов».

Перечитывать все письмо Семен не стал. Итак, куста, видимо, больше не существует. Вряд ли сохранился тот ленинградский росток. И где его искать?

Никаких сведений о втором товарище Белогорского — Игоре нет. Но кто бы мог подумать, что у этого растения такое диковинное происхождение? И как жаль, что они с Леной не уберегли его. Эх! Знать бы раньше. Как расстроится Лена, когда Семен расскажет ей все, что узнал за эти дни. И тем не менее пора ей рассказать.

Семен с радостью подумал, что, наконец, увидит Лену. И тут же ему стало грустно, что поиск окончен, что с таким увлекательным делом придется расстаться.

РЕШЕНИЕ

Маленькая девочка больна. Ей жарко. Комната невысокая, два окна обращены на север в тенистый сад, мерно гудит вентилятор. Все сделано так, чтоб было больше прохлады в детской. Но прохлады нет. В солнечном южном Ташкенте очень жарко. Даже цветы в искрящихся вазах быстро никнут и вянут. А тут еще жар. На цыпочках, хотя на ногах только легкие сандалии и кругом ковры, в комнату входит отец. Он молча смотрит на красное лицо девочки с прилипшими ко лбу волосами, на ее полужакрытые глаза и уходит. Он бессилен помочь ей. Проходит в другую комнату, садится за рояль. Руки слегка касаются клавишей. Звуков нет: нельзя тревожить девочку. Да и можно ли сейчас думать о работе, о предстоящей лекции, о книгах. Девочка больна. Этот грипп вывел из строя многих людей. Может быть, лучше поместить девочку в больницу? Нет, нет, в привычной обстановке она поправится скорее. Врачи делают все, что нужно. Жена скоро придет. Пока он снова пойдет к девочке и посмотрит. Те же осторожные шаги...

День склоняется к вечеру, но прохлады нет, будто стены дома отдают тепло, накопленное за день. Приоткрыв дверь, Игорь снова смотрит на девочку, на тонкие смуглые ручки, лежащие на простыне, на растение со странными листьями, которое стоит на столике рядом с кроватью. Когда девочке было немножко лучше, она попросила поставить сюда горшочек с растением:

— Без меня цветов забывают поливать.

Это растение вызывает у Игоря много воспоминаний. Консерватория... Маша, ее споры, ее вечное стремление к необычному, ее бесконечные поездки, непостоянство интересов... даже непоследовательность...

У Игоря в жизни все было продумано заранее, все разложено по полкам: музыкальное училище, консерватория, преподавательская деятельность. А Маша? Игорь вспоминает, как познакомился с ней в конце войны на концерте... Беспокойный она была человек. То в Ленинграде пишет отчеты, делает доклады, кому-то помогает, с соседскими мальчишками отправляется в туристский поход, то вдруг уезжает в командировку на три-четыре месяца, откуда шлет письма, длинные, немного трогательные письма с восторженным описанием тайги, какой-то ели, пирамидой тянувшейся к небу, с таким бесчисленным количеством шишек, что кажется, хвои нет, вся она бронзово-желтая; то письмо вдруг из полупустыни — Западного Казахстана, — там есть казахи, которые без компаса, без единого ориентира могут находить затерявшуюся в степи стоянку машин с геологами...

Так и не мог Игорь решить — нравится ему Маша или нет, как она относится к нему. Мечтательная и нежная, она иногда бывала резкой и вспыльчивой, особенно тогда, когда ей хотелось доказать свою правоту.

— Пить.. пить, — попросила девочка.

Отец налил воды и поднес к губам.

— А цветок полил?

— Да.

— А где мама?

— Скоро придет.

Почему Игорю сегодня, глядя на это растение, вспоминаются слова Маши: «В каждой согнутой кисти рябины, в каждом сером придорожном камне, в солнечном блике, в вытянутой стрелке подорожника звучит музыка. У вас она звучит только у рояля»? Маша даже дачу под Ленинградом с расчищенными дорожками и подрезанными кустами называла «золоченой клеткой с рисованными закатами».

Маша... Никакого отношения не имеет она к этому растению.

Просто она была очень похожа характером на Игореву друга довоенных лет. На Алексея. Тот тоже был взбалмошный. Нет. Не взбалмошный. Восторженный. Оба сумасшедшие. Этот кустик в горшке — память об Алексее. Необыкновенный кустик. Небольшой. А листья растут огромные, когда много воды. Меньше поливать — и куст съживается. Игорь и сюда в Ташкент привез горшок. Хоть жена и возражала. Но что-то не давало Игорю расстаться с растением. Будто, выбрось он этот куст, порвется совсем связь с прошлым.

Игорь бесцельно ходит из комнаты в комнату. Ему впервые пришла в голову, в сущности, простая мысль: а может быть, кому-то нужно это растение? Ведь Алексей хотел осушать болота. А оно такое необыкновенное. И сколько пьет воды! Но кому рассказать об этом? Обратиться в Академию наук? А что Игорь знает о кусте? То, что его очень ценил друг? Так ведь этого мало. На столике лежит томик Конан-Дойля. «Голубой карбункул». Как просто было великому сыщику! Стоило только написать в газету объявление, и человек, которого ищут, приходит на Бейкер-стрит. Может быть, Игорю тоже попробовать. Сфотографировать растение, поместить заметку в журнале «Огонек». И Маша где-нибудь в Москве или в экспедиции увидит и откликнется. Какая ерунда лезет в голову!

Но пусть хоть один раз он сделает что-то необычное, пусть это будет легкомысленный поступок. Кто знает. Может быть, снимок и напечатают. Кто-нибудь заинтересуется.

Игорь берет свой фотоаппарат. Проверяет. Ставит горшок с растением на стол, отдергивает штору, отсчитывает выдержку.

ДАГМАРА ВАСИЛЬЕВНА

Последняя четверть учебного года.

Сегодня на уроке литературы было задано написать сочинение на тему «Хорошие люди вокруг нас».

И лежит перед учительницей по русской литературе — Дагмарой Васильевной — стопка тетрадей, и в каждой заключены симпатии, характеры, свое кредо всех двадцати пяти учеников, с которыми она простится в этом году.

Тетрадь Саши Ивановского. Способный ученик, он все схватывает на лету, но не задумывается — дальше, дальше, скорее узнать новое. И сочинение его сразу о нескольких товарищах, и ни один эпизод не дописан до конца.

А это длинное повествование о старшем брате. И чем он хорош, и какой целеустремленный (жаль, слово написано через

«и»). Да, действительно Туркас-старший был очень собранный и вдумчивый ученик. Младший брат любит ходить с ним на реку ловить рыбу. Описание реки и леса чуть не целиком взято у Тургенева. Слов своих маловато.

Шабанов Вова. Размахнулся... про Пушкина. Когда проходили Пушкина — не выучил урока, говорил что-то от себя, то что знал вообще, ни одной даты, никакой последовательности, а у стихотворений знал только первые строчки. Сейчас много прочел, выучил и считает Пушкина хорошим человеком. «Стихи Пушкина волнуют массы». Сам ты — масса невыученных уроков. И закончил-то как:

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, Отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!

Инна Михеева пишет иносказательно: «У меня есть друг. Он не знает, что он мой друг». Да, но все в школе знают твоего

друга, ты с него глаз не сводишь, а он только снисходительно уdstаивает тебя взглядом или короткой фразой. Разве это друг? Просто увлечение, и оно скоро пройдет. А когда появится настоящий друг, ты не будешь смотреть на него как на идола. А сочинение хорошее — язык легкий, ошибок нет.

Учительница задумалась. Она вспоминает далекие годы и человека, скромного и тихого мечтателя, Алексея Белогорского. Он погиб на фронте. И она до сих пор не знает, получил ли он ту посылку, что передала она незнакомой девушке. Единственная память о нем был куст на болоте. Необыкновенный куст. Куст погиб. Все пни, гнилые деревья, кустарники, что росли на том болоте, срезали, выкорчевали, сложили в кучи, сожгли.

Все годы она ждала, когда куст зацветет. А куст все не цвел. Ответа от Алексея в то военное лето она не получила. Потом она эвакуировалась со школой-интернатом далеко, в Ярославскую область. Потом вернулась, но куст ни разу не цвел. Вот и получилось — сначала она ждала конца войны, потом приезда Алексея, потом ожидание ушло. Теперь куста нет! Сережа написал. Надо вспомнить все, что она знает о нем, достать письма Алексея. И написать, не откладывая... Но куда? Кому?

Но ведь ей писали ребята, что кустом интересовалась девушка Лена. Она ботаник, как был Алексей когда-то. Узнать ее адрес. Там в селе знают. Нет, лучше написать кому-нибудь посolidней...

КРОССВОРД

— Да, да, — и Мария Степановна, застегнув халат на последнюю пуговицу, открывает входную дверь. На пороге — молодая веселая соседка, за ее спиной — голова белобрысого мальчишки, ее сына.

— Вот Юрка пристал с кроссвордом. Ничего не получается. И журнал-то старый, следующий номер потерян. Я ему говорю, что вы на работу ушли. А он свое: тетя Маша сегодня дома, она мне вчера сказала, что дома будет.

— Ну что там?

— Вот горы на Урале?

— Горы? Покажите!

— Юра, Юра, где тут?

Все проходя в кухню. Мария Степановна поправляет очки и начинает читать:

— По горизонтали...

Юра показывает:

— Вот здесь, где цифра пятнадцать...

Но Мария Степановна уже не слышит его. Она смотрит на фотографию. Рядом с кроссвордом помещен снимок: горшок с растением. Как странно, под фотографией стоит его подпись: «Игорь Северов», и следующая заметка:

«Это растение имеет особенность поглощать в большом количестве воду из земли. Чем больше его поливаешь, тем быстрее растут листья. Пусть знакомые с этим растением ботаники объяснят это свойство и назовут его по-научному. Я называю его «Дагмара». Игорь Северов».

Бюро, фотография, растение, Дагмара, Игорь — как тесен

мир, как все перепуталось. Вот не думала, что он связан с этой историей.

— Так как называется горный массив на Урале?

— Таганай.

— А продукт перегонки нефти?

— Газолин.

Соседка с Юрой ушли. В кухне заблестело солнце, вспыхнуло на никелированном кофейнике, и отражение Марии Степановны странно удлинилось, сделало ее совсем тоненькой.

На крыше зашуршало, задвигалось, послышался грохот: в водосточной трубе затрещал лед. Он сдвигался все ниже и ниже. У самой земли выскочил из трубы и разбился на маленькие звонкие кусочки... Весна... И Мария Степановна вспомнила другую весну — такую же шумную и яркую. Она бежит в серенькой шубке по Невскому. Черные боты блестят, блестят лужи, отражая солнце. И весело ступать на каблуках в воду. Брызги! Звонящие капли! Громкие голоса! И как много веток мимозы в руках у прохожих. Куда она спешит? Свидание? Да. С Игорем Серовым.

«Что он теперь за человек? Что он за человек? Вот не думала, что он связан с этим растением, — сказала про себя Маша. — Надо позвонить Лене».

УМЕТЬ ВООБРАЗИТЬ

— Ничего, матушка, не разберу. Какая-то учительница обращается ко мне. Просит посодействовать. Это в вашу группу приезжало ленинградское светило? Хотел было ему и переслать, но решил посоветоваться с вами.

Мария Степановна прочла это письмо. Письмо от учительницы было странное и непонятное. Только тогда, когда Мария Степановна дочитала до конца и увидела полный обратный адрес, она поняла, в чем дело. Письмо было подписано: «Дагмара».

— Ну вот, видишь, все сошлось к одному. Поезжайте за своим кустом — вот вам адрес. Передайте от меня привет. Скажите, от Маши, — сказала Мария Степановна Лене.

Та сидела удивленная и счастливая. Только недавно Семен принес письма и картину. Тогда казалось: все потеряно. Где теперь найдешь... А ведь такое открытие. И вот откликнулись Дагмара и таким неожиданным образом Игорь.

— А вы откуда его знаете, Мария Степановна?

«Дорогой товарищ!

Чтобы Вам было сразу все понятно, пересылаю Вам письмо Вашего друга В. Урасова, с которым Вы не виделись много лет. В нем описана история того растения, что растет у Вас. Большое спасибо Вам за то, что Вы сохранили для науки ценнейший экземпляр реликтового растения. Меня скоро отправят в командировку к Вам, за кустом. Надеюсь, Вы не станете возражать, если его приобретет у Вас Академия наук. Привет от Марии Степановны.

Л е н а».

Игорь вернулся домой поздно. Жена и дочь уже спали. Он осторожно прошел к себе, держа в руках письмо со штампом «Огонек».

Он прочел записку Лены и потом письмо Валентина Урасова. Вот так штука! Как мало подчас мы знаем своих друзей... И Маша, оказывается, с ними. Это не случайно. У них там одно дело.

Как все странно! Игорь снова стал перечитывать письмо Урасова.

«...Лес, всюду лес! Ни степей, ни тундры, ни пустынь. Однообразно светит солнце — ни зимы со снегами и метелями, ни знойного лета. Иногда идут обильные теплые дожди; даже не дожди, а ливни. Прямые упругие струи бьют по листьям, по веткам. А когда ночью ярко светит луна, то ее свет отражается в море, в бесчисленных потоках воды, в озерах, во впадинах со стоячей водой, и все окрашено в зелено-серебряный цвет. Лес и вода...»

И вот на одном небольшом острове, затерянном в безбрежном море, здесь, в районе нынешнего Саратовского Поволжья, вместе с кленами и инжиром, миртами и дубами, росло одно дерево. Оно скорее напоминало куст, но очень высокий, с могучими ветками, вытянувшимися в разные стороны, с большими зубчатыми листьями. На листьях выделялись толстые жилки. Иногда куст покрывался огромными кистями цветов, около которых летали большие блестящие насекомые и пестрые птицы. Порывы ветра шевелили глянцевиные листья, и красивые цветы роняли свои венчики...»

На этот раз Игоря поразило в нем противоречие: сухое и точное описание — песчаники, глины, опоки; — ничего интересного для человека, не знающего геологию, — и вдруг чудесная картина прошлого, исчезнувшего и неповторимого мира. Воображение! Вот что значит воображение! Откалывая геологическим молотком серые камни в безымянном овраге, воссоздать по ним линии берегов, моря — то теплые, то холодные, то глубокие, то мелкие, вообразить краски, звуки — слышать, как шумят ливни в тропических лесах, видеть, как ломаются гигантские травы под ногами огромных зверей... Да, воображение! Оно зовет не только назад, но и вперед. Человек мечтал осушать болота, сажать сады... Как у Гёте: «...Я целый край создам обширный новый, и пусть миллионы здесь людей живут...» Мир станет прекрасен, когда исчезнут болота! Воображение! Фантазия! А у него, у человека искусства, нет воображения? Смешно! Игорь и не искал никогда ни у кого воображения. Он смеялся над фантазеркой Машей. А это не фантазия. Как там в письме: «...горные породы — памятники физико-географических условий прошлых геологических эпох». Надо уметь разгадать, узнать эти памятники. А он всегда думал, что Машины камушки отвечают только на практические вопросы: есть ли руда в данной местности или нет, много ли угля?..

Надо уметь вообразить, услышать голоса природы, воссоздать их, как воспроизводят геологи по образцам пород историю Земли, как создают археологи по черепкам историю общества. Вновь пережить свои чувства, услышать незатейливую мелодию сверчков в старом доме, увидеть белых мотыльков на пушистых во-

лосах Маши — вот чего не хватает в его последней незаконченной работе.

Игорь прошел в свою комнату. Плотнo закрыл двери, сел за рояль.

ЭПИЛОГ

Скоро снова лето. Оно будет таким интересным. Еще бы: у Лены теперь есть настоящее дело. А сейчас вечер, и весь день идет дождь — пусть себе сеется, — они бредут с Семеном по Москве.

— Ты мне поможешь, Семен, летом?

— Еще бы. Вот не ожидал, что геология может делать такие открытия. Я тебе признаюсь. Когда прошлым летом я работал с Марисей Степановной, то все думал: ну что она нашла интересного там, в болотах? И вообще — не геолог она, так казалось мне. А оно вот как повернулось.

— Ничего ты не понимаешь в людях. Сыщик. Она замечательная. Только зря она не полюбила тогда Игоря.

— Может быть. Ведь он хороший и добрый очень. Не поняли друг друга, вот и получилось. По молодости лет. Ты не делай такой ошибки.

— Какой ошибки?

— Не забывай, что без меня тебе никак нельзя.

— Ты?.. — глаза у нее расширились.

Они останавливаются на минуту.

Потом снова идут под дождем. Теплый хороший дождь...

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

Я по профессии геолог. И вряд ли бы мне пришло в голову писать художественное произведение, если бы я не встретила однажды по работе с замечательными людьми, одержимыми идеей осушения болот. Я подружилась с ними. Меня увлек их энтузиазм, и мне захотелось рассказать о них. Так появилась эта повесть. Есть в ней и фантастический домисел, но герои ее взяты из жизни. Изменены их фамилии и отчасти судьбы, однако в их характерах мне не хотелось ничего домисливать. Сейчас Лена и Семен, точнее, их прототипы, стали старше, но я оставила их в повести такими, какими они запечатлелись в моей памяти, едва вступившими на стезю исканий, на стезю науки.

Конрад ФИАЛКОВСКИЙ

Меня зовут Мольнар

Научно-фантастический рассказ

Грузовик остановился на повороте. Он вышел из кабины, прихватив свою потертую дорожную сумку, еще раз улыбнулся водителю и двинулся в гору. Он шел медленно, останавливаясь через каждые двести-триста метров, хотя дорога, на которую он свернул, поднималась в гору не слишком круто. Сквозь рубашку он чувствовал на спине тепло полуденного солнца. Вокруг на белых скалах росли карликовые сосны, но солнце иссушило их за жаркий день, и он чувствовал лишь запах собственного пота и едва уловимый аромат моря, раскинувшегося где-то за ближайшими холмами.

Он прошел мимо таблички с надписью, запрещающей въезд, и мимо второй, сообщавшей, что он находится на территории частного владения. Боль усиливалась. Он остановился, достал из верхнего кармана рубашки флакончик с таблетками, высыпал их на руку, сунул одну под язык и, поколебавшись, взял еще половинку. Не дожидаясь, пока боль пройдет совершенно, двинулся дальше. Еще один поворот, и он оказался перед воротами. Он ожидал увидеть какую-нибудь вывеску, но ничего подобного не было. Железные, немного старомодные ворота. Рядом пристроилась будка вахтера, сложенная, как и все здесь, из белого камня. Он вошел и увидел человека, сидевшего за небольшим, прикрепленным к стене столиком, на котором стоял телефон. На человеке было что-то вроде униформы, но ремня не было, не было и фуражки, только небольшой металлический шлем покрывал затылок.

— Вы условились? — спросил человек.

— Нет. Я пришел, потому что...

— Вы прочли надпись на табличке?

— Разумеется, но...

— Прошу вас придерживаться того, что вы прочли, и покинуть это место. Здесь частное владение.

«Если б я приехал на собственной машине, он разговаривал бы со мной иначе», — подумал пришедший и сказал:

— Это владение доктора Эгберга?

— Да, но я уже сказал...

— Я друг доктора Эгберга. Мы знакомы много лет, — добавил он, чтобы сгладить предыдущую фразу, которая не совсем отвечала истине.

Человек в форме не удивился, не заколебался. Просто поднял трубку телефона.

— Проходная, — сказал он, — прошу соединить с секретариатом доктора.

Прошло некоторое время.

— Ваше имя и фамилия? — спросил мужчина, не отрывая трубки от уха.

— Ральф Мольнар, профессор Ральф Мольнар, — уточнил он, вспомнив, что Эгберг должен помнить его как профессора. Привратник остался безразличным, словно докладывать о прибытии профессоров вошло у него в привычку. Потом сообщил фамилию, и они продолжали ждать.

Мольнар — опершись о стенку, привратник — неподвижно уставившись в какую-то точку на стене.

— За вами придут, — сказал он наконец. — Оставьте свои вещи. Мы принесем их вам позже. Таковы правила, — добавил он, словно это все объясняло.

Мольнар пожал плечами, подтолкнул ногой сумку и, услышав на тропинке шаги, повернулся. Перед ним стояла девушка, высокая девушка в летнем платье без рукавов.

— Доктор Эгберг просил приветствовать вас от его имени. Я должна позаботиться о вас, профессор, и спросить, надолго ли вы останетесь у нас.

— Посмотрю. Еще не знаю.

— Во всяком случае, до утра наверняка. Уже поздно. Доктор приглашает вас на ужин.

Мольнар шел за девушкой по выложенной камнями дорожке, среди густых незнакомых ему кустов, глядя на длинные, очень полные и все-таки стройные ноги идущей перед ним девушки. Он опять почувствовал боль в груди, но не остановился. Дом должен быть близко. Действительно, он выдавался в сад большой незастекленной верандой, и вдруг Мольнар понял, насколько велик дом. Его размеры скрывала зелень: деревья, заглядывающие своими ветвями прямо в окна, и вьюны, взбирающиеся по стенам под самую крышу.

— Вы будете жить на втором этаже, профессор, — сказала девушка, когда они входили в дом.

Она направилась прямо к лестнице, а Мольнар на минуту остановился. На стене перед ним висела большая темная картина, освещенная красными лучами заходящего солнца, но он не видел картины — чувствовал только сильную боль. Девушка тоже на минуту остановилась. Потом подошла к лифту и нажала кнопку вызова. Кажется, она на него не смотрела, и все-таки он не мог решиться достать флакончик. Боль понемногу отступала, и теперь он видел на картине огромного осьминога, тянущегося к клиперу, идущему под всеми парусами по бурному морю.

— Лифт вниз, профессор, — сказала девушка.

Он хотел ответить, что она напрасно беспокоилась, но смолчал. Они поднялись на второй этаж и по коридору прошли куда-то в глубь дома. «Похоже на отель, — подумал Мольнар, — коридор и десятки дверей. Дверей без ручек».

— Здесь, — сказала девушка, пропуская его вперед.

Он оказался в комнате, где имелась вся необходимая мебель, а также большой телевизор. На кровать даже не взглянул. Он спал хорошо везде, как и прежде, в молодости, и был не настолько высок, чтобы короткая кровать могла стать для него проблемой.

— Ванная здесь, — девушка приоткрыла дверь.

— А мои вещи?

— Сейчас будут.

Он заметил, что она смотрит на него и улыбается. «Ин-

тересно, сколько ей лет, — подумал он, — наверняка выглядит значительно моложе».

— Доктор Эгберг вскоре поговорит с вами.

— Поговорит?

— Да. Вероятно, он нанесет вам визит.

— Ах вот как!

— Если вам еще что-нибудь понадобится, позовите меня.

— Крикнуть?

— Меня зовут Мейдж.

— Но как крикнуть?

— Мисс Мейдж... или просто Мейдж.

— Прямо отсюда, из комнаты?

— Из комнаты или из ванной. Немного громче, чем вы обычно говорите, важно, чтобы пропустили дискриминаторы.

— Понимаю, — сказал Мольнар. Что-то зашуршало за дверью, и раздался звонок, установленный где-то под потолком.

— Ваши вещи прибыли, — сказала девушка, открыла дверь и взяла стоящую на полу сумку.

— Зачем все это? Я мог и сам принести...

Она не ответила. Еще раз улыбнулась и вышла. И тогда он увидел на том месте, где она стояла, сандалию. Мейдж потеряла сандалию и не заметила этого. Он поднял ее с пола и дернул дверь. Дверь мгновенно сопротивлялась, потом поддалась. «Совсем так, словно решала, открываться или нет», — подумал он. В коридоре никого не было. Он некоторое время постоял с сандалией в руке, а затем вернулся в комнату.

* * *

Через час, побрившись, приняв ванну и надев вынутую из сумки сорочку, он сидел в не очень удобном кресле и смотрел в мрак за окном. Климатизаторы бесшумно нагнали холодный воздух, пахнувший солью и водорослями, и на какое-то мгновение ему показалось, будто это дует настоящий вечерний бриз перед тем, как ночью изменить свое направление. Деревья за окном не шевелились, и он видел только мелькающие многоугольники летучих мышей на фоне неба. Прежде чем сесть, он попытался открыть окно, но задвижки даже не дрогнули, хотя он нажимал на них изо всей силы. «Я слишком слаб», — подумал он и отказался от своего намерения, потому что после усилий всегда начиналась боль.

Он сидел неподвижно и думал о портовом районе, в котором последнее время жил, о маленькой комнатке с одним окном, в которую надо было подниматься по крутой лесенке, о баре в двух шагах от дома, где он частенько сиживал, о ежедневной утренней поездке на работу по узким пыльным улочкам. Об институте и давних временах он никогда не думал.

— Добрый вечер, профессор, — услышал он голос за спиной и резко обернулся. В комнате не было никого, только на матовом экране он увидел лицо. Это был Эгберг,

Рисунки С. ПРУСОВА

он узнал его сразу, хотя прошло уже десятка полтора лет с тех пор, как они ежедневно встречались в институте. Те же широко расставленные темные глаза и широкие сросшиеся брови. — Рад вас видеть. Хорошо, что вы меня навестили.

— Ну что ж, честно говоря, у меня не было иного выхода. Иначе я б сюда не приехал.

— А вы совсем не изменились за эти годы. Вы всегда говорили то, что хотели сказать, прямо. Именно таким я вас знал.

— Наверно, вы догадываетесь, зачем я приехал?

— Может быть, об этом позже? Поужинаем вместе. Помнится, вы любили форель с шампиньонами. По вторникам на обеде у Петі вы всегда...

— С тех пор мои вкусы изменились.

— А я распорядился приготовить это блюдо. Форель мы доставляем на самолетах.

— Поражаюсь вашей памяти.

— В то время я был в таком возрасте, когда запоминают почти все. А обеды по вторникам с вами — это была вершина мечтаний любого из нас. Итак, жду. Моя секретарша зайдет за вами. — Экран замигал и погас.

«Форель у Петі. Я даже вкус ее забыл», — подумал Мольнар.

— Ваша сандалия, Мейдж. Вы потеряли ее, — сказал он, когда вошла девушка.

— Не беда, у меня их много. Я часто теряю сандалии. Я такая рассеянная... — добавила она, заметив, что он внимательно смотрит на нее. — Видите, у меня уже новые!

Он подал ей сандалию. Мейдж взяла ее как-то нерешительно. Мольнар заметил это и запомнил.

— Доктор Эгберг ждет вас, — сказала она.

Они опять прошли по тем же коридорам и спустились на первый этаж. Коридор был освещен небольшими желтоватыми лампочками. «Похоже на отель начала века», — опять подумал Мольнар. Столовая, в которую они вошли, была освещена так же. Стол был накрыт на двоих, приборы стояли друг против друга, так что один находился немного в тени.

«Мне придется сидеть на освещенном месте. Стиль Эгберга», — подумал Мольнар и, взглянув на черный вечерний костюм доктора, почувствовал себя немного неловко. Но это длилось одно мгновение.

— Искренне рад вас видеть, — сказал Эгберг и указал на стул.

Предвидение Мольнара оправдалось. Они сели, и Мольнар подумал, что Эгберг тоже уже далеко не молод. Он был седоват, вернее, почти совершенно сед, той сединой бровей, которая начинается около тридцати. Но Эгбергу было больше. Когда Мольнар видел его в последний раз, ему было двадцать с чем-то.

— Вы попали ко мне без труда?

— Ваша лечебница — известное место. Ее знают на всем континенте.

Эгберг поморщился.

— Скорее не лечебница, профессор, а институт. То, что время от времени я принимаю нескольких состоятельных пациентов, еще ни о чем не говорит. На какие-то средства я должен все это содержать. Но прежде всего это институт. Мы ведем интересные работы, которые в определенном смысле продолжают то, над чем мы некогда работали сообща.

— Я уже давно не занимаюсь наукой. К счастью.

— Я вижу, вы уже больше не оперируете, — Эгберг смотрел на руки Мольнара.

— Теперь я не хирург, не нейроник. Сейчас я даже не удержал бы скальпеля, — Мольнар поднял руки так, чтобы Эгберг мог их рассмотреть. Он знал, что они покрыты трещинками и темными следами смазки, въевшейся в складки кожи.

— Мне говорили, что вы вообще бросили свою специальность. Вначале, после вашего ухода, я думал встретиться с вами на каком-нибудь конгрессе, конференции...

— А что бы я там делал? Нет, я покончил со всем сразу. Зато о ваших успехах читал в газетах, — ответил Мольнар.

Подали холодные закуски, человек, который им прислуживал, делал это неловко. Это был огромный мужчина, с трудом уместившийся в своем костюме.

— А мы вспоминали вас частенько, — Эгберг смотрел в какую-то точку над головой Мольнара. — Если забыть о том, что ваше решение ничего не могло изменить, это было, несомненно, доказательством большой смелости.

— Не надо преувеличивать. Просто я понял, что для меня нет места. Ничего больше.

— Немного найдется людей, которые поступили бы так же. Ну, ваше здоровье, профессор. Вы пьете, не так ли?

— Иногда. Усилие воли концентрируется на том, чтобы не курить, — он поднял рюмку.

Когда подали форель, он, наконец, решился. Раньше он подождал бы кофе, но подумал, что теперь законы мира, которому он уже не принадлежал, для него не обязательны.

— Вы догадываетесь, доктор, почему я навестил вас? — спросил он.

Эгберг кивнул.

— Пусть вам не кажется, что я пришел при первых же признаках. У меня было два приступа и третий — вопрос ближайших дней. Я еще немножко врач. После третьего мне уже не встать. При характеристике моих тканей о замене сердца нечего и говорить. Вероятности возврата к нормальной жизни — почти никакой. А прозябать еще год или два в больнице... Это меня не увлекает.

— Одним словом, вы хотите получить искусственное сердце?

— Вот именно.

— И стать киборгом?

— Ну... да.

— При ваших-то взглядах на эти вещи?

— Доктор, я сам вживлял первые модели таких приборов. Мои замечания всегда касались мозга, и только мозга. Надеюсь, вы об этом помните.

— Конечно. Вы были приверженцем ограниченной киборгизации. Сердце — прекрасно, печень или почка — чудесно, но не смейте прикасаться к мозгу. Вот ваши взгляды, профессор.

— Да, и я их не изменил.

— Если бы вы тогда их отстаивали, если б вам это удалось, наш старый институт был бы теперь провинциальной лечебницей, не имеющей никакого научного значения, а я... я, возможно, вживлял бы сердца в какой-нибудь второразрядной больнице.

— В свое время вы сделали все, чтобы этого не случилось.

— Согласен. Но не это главное. Не я, так кто-нибудь другой. Прогресс не остановить.

— Если только это прогресс...

Эгберг не ответил. Он допил свою рюмку, и некоторое время они молчали.

— Итак, вы знаете, доктор, что я имею в виду, — ска-

зал Мольнар и отодвинул почти не тронутую тарелку. Он чувствовал нарастающую гнетущую боль. «Мне нельзя думать об этом. Я уже не профессор. Я полностью порвал с прошлым. Я просто старый электромеханик из доков каботажного плавания, который хочет, чтобы ему дали искусственное сердце».

— Почему вы выбрали именно меня, мой институт?

— Потому что вы делаете это лучше, чем кто-либо в нашем полушарии. Впрочем, в другой лечебнице меня просто не приняли бы. У меня нет денег, доктор.

— Но ведь есть государственные клиники...

— Я знаю, что вы хотите сказать. Да, там меня приняли бы, даже даром. Но мне пришлось бы подписать обязательство, что я согласен на экспериментальные методы и на все с этим связанное. А это, возможно, не вполне явная, но все же какая-то форма опытов на человеке. Кроме того, разве они могут дать мне гарантию, что в результате их экспериментальных методов я стану нормальным человеком? А я не согласен на прозябание. Я хочу плавать, грести, бегать по лестницам, хочу действительно жить.

— У вас изменились интересы. Раньше вы целыми неделями не покидали института. Можно сказать, жили в нем.

— То, что было когда-то, не имеет никакого значения. Вы знаете, чем я занимаюсь сейчас? Программирую автоматические навигационные приборы на кораблях, которые плавают от порта к порту и развозят грузы. Я кончаю работу и остальное время посвящаю себе. Никаких раздумий, никаких проблем. Иногда какая-нибудь книжка...

— Понимаю. Я предпочитал бы, чтобы у вас были деньги. Тогда у меня не возникло бы никаких проблем. Обычный пациент...

— Но тогда я наверняка не обратился бы к вам.

— Вы по крайней мере откровенны, профессор.

— Я долго колебался, прежде чем прийти. Я думал о другом полушарии. Там это делают даром. Когда-то, когда я еще был профессором Мольнаром, все было бы очень просто, но теперь... Теперь я не смог бы даже наскрести денег на поездку...

— Стало быть, вы продумали все возможности и остановились на мне.

— Вот именно.

— Я не отвечу вам так просто, — помолчав, сказал Эгберг. — Я должен подумать...

— Только не очень долго. Я могу умереть здесь у вас. Нет, не думаю, чтобы у вас были какие-нибудь неприятности, если бы кому-нибудь пришлось в голову проверить, кем я был и что нас, мягко говоря, некогда разделяло. В конце концов это давнее дело. На всякий случай в моих вещах хранится адрес моего врача.

— Хороший специалист?

— Провинциальный врач средней величины.

— Я уже знаю его адрес. Завтра я получу все данные, которыми он располагает.

— Вы перетрясли мои вещи?
— Как видите. Впрочем, не я лично.
— Вы откровенны. Это нечто новое. Не думал, что это приходит с возрастом.

— Вы всегда думали обо мне хуже, чем я есть, профессор. Я никогда не боролся против вас лично. Я боролся только против ваших взглядов.

— Результат был тот же. Впрочем, не будем возвращаться к прошлому.

— Согласен. Выпьете кофе? Мне думается, это вам не повредит.

— Ну что ж, выпью.

— Перейдемте в мой кабинет.

Кофе и коньяк ждали их. Свет был желтый, приглушенный, как и во всем доме. В глубине комнаты Мольнар заметил нечто напоминающее большой пульт управления. Пульт был темным, только почти на самом его краю мигал одинокий красный огонек.

— Простите, профессор. Я на минутку. В институте что-то происходит. — Эгберг подошел к пульта, над которым в тот же момент загорелись две яркие лампы дневного света. На экране появилось лицо человека в белом халате.

— Что нового, Дорн? — спросил Эгберг.

— Все в порядке. Только шестнадцатая нервничает. Поэтому я беспокоил Вас.

— Ты пытался дать поляризующее напряжение?

— Да. Не помогает.

— Хорошо, сейчас посмотрю, — сказал Эгберг и повернул экран так, что Мольнар уже больше ничего не видел. Щелкнул переключатель, и Мольнар услышал вой, монотонный, низкий, почти нечеловеческий. Он встал и, стараясь не задеть стол, подошел к пульта. Эгберг, склонившись к экрану, стоял к нему спиной. Он был выше Мольнара и заслонял часть экрана. Однако в незаслоненной части Мольнар увидел женскую руку, может быть, детскую. Рука разжималась и спазматически сжималась, потом шло предплечье, а дальше был металл, странная сетка, напрягающаяся и набухающая в такт спазмам руки. Он минуту смотрел на руку, потом взглянул в глубь экрана. Там в большом прозрачном сосуде плавал мозг. Он не мог ошибиться, он был нейроником. Вдруг вой прекратился, экран погас. Эгберг повернулся и сверху посмотрел на стоящего перед ним Мольнара.

— Это был мозг, — сказал Мольнар.

— Конечно.

— И рука человека.

— Рука человека, но мозг обезьяны. Он управляет рукой человека как более специализированной, чем конечность обезьяны. Двойная гибридная система. — Эгберг погасил лампы над пультом управления, и Мольнар видел теперь только столик, кресла и дымящийся кофе.

— Садитесь, профессор. Настоящий ученый всегда любопытен, не так ли?

— Не очень понимаю... к чему эта система?

— Какие-нибудь простейшие услуги... скажем, подавать пальто в гардеробе, обертывать конфеты в бумажки. Всюду, где не требуется избыток мышления, а рука человека хорошо справляется... или более желательна. Если бы я поехал на осенний конгресс нейроников, я бы установил своего киборга у входа и он пожимал бы всем входящим руки.

— Сумасбродная идея.

— Вы правы. Но реклама превосходная. К сожалению, я не еду на конгресс...

Они молча пили кофе. «Напрасно я сюда приехал, — думал Мольнар. — Можно было предвидеть, что он не даст мне искусственного сердца. Вероятно, сейчас он размышляет, как отказать, чтобы потом не мучали угрызения совести. Хотя бывают ли у такого человека вообще когда-нибудь угрызения совести?» Потом он подумал о своей железной кровати, звоне насекомых и вое корабельных сирен.

— Я, пожалуй, пойду к себе, — сказал он, — и завтра утром уеду.

— Позвольте, но мы еще не кончили беседы.

— Боюсь, ее результат уже предreshен.

— Но я еще не дал вам ответа.

— В данный момент это кажется мне несущественным.

— К вечеру нас всегда охватывают сомнения, которых не бывает утром. Доброй ночи, профессор. Моя секретарша вас проводит.

— Та, которая теряет сандалии?

— Да... Вы наблюдательны, профессор.

Мейдж уже стояла на пороге.

— Спокойной ночи, — сказал Мольнар и вышел следом за Мейдж.

* * *

Оставшись один в своей комнате, Мольнар попытался открыть окно, но опять безрезультатно. Он хотел выглянуть в коридор, но дверь не открывалась. И тогда он впервые подумал, что отсюда уже не выйдет. Он мог крикнуть Мейдж или Эгберга, но вспомнил о кабинете и пульте, на котором загорится красная лампочка, и раздумал.

* * *

Его разбудил стук. Вежливый стук в дверь, как в обычном доме. За окном светило солнце и начиналась ежедневная жара, длящаяся здесь до позднего вечера.

— Прошу, — сказал он и подтянул простыню с одеялом к самому подбородку.

Вошла Мейдж и принесла поднос с завтраком. Он почувствовал запах кофе.

— Благодарю вас. Но почему вы, а не тот?..

— За вами присматриваю я. Мне казалось, я делаю это хорошо.

— Изумительно. Попрошу вас только открыть окно.

— Сейчас жара и пыль. Может быть, вечером...

— Вечером я уже пробовал.

— Ах, вероятно, это изолированная комната.

— Изолированная?

Мейдж не ответила. «Растерялась, — подумал Мольнар, — боится, что сказала лишнее».

— Вы не ответили, Мейдж.

— Спросите, пожалуйста, доктора Эгберга. Ведь он ваш друг...

— Да, конечно. Спрошу.

Он впервые видел ее при дневном свете. Тогда, у ворот, он был слишком утомлен, чтобы рассматривать ее. «Складная девушка. Из тех, что не бросаются в глаза, а всегда остаются на втором плане», — подумал он и почувствовал смутное сожаление, которое иногда ощущал в последние годы, когда видел таких девушек, как эта.

— Я приду после завтрака. Доктор Эгберг хочет с вами увидеться.

Он кивнул, подождал, пока она уйдет, потом подошел к двери и нажал ручку. Дверь задержалась на мгновение, понадобившееся электромеханическому устройству для того, чтобы принять решение. Потом он вернулся к завтраку. Он был голоден и хотел наполнить чем-нибудь желудок перед ожидавшей его многокилометровой дорогой. Побрился, собрал вещи и сунул их в сумку. Вышел в коридор, потом спустился вниз. Дорожка, ведущая к воротам, лежала в полной тени. Он шел не слишком быстро и не слишком медленно, считая про себя шаги. Навстречу ему из проходной вышел привратник. «Тот же, что и вчера», — узнал Мольнар и хотел обойти его, но тот схватил его за руку.

— Куда? Нельзя!

Вместо ответа Мольнар свободной рукой изо всей силы ударил стража в желудок. Уже в момент удара он знал, что то, во что он угодил, не было телом. Привратник даже не шелохнулся, не изменил выражения лица. Мольнар почувствовал, как пальцы привратника, словно металлические клещи, сдавливают ему руку. Он отпустил сумку. Привратник легонько толкнул его в грудь. Мольнар покачнулся.

— Нельзя, — повторил привратник.

«Пройду. Я должен пройти», — подумал Мольнар и в этот момент почувствовал такую боль, что, кроме нее, уже не было ничего. «Это пройдет, сейчас пройдет». Удара от падения он даже не почувствовал, просто увидел вершины сосен, растворяющиеся в голубизне неба.

* * *

Открыв глаза, он увидел склонившегося над ним Эгберга. Знакомая боль, приближение которой он безошибочно

предчувствовал, исчезла. Только в верхней части груди чужого жгло кожу. Он хотел пошевелиться и не смог.

— Все в порядке, — сказал Эгберг. — Вам повезло.

— Повезло?

— Не окажись вы в этот момент в институте, вас сейчас уже не было бы. Я и так едва успел.

— Это был конец?

— Да.

— А сейчас?

— У вас искусственное сердце.

— Значит, все-таки?..

— Я спасал вашу жизнь.

— Благодарю.

— Надеюсь, все пройдет хорошо.

— Я тоже.

Говорить было трудно. Он лежал неподвижно и смотрел в потолок. Эгберг тоже замолчал. Мольнар ждал, когда он заговорит.

— Прошло не меньше пяти минут, прежде чем я заставил кровь циркулировать.

«Еще бы немного, и конец», — подумал Мольнар.

— Вы поступили неосмотрительно, профессор, с вашим сердцем...

— Я хотел уйти. Уйти отсюда, — тихо сказал Мольнар.

— Следовало предупредить меня.

— И остаться в запертой комнате... изолированной, как вы это называете.

— Блокада случайно включилась на ночь.

«Значит, Мейдж ему сказала», — подумал Мольнар.

— Я не верю в подобного рода случайности, Эгберг.

— Не в моих силах переубедить вас. Но, как видите, ваши опасения были, пожалуй, необоснованными.

— Не знаю.

— Но вы живы!

— Это факт...

Эгберг заколебался, словно хотел еще что-то сказать, но не сказал больше ни слова и ушел. Мольнар прикрыл глаза. «Пройдет несколько дней, прежде чем я смогу отсюда уйти, — подумал он. — Даже при современных методах быстрого заживления швов на это потребуются некоторое время. И все-таки он спас мне жизнь. Видимо, он таки хотел дать мне искусственное сердце». Он снова подумал о блокаде двери, но уже не почувствовал уверенности в своей правоте. Потом уснул.

Проснулся он ночью. Хотелось пить. В комнате было темно, горел только небольшой ночник, стоявший на столике рядом с кроватью. Возле столика, в кресле, в котором еще вчера сидел он, дремала Мейдж.

— Мейдж, мисс Мейдж... — тихо позвал он.

Девушка открыла глаза.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она тоже шепотом.

— Прекрасно, — он попытался улыбнуться. — Хочется пить.

— Пожалуйста, — она подала ему стакан. У жидкости был вкус мандаринового сока.

— Болит? — спросила она.

— Уже нет.

— Заживает хорошо. Вечером доктор Эгберг осматривал вас.

— И я даже не проснулся?

— Вы находитесь под действием препарата Броткаса. Это дает отличные результаты, — пояснила она.

— А вы, я вижу, квалифицированная сестра.

— Секретарша, ассистентка и все прочее. Интересно, какова будет ваша роль?

— Роль?

— Ну да. Ведь вы новый объект на ферме Эгберга. Так мы между собой называем институт.

— Не понимаю.

— Он с вами не разговаривал?

Мольнар хотел было ответить отрицательно, но подумал, что тогда ничего больше от нее не узнает.

— Так, мельком, — сказал он.

— Наверно, вы получите что-нибудь поинтереснее, чем я. Вы профессор и когда-то были коллегой Эгберга...

— Даже его шефом.

— Вот видите. Вероятно, вам дадут электронную лабораторию. Она уже месяц как без руководителя.

— А старый... уехал?

— Уехал... — повторила Мейдж с какой-то странной интонацией. — Ушел в мир иной. Он просто умер.

— А что с ним случилось?

— Его нашли в бункере. Там нет энергетического поля, железобетонные стены толщиной в два метра экранируют, и энергия не доходит.

— Какая энергия?

— Приводящая в движение сердце. У него было такое же, как и у вас.

— Не понимаю, — Мольнар сказал это, хотя уже начал понимать. Он прикрыл глаза и почувствовал странную спазму в желудке.

— Будете спать? — спросила Мейдж после короткого молчания.

— Нет. Я отоспался уже за все время, — он вслушивался в свой собственный голос и удивлялся его будничности. — И эта энергия доходит сюда?

— Конечно. Весь институт и район вокруг него в радиусе примерно полукилометра охвачены этим полем.

— А дальше?

— Что дальше?

— Если я захочу отойти дальше за пределы института, к морю или поехать в город? — спросил Мольнар, хотя уже знал ответ. Но ему хотелось услышать его от девушки, которая так буднично говорила обо всем этом.

— Не сможете. Это смерть. Ведь вы об этом прекрасно знаете и сами. Вы подписали обязательство. В присутствии нотариуса.

— Я ничего не подписывал.

Мейдж немного помолчала, потом тихо сказала:

— Не успели. Но еще подпишете. Это обычная формальность.

Он хотел сказать, что не подпишет, но вспомнил историю с блокадой двери и смолчал.

— Все мы приезжаем сюда именно за этим, — добавила Мейдж как бы с сожалением. — До приезда я была секретаршей в экспортной фирме в Буэнос-Айресе. Секретаршей второго директора, — добавила она с гордостью. — Я работала на двенадцатом этаже в правлении фирмы Тротам и К°. Слышали?

— Нет. Я никогда не бывал в Буэнос-Айресе.

— Вот это было время! По субботам мы ездили к морю... Знаете, здесь мне больше всего недостает плавания и моря. Иногда вечерами, когда дует ветер, я чувствую его. Отсюда до берега недалеко.

— Знаю.

— Вы этого еще не чувствуете. Это начинается только спустя несколько месяцев, иногда через полгода...

— Что «это»?

— Трудно объяснить. Пожалуй, беспокойство. Хочется уехать, непременно уехать.

— Тоска?

— Нет. По дому, по близким начинаешь тосковать с самого начала. Но это другое, это труднее определить, это что-то более первобытное. Вероятно, я напрасно говорю вам об этом.

— Почему же. Лучше знать заранее.

— Я не знала. Не представляла себе, что это будет именно так. Порой мне кажется, что я, наверно, не приехала бы сюда, если б знала.

— И тогда?..

— В лучшем случае я сидела бы сейчас в кресле на колесиках. А тогда я чудовищно этого боялась, пожалуй, больше, чем смерти. Представляете себе? Смотреть на всех — на прохожих, на других девушек, на людей, едущих на работу, — и знать, что ты лишена этого... навсегда. Остаться здесь было единственным выходом. Я хожу, работаю, иногда даже плаваю в нашем бассейне. Правда, с этим дело обстоит несколько хуже, потому что ноги у меня еще немного болят, особенно ступни.

— Другого выхода не было?

— Нет. Я была у самых известных специалистов. Даже на другом полушарии, в Европе. Меня послал мой парень. Он копил на домик. У меня был отличный парень. Он хотел жениться на мне, но Эгберг принимает только одиноких. Впрочем, не знаю, вышла ли бы я за него. Это было бессмысленно.

— А как вы сюда попали?

— Один из врачей, у которого я была в то время, когда дыхательный центр был уже поражен, сказал мне об Эгберге, но предупредил, что ничего мне не советует, просто информирует.

— А Эгберг потребовал денег?

— Нет. Мой случай был очень нетипичным. Эгберг сказал, что может заняться мною только в порядке эксперимента и что за успех не ручается.

— И вы согласились?

— А что мне еще оставалось? Я прошла через все формальности, подписала все доверенности и заявления и... вот я жива, как видите.

— А тот?

— Кто?

— Тот, из бункера?

— А, Бертольд. Он тоже все подписал. У него просто не было денег. У него было только сердце. Большое сердце.

— Кем он был?

— Электроником. Уже в возрасте. Однажды он сказал мне, что еще помнит времена, когда электронные контуры составляли из отдельных транзисторов.

— И долго он жил?

— Несколько лет. Он уже был здесь, когда я пришла. Спокойный, молчаливый, совсем незаметный человек. Он сидел в своей лаборатории и иногда даже не выходил к обеду. В тот раз он тоже не пришел, а потом Джосп на-

шел его в бункере. Бертольд знал, что войти внутрь — значит обречь себя на верную смерть.

— Точно так же, как отойти слишком далеко от института? — Мольнар задал этот вопрос нарочно, хотя уже предвидел ответ.

— Не совсем. В бункере поле обрывается резко. Оно там хорошо экранировано... и эффект такой, словно сердце вдруг остановилось. Так говорил Эгберг. А выйти за пределы института — это медленная агония. Напряженность поля уменьшается постепенно с каждым метром.

— Он упал в бункер?

— Видимо, соскользнул по пандусу. Там есть пандус, — добавила она. — Он ослаб прежде, чем успел выйти, так утверждает Эгберг.

— А вы?

— Что я?

— Что вы об этом думаете? — Мольнар заметил, как она быстро взглянула на экран.

— Я? Ослаб. Это был пожилой человек. Пожалуй, так, — добавила она тише. — Хотите пить?

— Нет. Благодарю вас, — он прикрыл глаза, думая о пожилом человеке, умершем в бункере, потому что его искусственное сердце не получало энергии от поля, генерируемого в институте. Искусственное сердце остановилось, как настоящее. Он вспомнил, как тогда, у проходной, упал, — и снова увидел верхушки сосен, расплывающиеся на фоне неба. Потом заснул.

* * *

Через несколько дней Мольнар уже мог передвигаться по комнате от кровати к креслу. Эгберг приходил два раза в день с Дорном, своим молчаливым ассистентом, которого Мольнар видел на экране в день прибытия после ужина. Дорн вел себя как врач, обычный врач, и они говорили о температуре тела Мольнара, о давлении и дыхании. Мольнар ждал, когда же, наконец, Эгберг скажет ему, что он стал новым приобретением фермы, фермы Эгберга, но тот осматривал его швы и уходил. Мольнар был еще слаб, слишком слаб. Иногда приходил один Дорн, но Мейдж никогда. Мольнар не спрашивал о ней. Он обдумал все возможности и не спрашивал. Если ее отсутствие было результатом решения Эгберга, который слышал их разговор и решил, что она сказала слишком много, то спрашивать о ней не имело смысла. Если же ее отсутствие было случайностью, то в будущем она могла явиться источником информации, которой он никогда не получит от Эгберга или Дорна, потому что Дорн практически все время молчал. Только раз, нанося красным карандашом новые данные на карту болезни Мольнара, он совершенно неожиданно сказал:

— Я когда-то учился по вашему учебнику, профессор.

— Да?

— По новому изданию. Оно появилось, когда я был еще студентом.

Мольнар помнил это издание. Издатель разыскал его после нескольких месяцев поисков. Он помнил представителя фирмы в темном костюме с черным портфелем, из которого тот вынул заранее подготовленный договор. Встреча произошла за маленьким столиком, покрытым местами прожженной скатертью. Представитель фирмы то и дело вытирал лицо белым платочком и, кажется, до последней минуты не был уверен, что перед ним сидит тот самый профессор нейроники, учебник которого хочет издать его фирма. Позже Мольнар получил чек на такую сумму, которая позволила ему купить лодку с мотором. Потом он ловил рыбу с собственной лодки, и мужчины, с которыми он работал, завидовали ему.

— Помню эту книжку, — сказал Мольнар. — Когда ее издавали, я считал, что они могли бы найти кое-что лучше и уж наверняка поновее.

— Это был хороший учебник, — сказал Дорн. — Сегодня-то уже все изменилось, но в то время он был вполне на уровне. Вы согласны?

— Не знаю. Сейчас я не смог бы написать даже такого учебника. Все забыто...

— Я не хотел вас обидеть, профессор, — сказал Дорн. — Впрочем, думаю, вы смогли бы работать и сейчас. Такие вещи не забываются.

— Пожалуй, не смог бы. Я слишком стар. А вы слишком молоды, чтобы это понять.

— И все-таки я думаю, что я прав.

— А может, у вас просто нет выбора.

— Не понимаю.

— Что же вы еще можете делать, будучи объектом на ферме Эгберга!

— Я... Я не объект. Я здесь работаю.

— Но вы здесь живете и никогда не выходите отсюда.

— Я считаю, профессор, что любой молодой врач, который хочет чего-то добиться, должен несколько лет проработать как я, быть всегда на месте, все делать собственными руками.

— Вы врач?! Не острите, юноша! Вы экспериментатор, вы худшая разновидность экспериментатора, которая когда-либо существовала! Вы экспериментируете на собственном виде, на людях, которые могли бы быть вашими друзьями, родственниками, детьми. Пересадка мозга, изменение индивидуальности. Человек постепенно перестает быть собой, начинает чесать за ухом или ощущать жажду, стоит вам нажать кнопку. С отвращением отворачивается от любимой или способен разорвать ей глотку, если вы сделаете соответствующее движение пальцем.

— Вы преувеличиваете, профессор!

— Нет, я говорю правду, и только правду. Все, что я думаю об этих экспериментах и таких людях, как вы. Я не искажаю этой правды, как это делаете вы.

Дорн не ответил. Он положил в карман белого халата карандаш, который до этого вертел в пальцах, и вышел.

«Теперь он будет размышлять над тем, что я ему сказал, — подумал профессор, — разумеется, если такие люди, как он, вообще размышляют над тем, что делают».

* * *

Под вечер он выходил в сад и, пока еще было тепло, прогуливался по узким аллеям среди кустов, а когда жара спадала, ложился на траву или на каменный бордюр бассейна и смотрел на небо. Часы проходили, и, когда начинало смеркаться, он возвращался в свою комнату, куда Джосп приносил ему ужин. Когда Джосп уезжал на небольшом крытом брезентом пикапе, ужин приносила Мейдж. Она ставила поднос на столик, иногда справлялась, как Мольнар себя чувствует, но всегда делала это уже в дверях, когда выходила. Она не глядела на экран или в выпуклые линзы видеопередатчиков, но Мольнар и без того знал, что объективы аппаратов смотрят на них глазами Эгберга, а может, Дорна. Лишь Джосп, казалось, не замечал их, но он был не объектом, а человеком, для которого мир не кончался за оградой института. Он был исполнителен, силен и курил те же сигареты, которые когда-то курил Мольнар. Их дым оставался в комнате, когда Джосп выходил, и Мольнар чувствовал их запах еще ночью, засыпая. Однажды он взял одну сигарету из пачки, которую Джосп положил рядом с подносом. Поискал спички, но их не было. Джосп щелкнул большой бензиновой зажигалкой, и Мольнар почувствовал во рту вкус дыма.

— Доктор не разрешает, да? — спросил Джосп.

— Нет. Сам бросил.

— Я не могу. Когда-то пробовал. А сигареты ничего. Я их покупаю в городке, контрабандные.

— Да, но для этого надо туда ездить.

— Э, не жалейте! Вонючая дыра.

— Но вы можете ездить дальше.

— Не могу. Доктор не позволяет. Все мы здесь должны быть всегда на месте.

— А сам он ездил?

— Когда-то ездил к семье, недалеко отсюда, пятьдесят миль. Теперь и он не ездит.

— Почему?

— Не знаю. Говорят, развелся с женой.

— А в действительности?

— Он со мной не делится, — Джосп взял поднос.

— А вам еще не надоело?

— Немного. Но здесь хорошо платят. Где-то ведь надо работать.

— У вас здесь много работы.

— Все делаю. Сами видите.

— У вас многосторонняя квалификация. Институт — это почти фабрика, по крайней мере по количеству потребляемой энергии.

— Не надо преувеличивать.

— Хотелось бы мне когда-нибудь взглянуть на вашу аппаратуру.

— К сожалению, это невозможно. У нас на этот счет есть точные инструкции. Какая-нибудь авария, и большинство экспериментов пришлось бы прервать. Не говоря уж о биологическом материале, который здесь довольно дорог. Разумеется, у нас есть гарантия.

— Аварийная установка?

— Да.

— Ясно. При небольшой мощности это самый простой выход.

Джосп внимательно посмотрел на Мольнара.

— Мне говорили, вы нейроник.

— Мало ли что говорят. Моя специальность гораздо ближе к вашей, чем вам это кажется, — Мольнар сказал это, не раздумывая над тем, что говорит. Он уже думал о другом: о небольшой мощности, потребляемой институтом, и понял, что один из них — Эгберг или Джосп — говорит неправду. «Я это выясню», — решил он, даже не заметив, как Джосп вышел.

Мейдж он встретил на следующий день в саду.

— Мейдж... У вас есть немного свободного времени?

Она остановилась в нерешительности, потом не очень уверенно ответила:

— Мне надо быть в секретариате.

— А может, вам неловко разговаривать со мной здесь?

— Нет, почему же.

— Мне казалось, что мы теперь редко встречаемся.

— У меня масса работы.

— Я не отниму у вас много времени. Я хочу знать только одно. Лично вы испытали когда-нибудь на себе результаты исчезновения поля?

— Я нет, но Бертольд...

— Мы сейчас говорим не о Бертольде. Сами вы никогда ничего не замечали? Головокружение в частично экранированных помещениях или что-нибудь подобное?..

— Нет. А почему вы спрашиваете?

Мольнар ответил не сразу.

— Я скажу вам, — решил он наконец. — Я подозреваю, что этого поля вообще нет.

— То есть как нет?

— Просто нет. Точнее, оно существует только в вашем воображении и воображении еще нескольких объектов фермы, как вы их называли. Это гениальная по своей простоте выдумка Эгберга.

— Что-то не понимаю.

— Но это же просто. Скажите, остались бы вы здесь, несмотря на все обязательства, данные вами перед операцией, если б не поле?

— Ну, разумеется, нет! Ах... понимаю! Вы думаете, он мог бы так поступить? Убедить нас в существовании поля, которого в действительности нет?

— Мог бы наверняка. Вы не знаете своего шефа.
— И вы убеждены, что он именно так поступил?
— Нет... Честно говоря, нет. И поэтому я хотел бы предложить вам проделать один эксперимент.
— Чем я могу вам помочь?
— Вы спуститесь в бункер, Мейдж, на две-три минуты, не больше. Если с вами ничего не случится, вы будете свободны.

Она внимательно смотрела на него.

— Я думаю, войти туда — значит умереть. А я не хочу умирать.

— Вы хотите остаться здесь до конца жизни? Несколько дней тому назад...

— Тогда у меня был тяжелый день. Иногда это бывает. Но я хочу жить, даже здесь, если нельзя иначе.

— Слушайте, Мейдж. О смерти нечего и говорить. Я буду вас страховать снаружи. И просто вытащу оттуда, если вы потеряете сознание. За одну секунду не умирают. Я обяву вас веревкой и вытащу.

— Иначе этого проверить нельзя?

— Нельзя. Ну так как?

Она не ответила.

— Это важно и для вас. Кроме меня, никто поставить опыт не решится. Все вы здесь боитесь Эгберга. Не возражайте. Это видно. А чтобы проделать этот опыт, одного человека мало. Вспомните о Бертольде. Если б его тогда кто-нибудь вытащил, он жил бы и сейчас. Но он пытался сделать это один.

— Пытался?

— Я так думаю. Он должен был заметить то же, что и я.

— Я боюсь, профессор, но попробую. Если я умру — это останется на вашей совести.

Мольнар ждал, что она улыбнется, но она смотрела на него так же серьезно, как и раньше.

— Когда вы хотите попробовать, профессор?

— Сейчас. Вы можете? Веревка готова.

— Хорошо. Только сменю платье.

— Зачем?

— На всякий случай...

— Послушайте, Мейдж, перестаньте дурачиться. Пошли! На этот раз она улыбнулась.

— Хорошо. Пошли. Не бойтесь, профессор. Это решено.

В институт они вернулись порознь и встретились на лестнице, ведущей в подвал. Рядом с широкими ступенями шел бетонный пандус, оканчивающийся у входа в бункер. Мольнар еще раньше приходил сюда и прятал здесь веревку, сделанную из двух коротких шнуров, связанных морским узлом и служивших для опускания гардин в его комнате. Мейдж даже не проверила узла. Он крепко обвязал ее в поясе, так что она едва могла дышать, а потом несколько раз дернул веревку, чтобы проверить, выдержит ли она.

— Готово, — сказал он.

Мейдж без колебаний вошла в бункер. Он переждал несколько секунд, потом спросил:

— Что вы чувствуете?

— Пожалуй, ничего. Только жарко.

— Это от волнения...

Он смотрел на часы. Прошла минута.

— А сейчас?

— Ничего. Совсем ничего.

Через пять минут, когда она вышла из бункера, он знал, что был прав.

— Мы выиграли, Мейдж, — сказал он, развязывая веревку. В полумраке он видел ее лицо.

— Значит, я свободна? — медленно спросила она.

— Да.

— Это прекрасно, профессор, — она резко повернулась и побежала по пандусу наверх, к светлому прямоугольнику выхода.

Мольнар свернул веревку, спрятал между ящиками и пошел вслед за девушкой по ступеням. На половине дороги он увидел сандалию.

* * *

Итак, поля не было. Теперь он мог попросту выйти за ограду, спуститься вниз в городок. Какой-нибудь корабль наверняка забрал бы его, а через пять-шесть дней он был бы уже дома, если за это время его комнату не сдали кому-нибудь другому. Но ведь Бертольд умер, и это его беспокоило. Мольнар был уже немолод и никогда не действовал слишком поспешно. Он решил повторить эксперимент. «Теперь туда войду я, а Мейдж будет страховать, — думал он. — Только хватит ли у нее силы, чтобы вытащить меня, если я потеряю сознание». Он решил, что подумает об этом после ужина. Но после ужина пришел Эгберг.

— Я думаю, профессор, нам пора поговорить, — сказал он и сел в кресло, сняв с него какие-то вещи Мольнара.

— Давно жду.

— Раньше я не мог, потому что еще не знал результатов анализов. Теперь у меня есть полная картина состояния вашего организма.

— Полная?

— Да. Мы установили это достаточно точно. Оказалось, что мое решение было правильным. Состояние вашего организма не оправдывает вживления автономного сердца.

— Как это понимать?

— Ваше теперешнее сердце работает от внешней энергии, вырабатываемой генератором силового поля института. Поэтому вы не можете покинуть институт.

— И вы не намерены дать мне автономное сердце?

— Нет.

— Люблю прямые ответы. Но это незаконно. Я не давал согласия на такую операцию.

— Я спасал вашу жизнь и выбрал ту систему искусственного сердца, которая у меня была. Вы знаете так же хорошо, как и я, что ни один судья в этом случае не при-
судит меня даже к штрафу.

— Но я имею право заменить сердце.

— Разумеется. Если закупите автономную систему, а также оплатите расходы, связанные с пересадкой.

— Вы же знаете, Эгберг, что это нереально.

— Знаю.

— И как долго вы собираетесь меня здесь держать?

— Отключить ваше сердце я не могу, потому что это поставило бы под угрозу вашу жизнь. К тому же это на-

казуемо. Я мог бы, разумеется, передать вас в государственный институт, но, учитывая наше длительное знакомство, это отпадает...

— Значит, до смерти?

— Будем говорить открыто, у вас нет других перспектив, профессор.

— Зачем эта откровенность? Я и так прекрасно понимаю.

— Я говорю это не без цели. Ваша кровеносная система и почки в скверном состоянии. Кроме того, я подозреваю наличие новообразования в печени. В сумме два-три года жизни.

— На большее я и не рассчитывал.

Мольнар встал и хотел зажечь свет. В комнате было уже темно, и он не видел лица Эгберга, а знал, что разговор еще не окончен.

— Сядьте, профессор. Я задержу вас еще минуточку. Мольнар сел.

— Я хочу кое-что предложить вам, профессор, — тихо сказал Эгберг. — Пересадку вашего мозга в молодое и здоровое тело, абсолютно здоровое. Экспериментальная операция. Насколько я знаю, в мире сделано лишь несколько операций подобного типа. Разумеется, за результат трудно поручиться...

— Доктор Эгберг, — прервал Мольнар, — вы смее-тесь! Вы знаете, я думаю об этом не первый день...

— Теоретически! Но в данном случае речь идет о вашей жизни!

— Вы что же думаете, что из-за полутора десятков лет жизни я соглашусь на это? То, что вы предлагаете, — обычное, банальное преступление!

— Ничего подобного! Один человек умирает, потому что в его здоровом теле погибает мозг. А у другого износилось тело, но исправен мозг. Из этих двух человек, двух почти мертвых людей я делаю одного — здорового. Я делаю человека! Человека, которого не было.

— Вы лишены воображения, доктор. Это тоже уродство... А если мозг, пересаженный в новое тело, не пожелает умереть вместе с этим телом и станет искать нового, очередного носителя, а потом следующего! Иметь всегда двадцать с небольшим лет, до смерти мозга! Вы никогда об этом и не мечтали. Достаточно сменить пять, шесть носителей. Нет физической старости. Молодость, вечная молодость в очередном теле.

— Вы преувеличиваете, профессор. Будут разработаны законы...

— Это ничего не меняет. Паразитирование на собственном биологическом виде, вот к чему ведут ваши эксперименты.

— Я слышал уже это несколько лет назад.

— Как видите, мое мнение не изменилось. А теперь прошу вас уйти.

* * *

Мольнар долго не мог уснуть. Он думал о человеке, в тело которого Эгберг хотел перенести его мозг. Это наверняка должен быть мужчина, молодой мужчина, и в записи электрической активности его мозга Эгберг обнаружил те изменения, которые предвещают смерть. Вероятно, у него были коллеги, родственники, он читал спортивную хронику и, когда хотел быть один, заплывал в море далеко от берега. Мольнар перевернулся на другой бок, потом встал, прошел в ванную и, открыв кран с холодной водой, сунул под струю голову.

Он уже совсем засыпал, когда его разбудил Эгберг, спросив с экрана, когда он последний раз видел Мейдж. В этот момент Мольнар понял, что пойдет в бункер один.

Он спустился туда без колебания на следующий день утром. Он не мог дольше ждать. Знал, что Эгберг не откажется от своих планов. Он сделал два шага вглубь. Остановился. Дыхание участилось. «Это от страха», — подумал он. Потом почувствовал головокружение, спазму и понял, что уже не выйдет из бункера.

* * *

Когда он очнулся, было совсем темно. Он помнил, как вошел в бункер, и знал, что с тех пор прошло много дней. Состояние, в котором он находился, не было анабиозом, потому что его мозг отмечал течение времени. Кроме того, были еще какие-то отрывки наблюдений, но нереальные, расплывающиеся, когда он концентрировал на них внимание. Он дышал нормально, не чувствовал боли. Спустя мгновение понял, что кто-то коснулся его головы. Неожиданно он начал видеть — ему сняли повязку с глаз. Перед ним стоял Дорн.

— Вы меня видите? — спросил Дорн.

— Вижу, — ответил Мольнар. Говорить было трудно.

— Слышите меня хорошо?

— Да.

— Попробуйте встать.

Мольнар встал. Все тело было какое-то одеревенелое, движения неkoordinированные. Он сделал два шага и покачнулся.

— Вы ослабли? — спросил Дорн.

— Нет. Онемение.

— Это не онемение, а отсутствие координации. Координация восстановится через несколько дней. Сейчас пройдем в кабинет.

Дорн открыл дверь и прошел в кабинет Эгберга. Эгберга там не было.

— Вы меня спасли? — спросил Мольнар.

— Да.

— А Эгберг?

— Он оставил вам письмо. Присядьте. — Дори полез во внутренний карман пиджака и подал Мольнару запечатанный конверт. — Если вы чувствуете себя хорошо, я пройду в соседнюю лабораторию. Если я вам понадобится — крикните.

Мольнар разорвал конверт. Письмо было написано от руки.

«Уважаемый профессор!

Это письмо является продолжением нашего разговора, который мы в тот раз не закончили. Так вот, человек, тело которого я хотел вам тогда предложить, это я. Если вы читаете это письмо, значит пересадка удалась, и вы можете все тело...»

— Дори! — крикнул Мольнар.

Дори присткрыл дверь.

— Зеркало!

— Пожалуйста, — Дори подал ему небольшое зеркальце, и Мольнар увидел лицо Эбберга. Лицо было какое-то другое. Спустя мгновение Мольнар понял, что глаза остались его. Он отложил зеркало.

«Я убежден, — продолжал он читать, — что поступил правильно. Все, что касается вашего организма, я вам изложил во время разговора совершенно объективно. У меня же обнаружена опухоль мозга, довольно быстро прогрессирующая, так что мне следовало поспешить, чтобы успеть запланировать и подготовить операцию. Причины моего решения двояки: во-первых, личные, их вы наверняка не поймете. Во всяком случае, если вы одобрите эту пересадку, вас ждет, предположительно, двадцать лет жизни, возможность научной работы в институте, который с этого момента становится вашей собственностью. Моими личными проблемами я вас не отягощаю. С женой я разведен, материально она обеспечена. Жена моя знает фактическое положение вещей, и с этой стороны я не предвижу никаких осложнений. Второй причиной моего решения является тот факт, что ваша профессиональная подготовка позволит институту продолжать работу. Весьма ценными могут оказаться ваши субъективные наблюдения в послеоперационный период. Я предложил бы вам написать доклад по этому вопросу. Разумеется, решение остается за вами. Что касается операции, то ее проделал Дорн. Мое согласие на пересадку вы найдете в документах, вы же, с точки зрения закона, представляете собою «тело, оставшееся после несчастного случая». Таким образом, здесь тоже все в порядке, поскольку закон не запрещает пересадки мозга при подобных обстоятельствах. Кроме того, в случае вашего несогласия с моим решением вы в любой момент можете ликвидировать результаты пересадки и умереть.

Мне хотелось бы объяснить вам еще одно обстоятельство. То, что вы спустились в бункер, доказывает, что вы не верите в существование силового поля, генерируемого в институте и поставляющего энергию вашему сердцу. Ваши предположения справедливы. Такого поля нет. Ваше сердце питалось от батареи, содержащей радиоактивные элементы и вживленной вместе с сердцем. Однако ритм работы сердца регулировался извне путем импульсов, передаваемых непосредственно генератором института. Когда вы вошли в бункер, синхронизация прекратилась. Результаты этого вы почувствовали на себе. Должен признаться, я предполагал, что вы спуститесь в бункер, и мы там ждали вас. Собственно, с момента ухода Мейдж мне все стало ясно. Веревка, найденная около бункера, только подтвердила мои предположения. Однако вы не могли знать, что Мейдж, у которой был пересажен продолговатый мозг, совершенно не зависела от нашей синхронизации, вы же — да. Что ж, в определенном смысле вы действовали себе во зло и с уходом Мейдж вы потеряли очень хорошую секретаршу. Но этого вы предвидеть не могли.

Я предоставляю вам право решить, стоит ли давать кому-нибудь, касающееся пересадки. Иными словами, вы можете жить как Эгберг или же под собственным именем. Все документы, необходимые и в том и в другом случаях, приготовлены.

Эгберг».

Мольнар отложил письмо и несколько минут сидел неподвижно, не думая ни о чем.

Затем в кабинет заглянул Дорн.

— Как ваше самочувствие? — спросил он.

— Превосходно.

— Я горжусь этой операцией, — сказал Дорн. — Вы будете давать сообщение в газеты?

Мольнар не ответил. Потом спросил:

— Что с моим телом?

— Кремировано и погребено. Три месяца тому назад. Пересадка такого рода — это многофазная операция.

— А его мозг?

— Отделен.

— Жив?

— Да. Взгляните, — Дорн подошел к пульту и нажал кнопку. На экране появился большой сосуд, заполненный почти бесцветной жидкостью, в которой плавал мозг. Мольнар видел соединенные с мозгом глаза. Один глаз смотрел на них прямо с экрана. В динамике слышался тихий шелест насосов, перегоняющих питательную жидкость, потом он увидел запись электрических токов в мозге Эгберга. Это была запись активности бодрствующего мозга! Этот мозг видел, мыслил... и знал! Стеклообразные стенки сосуда, из которого нет выхода, — вот весь его мир.

— Это его решение? — спросил Мольнар Дорна.

— Нет. Но мозг был нам нужен для опыта в области управления движением грузовых ракет к планетам. Мы здесь разрабатываем эту тему.

— Но его мозг?

— Новообразование пока не дает особенных эффектов.

— Значит, он не давал на это согласия?

— Нет, но послеоперационные отходы мы всегда используем.

— Дорн, вы обычный мерзавец, — сказал Мольнар и, кивнув в сторону экрана, спросил: — Который это зал?

— Седьмой.

— Дайте мне ключи. Ключи Эгберга.

— Они у Джоспа.

— Принесите.

— Но...

— Я сказал, принесите. Здесь решаю я.

Спустя минуту Дорн вернулся с ключами.

— Останетесь здесь, — сказал Мольнар.

Он прошел по коридору и открыл дверь седьмого зала. Стараясь не оказаться в поле зрения глаз, он подошел к насосу, подающему в сосуд питательную жидкость, и отключил его. «Это будет лучшим выходом, — подумал он, — он умрет от недостатка кислорода и даже не отдаст себе в этом отчет. Он просто заснет и больше не проснется. Если бы я выпустил жидкость из сосуда, он умер бы быстрее, но знал бы, что умирает». Мольнар еще некоторое время рассматривал кривую активности мозга на экране осциллографа, потом вышел, замкнул дверь и тут увидел Дорна.

- Отдайте мне свои ключи, — сказал Мольнар.
— У меня... У меня их нет.
— Ну что же... Оставьте их у привратника. С этого момента вы больше не работаете в институте.
— Почему? Ведь я...

Мольнар не слушал. Слегка покачиваясь и то и дело опираясь рукой о стену, он спустился по лестнице в подвал. Подошел к двери силовой. Замок был сложным, а пальцы еще не приобрели нужной гибкости. Наконец ему удалось войти внутрь. Лампы загорелись автоматически. Он увидел толстые медные провода, рубильники и щиты с изображением черепа и перекрещивающихся костей. Это была главная сеть. Он поискал аварийную. Сначала выключил аккумуляторы и сорвал провода.

— Что вы делаете?!

Это был Дорн.

— Немедленно выйдите вон! — сказал Мольнар.

— Но этого же нельзя делать... опыты... все остановится. Препараты погибнут.

Мольнар потянулся к главному рубильнику.

— Нет! — крикнул Дорн и кинулся на него.

Мольнар оттолкнул Дорна. Рука Эгберга была сильной. Дорн ударился головой о распределительный щит и упал. Мольнар рванул рубильник. Свет погас. Он вырвал предохранители, кинул их в ящик с аккумуляторами и вышел на лестницу. Где-то наверху редела сирена.

«Препараты погибнут», — подумал он. Потом вспомнил о трехмесячной жизни мозга Эгберга, бессонном бдении, стеклянных стенках сосуда и глазах, у которых нет мускулов, чтобы изменить положение, о бдении в полном сознании того, что, кроме ожидания, уже ничего не может быть.

Он пошел к воротам.

— Вы уходите доктор? — спросил привратник.

— Да.

— Мне пойти с вами?

Мольнар внимательно взглянул на него.

— Зачем?

— Вы спасли мне жизнь, доктор. И вы уходите, когда в институте тревога и я слышу сирену. Вы уходите надолго?

— Да, но ты останься... Санчо.

— Меня зовут Томб.

— Меня тоже по-настоящему зовут Мольнар.

Он кивнул Томбу, вышел за ворота и начал спускаться по тропинке вниз.

Перевел с польского Е. ВАЙСБРОТ

С. ЖЕМАЙТИС

Научно-фантастический рассказ

Легкий катер «Мустанг» с добродушным урчанием перебирался с одной волны на другую. Вода казалась тяжелой как ртуть, и была такой же серебристо-серой, как и небо, затянутое облаками.

— Осколки циклона, — с сожалением сказал Костя, показывая глазами на небо. — К нам шел приличный циклон, да его расстреляли возле Суматры. Теперь мы с тобой можем рассчитывать самое большее на свежий ветер.

Я молчал, слушал и любовался пастельными тонами неба и воды. Мне порядком надоел ветер.

Позади остался пестрый буй, отмечающий восточный угол загона для китовых акул. Нас провожает веселая ватага дельфинов Тави и Протея, охраняющих границы ферм и плантаций. Недавно их сменили другие часовые-дельфины, и двое друзей с радостью увязались за нами. Костя перевел рулевое управ-

ление на автоматику: мы должны были пересечь строго по прямой сто километров еще не освоенной целины, взять пробы воды и составить график плотности планктона на этой акватории. Костя возложил на себя, по его мнению, самую «трудную» часть работы: он сидел в прохладном шкиперском кресле, вертел в руках какую-то проволочную штуковину, поглядывая на лаг, подавал мне команды. А я, свесившись за борт, с трудом зачерпывал воду в длинный узкий стакан емкостью в пятьсот кубиков. Я беру пробы через каждые двести метров. Не так просто набрать воды, перегнувшись за борт на довольно быстром ходу. Я уже утопил один стакан. И нет гарантии, что такая же участь не ждет весь комплект лабораторной посуды. Костя делает вид, что не замечает моих мучений, и все-таки, кажется, его слегка мучает совесть, потому что он все время старается развлечь меня местной хроникой новостей. У Кости замечательная особенность — ничего не пропускать мимо. Он знает все, что творится на нашем острове и в лагуне, где через своего друга дельфина Протея он завел обширные знакомства среди приматов моря.

Костя вдруг захохотал, передвинул белую широкополую шляпу на затылок:

— Пока мы плескались в лагуне, жена биолога Нильсена — Гера улетела на попутном гидролете. Опять зачерпнул половину. Набери еще. Не ленись. Сопrotивляйся всеми силами одолевающим тебя порокам. Вот и молодец. На нее сильное впечатление произвели желтые крабы. Вчера несколько экземпляров сделали ей ночной визит. Некоторым так понравился остров, что они не хотят возвращаться в море, вырыли себе норы в кокосовой роще или облюбовали трещины в базальте и после заката солнца бродят по острову. Она сказала мне на прощанье: «Я восхищаюсь вашим героизмом, но я сама больше не в силах. Они стали прыгать с потолка, когда я была еще в постели». Представляешь сцену? Да! Я утром перекинулся парой слов с Лагранжем. Сегдн я будет устанавливать датчики в голове Большого Жака. Неужели и у кальмаров есть что-то похожее на разум? Я — за! Жак относится к самому совершенному виду в генеалогическом древе головоногих. И если у него такой сверхмощный аппарат воздействия на психику окружающих, то почему бы и не быть каким-то зачатком ума. Лагранж говорит, что они сконструировали прибор, улавливающий гипнотизирующие излучения Жака. Где найти время? Как бы мне хотелось заняться и этой проблемой!

Я его почти не слушал, брал пробы воды и одновременно предавался размышлениям...

Вот уже месяц, как мы живем на плавающем острове, сооруженном из литых базальтовых блоков. Это один из множества искусственных островов, разбросанных в просторах Мирового океана. На нашем острове обязательная биостанция, многочисленная колония дельфинов и китовая ферма; она-то и привлекла нас больше всего, когда надо было выбрать место для летней студенческой практики. Костя болтал без умолку под аккомпанемент моря, а я черпал воду и почему-то вспоминал первый вечер на острове...

Океан отходил ко сну. Пассат чуть дышал. Двадцатиметровые

колеса воздушных генераторов вращались так медленно, что можно было пересчитать их блестящие лопасти. На западе стояла перламутровая стена, вся она трепетала и переливалась. Где-то там, за этой радужной стеной, умирала «Адель» — по старой традиции циклоны носили женские имена. Туда с нашего острова весь день летели метеорологические ракеты, нацеленные в эпицентр вихря — сердце «Адели». Она тщетно стремилась уйти, вырваться из-под метких ударов. Но у нее не хватало сил: к нам она подошла уже порядком израненная после бомбардировок с воздуха и обработки конденсаторами водяных паров.

Мы с Костей сидели под силиконовым колпаком на вершине смотровой башни. Вернее, я сидел, а Костя стоял и смотрел на радужную стену, чему-то улыбался, барабанил пальцами по толстой прозрачной стенке. Колпак слегка раскачивался, создавая полное впечатление, что мы висим в гондole учебного аэростата для тренировочных прыжков с парашютом. Хорошо и немного жутковато болтаться на шестидесятиметровой высоте.

В океане отражались краски перламутровой стены. Милых в трех мелькали темные спины китов, они паслись на планктонных полях. К острову возвращались дельфины, закончившие вахту у загонов синих китов и рыбных питомников. По дороге дельфины устроили какую-то веселую игру, что-то вроде пятнашек. В лагуне под нами (башня стоит на ее правом крыле) тоже плавали дельфины; было хорошо видно, как они совершали в прозрачной воде сложные построения, а затем одновременно стремительно бросались вперед, вдруг строй рассыпался, и все начиналось сначала...

Я утопил еще один стакан.

Костя сказал, что больше не может равнодушно наблюдать за гибелью лабораторного оборудования, и с гримасой страдания на лице поднялся с кресла. Проволочная штуковина, которой он забавлялся все это время, оказалась специальным держателем для стаканов.

Косте теперь совсем не надо свешиваться за борт. Он зачерпывает воду и подает мне стакан для анализа. Всю эту работу прежде делал я один. Но с Костей спорить невозможно, если дело касается распределения труда.

— Неблагодарный! — ответил он мне на мою слабую попытку восстановить справедливость. — Ты забываешь о полученной информации и тех затратах интеллекта, которые у меня пошли на это.

Я блаженствую в прохладном кресле. Несложная работа доставляет мне наслаждение. Даже не сама работа, а все в комплексе: и шуточные препирательства с Костей, и соленые брызги, перелетающие за борт, и овевающий прохладой пассат, и главное — ощущение бескрайнего простора и свободы.

Тави и Протей гоняются за летучими рыбами. Нужны сверхловкость, сила, скорость, чтобы поймать рыбу на взлете. Рыба вылетает из воды с большой скоростью, и надо ухитриться схватить ее у самой воды. Через мгновение она становится уже недосягаемой. Конечно, для дельфина не составляет большого труда схватить рыбу в момент приводнения. Только какой истинный спортсмен пойдет на это? Тави с Протеем по очереди

делали попытку поймать летучую рыбу. Один выгонял ее из воды, второй, получая сигналы загонщика, мчался по поверхности. Им не везло: каждый раз рыба вылетала то справа, то слева от охотника или же на несколько метров впереди. Увлеченные состязаниями, дельфины далеко уклонились от курса «Мустанга» и, наконец, совсем исчезли в синей сверкающей дали.

— Необыкновенный народ! — воскликнул Костя, вскочив на планшир и глядя в сторону исчезнувших дельфинов. Спрыгнув в катер, он застыл со стаканом в руке; постояв несколько секунд, он задал один из своих неожиданных вопросов:

— Ив, тебе никогда не хочется превратиться в дельфина?

— Мы и так почти как дельфины, даже рыбы, когда плаваем, надев искусственные жабры.

— Да... почти. А вот как они: ловить летучих рыб; мчаться со скоростью ракеты, биться с акулами; ночью охранять соплеменников от пришельцев из бездн? Словом, чувствовать себя не гостем, а частицей океана? — Костя поморщился. — Если бы только не надо было глотать сырую рыбу. Хотя можно питаться устрицами! — Найдя блестящий выход, Костя стал насвистывать победный марш из «Веселых креветок».

Дельфины почему-то не возвращались. Я сбавил обороты двигателей. Прошло полчаса, дельфинов все не было. Костя

Рисунки Н. ГРИШИНА

предложил поднять сторожевую «бочку» и, конечно, мне самому осмотреть горизонт. Я не стал спорить. Высоты я не боюсь и всегда не прочь покачаться в «бочке» из тонкой проволоки, помещенной на конце двадцатиметровой складной конструкции...

Я сразу увидел их милях в десяти. Они шли к нам на предельной скорости. Я уже хотел сказать Косте, чтобы он спускал меня, как, бросив случайно взгляд в сторону от дельфинов, заметил характерные всплески. Наперерез Протею и Тави, пожалуй, с еще большей скоростью шла стая косаток. Вторая стая стремилась отрезать дорогу к нам с другой стороны, и еще несколько косаток наседали сзади. Услышав о косатках, Костя мигом все понял. Через несколько минут, «срубив мачту», мы уже неслись на выручку. Катер ревел, перелетая с волны на волну. Костя сидел за штурвалом, вобрав голову в плечи, словно приготовившись к прыжку. Я смотрел вперед под защитой ветрового стекла, по правде говоря, не представляя, что мы сможем сделать с таким количеством косаток. Сквозь рев, шум и плеск до моего слуха донеслось:

— Ружье! Бери... Осел! В левом рундуке!

Я не обиделся на «осла» и поспешно вытащил карабин, стреляющий отпугивающими гранатами. Как жаль, что не было ампуломета или оружия еще посерьезней!

Костя вел «Мустанг» на самый большой отряд косаток. До него было еще около мили, но я не вытерпел и выстрелил.

Костя кивнул:

— Правильно! Пали еще. Пусть почувствуют, что мы с ними не намерены шутить.

Действительно, мы должны были сбить их с толку, предупредить, что их ждут неприятности.

— Стреляй! — орал Костя.

Мы были уже в двухстах метрах от ближних косаток.

— Еще!

Я нажимал на спуск. Шумовые гранаты лопались в воде и в воздухе несколько в стороне от косаток. Все же они отвернули в сторону и скрылись под водой, уходя от «Мустанга».

Костя крикнул что-то предупреждающее. Я не расслышал, но понял смысл команды, когда больно ударился о борт, брошенный на него инерцией: «Мустанг» круто развернулся, Костя повел его на другой отряд, но уже сбавив скорость, дав Тави и Протею подойти поближе к борту, под защиту моей «артиллерии».

Второй отряд косаток тоже уклонился от встречи, скрывшись под водой.

Костя включил ультракоротковолновый гидрофон и спросил дельфинов, не было ли среди косаток Черного Джека. Механический переводчик тотчас выдал их ответ, что Джек находился в третьем, замыкающем отряде и что они слышат его сигналы в миле отсюда.

Черный Джек — настоящий пират. Он причинил массу бед жителям многих плавающих островов. Со своей стаей Черный Джек врывается через защитные заграждения в питомники для рыб и выгонял их в открытое море, убивал сторожей-дельфинов, нападал на китов. Но еще не было случая, чтобы он атаковал людей.

Я предложил отступить к ближайшему атоллу, хотя в его лагуну заходить не разрешалось. Но у нас не было выхода.

— Бежать? — возмутился Костя. — Мне стыдно перед Тави, Протеем и даже перед «Мустангом»! Ни в коем случае! Они не посмеют напасть.

— Посмеют!

— Ну это мы еще посмотрим. По правде говоря, мне было жаль Черного Джека, когда его травили, но сейчас, если он посмеет...

На маленьком экране видеофона, вмонтированном на приборной панели, появился Лагранж. Он сегодня нес дежурство по острову. Выслушав Костино сообщение, биолог потер руки:

— Счастливы! Вам удалось встретиться с самим Джеком. Первый случай за последние две недели! Как жаль, что у вас нет метателя для ампул и даже просто ампул. Возможно, вам посчастливилось бы гораздо больше, нежели ребятам с «Кальмара». Держитесь, я сейчас вышло к вам всю эскадру реактивных катеров, и нахальный Джек будет взят под стражу. Советую не подходить к нему особенно близко и не демонстрировать агрессивных намерений. Помимо ракет, поднимаю в воздух «Колымагу», набитую снотворным, — Лагранж помахал рукой, подмигнул и исчез.

Мы находились в пятидесяти милях от плавучего острова. Помощь с моря могла подойти только через полтора часа, учитывая сборы, и, конечно, в том случае, если мы будем держать

ся на месте. Вся надежда была на гидросамолет — «Колымагу». Но неожиданно стала портиться погода; усилился ветер. Косатки скрылись, вернее, их трудно было различить на большом расстоянии среди белых гребней волн.

Барометр падал с утра, к вечеру ожидался довольно сильный ветер и волнение, да этому никто не придавал особого значения. У нас всегда дует ветер и океан гонит бесконечные гряды волн. А «Мустанг» рассчитан на борьбу с ураганом любой силы. В крайнем случае он может перейти на подводное положение и переждать бурю на глубине 15—20 метров.

Развернув катер против ветра, мы держались почти на месте. Наши дельфины-разведчики время от времени сообщали о положении противника, да мы и сами слышали косаток через гидрофон. Спустя несколько минут после разговора с Лагранжем они оставались на прежнем расстоянии от нас. Затем стали удаляться. Соответственно, мы прибавили скорость. Противник применил свою излюбленную тактику, так по крайней мере нам показалось вначале. Джек, думали мы, рассредоточил свой отряд.

Костя сказал:

— Сейчас пойдут в разные стороны, и опять мы останемся с носом. Если бы удалось определить курс Джека! — он в гидрофон приказал дельфинам держаться ближе к «Мустангу».

Тави и Протей сообщили, что приняли приказ. И вдруг в гидрофоне раздались какие-то странные звуки. Они то нарастали, то становились едва слышными.

— Джек запел «песню смерти»! — крикнул Костя. — Кажется, он действительно собирается на нас напасть.

Ветер завыл в ушах, и наш катер чуть не накрыло волной. Костя круто развернул «Мустанг» и включил двигатели на полную мощность.

Когда я догадался нажать на кнопку с надписью на ней «Полная герметизация» и нас накрыла прозрачная кабина, Костя посмотрел на меня.

— Вот не было печали, — сказал он радостно. — Впрочем, нет худа без добра. Я успел записать «песню смерти», а, насколько мне известно, не многие могут похвастаться такой записью в своей фонотеке.

Лагранж передал, что катера вышли, а «Колымагу» готовят к вылету и через несколько минут она поднимется в воздух. Летят Петя Самойлов и его друг Ки.

— Я бы на вашем месте не трогал сегодня «Колымагу», — сказал Костя. — Ветер так посадит ее на воду, что ей не взлететь.

— Возможно, и я рассуждал бы так же, будь на вашем месте, — засмеялся Лагранж и, глянув в сторону, добавил: — Они уже поднялись.

Слушая диалог между Лагранжем и Костей, я с минуту перестал наблюдать за морем и когда бросил взгляд на побелевшие валы, то увидел огромное тело косатки, скользящее в пене, в каких-нибудь ста метрах. Сразу бросался в глаза очень темный цвет ее кожи, почти черный.

«Джек!» — подумал я, невольно любясь близким родственником наших дельфинов.

— Убийца! Убийца близко! Он слева! — слышались из гидрофона голоса дельфинов.

Голос механического переводчика в гидрофоне звучал ровно и спокойно, без тревожных интонаций, а между тем это был предостерегающий крик наших друзей. Я открыл иллюминатор и выстрелил. В грохоте урагана раздался бессильный, еле слышимый хлопок.

Я видел, как Тави рискованно жметя к самому борту.

Джек, а это действительно был он, прошел очень близко. Мне показалось, что он зловеще скалит зубы.

«Мустанг» мчался на предельной скорости, возможной при таком волнении. Косте часто приходилось убавлять обороты моторов, особенно когда мы взлетали на гребень. Достигнув вершины волны, катер срывался, летел по воздуху с десятков метров и шлепался о воду, поднимая фейерверк брызг и зарываясь носом так, что вода прокатывалась через кабину.

Тави и Протей держались возле «Мустанга». Один с правого борта, другой с левого. Через двадцать минут гонки они стали отставать, так как волна прошла круче и им приходилось большие расстояния проплывать под водой, так же как и нам пробивать волны.

Косатки со всех сторон замелькали в бушующем море. Все ближе, смелее они подходили к нам. Дельфины замолчали, приготовившись к последней схватке. А может быть, они все еще надеялись на наше могущество, которое они считали беспредельным?

Из иллюминатора хлестнула упругая струя воды, обдав нас с головы до ног.

Костя только мотнул головой, что-то отвечая Пете Самойлову, летящему на «Колымаге», и ребятам, спешащим к нам на катерах.

Нас снова накрыло волной. В мутном зеленом свете через крышу прозрачной кабины я увидел силуэты дельфинов, над ними мелькнула длинная тень косатки.

Трудно сказать, почему медлили косатки. Возможно, Черный Джек считал, что дельфинам все равно не уйти, и вел с ними жестокую игру. Или же он опасался, нет ли у нас про запас какого-нибудь неожиданного оружия. Схватки научили Джека осторожности. Так или иначе промедление врага спасло Тави и Протея.

— Идиоты! — сказал Костя, поворачивая рычажок на панели управления, и скомандовал в гидрофон: — Заходите в санитарный отсек, на корме, сбоку, скорее!

— Кого ты имеешь в виду? — спросил я. — И о каком отсеке ты говоришь?

— Идиоты мы с тобой, — Костя с облегчением вздохнул и улыбнулся. — И ты и я. Забыли, что идем на санитарной машине с кабиной для перевозки больных дельфинов. Они уже там! Прекрасно! — Костя поставил рычажок на панели управления в прежнее положение и посмотрел на экран локатора. Прямо на нас двигалась зеленая, искрящаяся точка. Костя слегка отвернул в сторону. Точка устремилась теперь под углом к «Мустангу»: одна из косаток шла на таран. Через несколько мгновений она врежется в борт и пробьет обшивку. Я, как

загипнотизированный, смотрел на зеленую точку. Костя повернул катер прямо на атаковую косатку. Я закрыл глаза и впился руками в поручни, ожидая страшного толчка. Катер только сильно вздрогнул. Косатка прошла, лишь слегка задев «Мустанг» по правому борту. В последний момент Костя ухитрился увильнуть от прямого удара.

Атака следовала за атакой. Черный Джек, наконец, понял, что «Мустанг» не может постоять за себя.

Все время нас дружески подбадривали ребята, идущие на выручку, хотя они находились еще очень далеко, потому что косатки не дали нам повернуть к острову, и мы уходили от него на предельной скорости, возможной при таком ветре и волнах. Все надежды мы с Костей возлагали на Петю и Ки, летевших на «Колымаге». Они уже несколько раз пронеслись где-то над нами и, как радостно сообщил Петя Самойлов, высыпали «прямо нам на голову» два контейнера ампул с усыпляющим ядом. И промазали, что было не мудрено при таком ветре и значительной высоте, на которой шла «Колымага». Ниже опуститься они не могли без риска рухнуть в бушующий океан.

Я предложил Косте прорваться из окружения и идти навстречу спасателям. Костя покачал головой.

— На повороте мы потеряем скорость, и тогда...

Действительно, все наше спасение теперь было в скорости. Косатки вряд ли могли протаранить «Мустанг», не имея преимуществ в скорости.

Время от времени корпус нашего катера вздрагивал: то одна, то другая косатка выжимала все, что могла, и ударяла носом в корму. С борта зайти им уже не хватало сил.

— Выдохлись, — сказал Костя, не спуская глаз с залитого водой стекла.

Волны стали выше, а склоны их более пологими. С пенистой вершины «Мустанг» прыгал теперь еще дальше. От ударов о воду гудело в голове, сиденье податливо уходило вниз, и поэтому экран эхолотатора, за которым я следил, взлетал вверх. Я боялся за жизнь Тави и Протея: хотя стены отсека покрывал толстый слой губчатого пластика, к тому же там поддерживался необходимый уровень воды, все же кабина рассчитывалась на перевозку в ней дельфинов не на такой скорости.

На экране видеофона появилось лицо Лагранжа. Он улыбался несколько виновато и беззвучно, шевелил губами. Наконец, поняв, что мы его не слышим, он сделал движение руками, показывая, что надо медленно разворачиваться вправо. «Мустанг» сорвался с гребня волны, шлепнулся так, что у меня потемнело в глазах, и экран погас.

Хотя «Мустанг» и был рассчитан на всякие передряги, наверное, сказалась старость, а может быть, его давно подтачивали какие-то кибернетические болезни, и вот отказали его речь и зрение.

— Опять нас учат, — печально сказал Костя. — Советуют развернуться вправо и получить пару ударов в бок.

От сумасшедшей тряски и ударов вышла из строя и наша радиостанция. Правда, не совсем — некоторое время еще работал приемник, но с перебоями.

Петя Самойлов и Ки опять где-то пролетели над нами и вы-

сыпали очередную дозу снотворного. Чтобы нас подбодрить, кто-то на одном из катеров рассказывал, как в прошлом году он сам очутился чуть ли не в худшем положении во время экспедиции в Антарктику. Приемник все время делал паузы, и мы так и не узнали, что же случилось с этим парнем в Антарктике. Несколько раз прорывался голос Лагранжа. Из обрывков его фраз можно было понять, что впереди нас ждет какая-то новая опасность.

— Наверное, он имеет в виду рифы, — сказал Костя. — Только я учел эти самые «Черепашьи камни», они остались северо-западнее, не то бы мы давно уже налетели на них. Мне, по правде говоря, не хочется иметь сейчас дело с рифами.

Костя, сосредоточенно молчавший последние несколько минут, неожиданно разговорился. Молчаливое напряжение, чувство ответственности давили его, ему надо было как-то подбодрить себя, перейти на другой ритм, и он стал говорить, говорить без умолку.

— Держись! Хорошо! Молодец старый конь! (Это в адрес «Мустанга».) Но, но, веселей поднимайся в гору. Они совсем отстали. Сейчас положу право на борт! Нет, еще рановато. Крайний слева так и ждет, чтобы броситься в атаку. Только попробуй...

Великий Кальмар и вся нечисть глубин! — неожиданно выругался Костя. — Кто это выключил гидрофон? Неужели я сам? То-то, чувствую, чего-то не хватает. Как там Протей? Протей! Жив, дружище?

В тот же миг Протей ответил:

— Впереди «твердая смерть»!

Мы поднялись на гребень, и через экран локатора протянулась сверкающая полоса и тут же погасла: мы скатывались в «долину».

Лот показывал тридцать метров.

Как далекий гром рокотал прибором.

Костя посмотрел на меня. В глазах его мелькнула растерянность. То же самое он, наверное, увидел и в моем взгляде, и к нему вернулась прежняя сосредоточенность. Суставы его пальцев, сжимающие штурвальное колесо, побелели. Он не изменил курса, а вел «Мустанг» прямо на рифы. Я протянул руки, чтобы повернуть колесо.

— Оставь... Только так. Единственный выход!.. Пройдем на гребне...

Костя стал сбавлять обороты двигателей. И скоро я заметил, что мы держимся на гребне водяной гряды, летевшей к рифам. Волна мелководья стала расти, катер высоко задрал нос, мы уже не видели бушующей пены на рифе, только грохот сотрясал весь «Мустанг» и все наши внутренности.

Заскрежетало по днищу. Катер развернулся лагом, то есть боком к волне, затем его стало вращать вдоль продольной оси, ударился прозрачным куполом о скалу, и наступила тишина.

После скачки и судорожных прыжков «Мустанг» будто переминался с ноги на ногу. Я открыл глаза, стараясь понять, что произошло.

Низко, над прозрачным куполом кабины пролетали синева-

тые клочья туч. Ухали и шипели волны, омывая мою гудящую голову, и бежали по лицу, шее, стекая за воротник рубашки.

— Наконец-то ожил, — услышал я знакомый голос.

Повернув голову, я увидел Костю с термосом в руке. Тоненькая струйка стекала из блестящего изогнутого носика термоса мне на голову. Ледяная вода приятно обжигала кожу.

— Вот и все, — Костя заглянул в термос и бросил его в стору.

— Что все? — спросил я чужим голосом. — Вода кончилась?

— И вода, и ты, наконец, открыл глаза. Ох, и повозился я с тобой. Сидишь, блаженно улыбаешься и мычишь, как глухонемая сирена. Должен признаться, что ты дьявольски напугал меня. Почтище Джека. Почему ты не пристегнулся ремнем?

— Сам-то пристегнулся?

— Я — другое дело. У меня есть опыт кораблекрушений.

— Это с яхтой?

— Хотя бы.

— Но и я ведь тоже там был!

— Мало находиться. Я говорю об опыте. Вот и сейчас, какой ты извлек опыт? Боюсь, что никакого, — Костя ощупал меня взглядом и спросил голосом капитана из пиратского романа: — Проверь, цел ли корпус, шпангоуты, рангоут.

— Рангоут? Ничего не соображаю!

— Я имею в виду исключительно твою особу. Ну, целы руки, ноги и не болит ли в грудной клетке, в животе?

— Как будто нет. Вот только слегка голова.

Костя засветился в улыбке.

— Как мне пригодился опыт «бегущего по волнам»?! Помнишь, как я катался на доске? На Гавайях прибой повыше! Ты заметил, как ловко, прямо-таки изящно, я взял этот барьерчик?

— Ничего себе изящно, — я нащупал на голове шишку с кулак величиной.

Не обратив на мой жест никакого внимания, Костя продолжал хвастаться:

— И я не удивляюсь, что так все ловко получилось. Вот что значит сбалансированность рефлекторной деятельности!

— У кого?

— Не догадываешься?

Наверно, я и в самом деле здорово ударился головой, потому что только после этих слов вспомнил о Тави и Протее, и мне по-настоящему стало плохо. Прошиб пот, и закружилась голова. Я показал глазами на корму.

— Все в порядке, хотя им досталось несравненно больше, чем тебе, — успокоил Костя. — Я раскрыл створки их каюги еще до того, как нас первый раз ударило о коралловый кустик. Я видел, как они ушли в море. Связь же с ними прервана. Наш переводчик молчит, и вообще все молчит! — Костя захохотал и шлепнул рукой по приборам.

Наверное, на моем лице до того выразительно отразилась мелькнувшая было мысль, что Костя, подмигнув, сказал:

— Не бойся, у меня все в порядке. А то, что я несколько возбужден, то это вполне объяснимо. Неужели ты сам не доволен, что все так здорово получилось? Черный Джек остался с носом. Мы вблизи настоящей земли или около нее — видишь, темнеют пальмы? Стекло все в трещинах, ты посмотри вот сюда, пониже. Видишь? Мы надежно укрылись за барьерным рифом. Минут через тридцать подойдут сюда ребята. Надо покопаться в электронике. Помнишь, когда-то мы с тобой собирали неплохие транзисторы? — Он посмотрел на меня как загворщик. — Неплохо было бы вообще потерять на время все средства связи. Только ребят жалко, начнут поиски во всемирном масштабе. Соберется флот Индийского и Тихого океанов, налетят аэропланы, не считая нашей «Колымаги». В наше время трудно потеряться. Хотя... У меня возникла одна гениальная мысль. Но пока это тайна.

С помощью аварийного устройства мы еле убрали кабину, правда, не полностью, все же теперь можно было выбраться из ката, подойти к берегу и бросить якорь. Я прыгнул на землю, а Костя копался еще минут двадцать в чреве «Мустанга», все время насвистывая бравурный марш из «Веселых креветок». Под звуки этого же марша он вылез из люка и, продолжая насвистывать, стал рассматривать низкий берег с редкими, торчавшими вкривь и вкось пальмами. За узкой полосой суши синела подернутая рябью лагуна. Не поворачивая головы, Костя сказал:

— Мне все больше нравится это тихое местечко. Ты знаешь, — сказал он вдруг подозрительно скорбным тоном, — мне так не удалось наладить двигатель: замыкание в сети. Передатчик тоже пороботает еще немного, и все. — Последовал глубокий вздох и приказание в виде просьбы: — Не мог бы ты сказать пару слов в эфир насчет нашего «бедственного» положения? Денек-другой мы провозимся с машиной. Скажи, что «Мустанг» сейчас похож на жестянку, набитую хламом. Или лучше помолчи об этом, а не то еще высадят парашютные десанты.

* * *

Вокруг острова, даже с подветренной стороны, вода кипела, разбиваясь о коралловые рифы. Как ни хитрил Костя, а в тот день нам все равно не удалось бы возвратиться домой. С моря атолл был практически недоступен. Еда ли кто-нибудь из командиров катеров решился бы проделать то, что сделали мы с Костей. А вырваться в море отсюда было еще сложнее.

Мы провели катер к широкому каналу, облицованному плитами из кораллового известняка. Волны уже сбросили часть покрытия с его берегов, все же канал выглядел еще как солидное гидротехническое сооружение. При входе по обеим сторонам стояли изгрызенные волнами невысокие башни из серого бетона; развалины каких-то странных сооружений непонятного назначения виднелись по берегам, облицованным такими же плитами, как и стенки канала.

Мы не особенно удачно выбрали место для стоянки на берегу: негде было укрыться от ветра, а за стенами развалин темнела вода. Здесь росло несколько кокосовых пальм.

За белой линией прибоя мелькали длинные корпуса ракет. Они рыскали, пытались нащупать косаток. Наконец, поняв, что Джек увел свой отряд, ребята отсалютовали нам серией разноцветных ракет, построились в кильватер, взяли курс на северо-восток.

Когда Костя вышел на берег, меня заинтриговало выражение его лица. После всех передраг глаза его сияли, а физиономия лучилась от радости.

— Все-таки я включил передатчик, — крикнул он мне на ухо, потому что ветер свистел в ушах: отрывал слова от самого рта и уносил в грохочущий океан. — Когда услышал, куда мы с тобой попали, появились дополнительные вопросы. Да, да! У меня, конечно. Нам не выбраться отсюда, пока не утихнет ветер. А ты сам знаешь, что у него достаточный запас сил! Ни за что не отгадаешь, куда нас загнал этот проклятый Джек. Все ребята сходят с ума от зависти! Даже Нильсен, сменив Лагранжа, сказал, что завидует нам.

— Видимо, чтобы подбодрить нас?

Костя округлил глаза, фыркнул:

— Это же остров «Икс», или «Кольцо из яшмы». Вот куда нас загнали косатки! Нильсен сказал, что к нему даже дельфины избегают подходить.

Об этом острове я слышал как-то мельком от Пети Самойлова. Ничего толком он и сам не знал о нем, кроме того, что несколько лет назад здесь погибло несколько человек при попытке преодолеть линию прибоя. С тех пор вообще запрещено посещение острова судам всех категорий, только гидролеты могут садиться на поверхность лагуны, и то по специальному разрешению. Как-то во время дежурства, рассматривая карту на Центральном посту, я обратил внимание на крохотный кружок среди рифов и еще раз подивился разнообразию творческих возможностей природы. На этом мой интерес к острову угас, к тому же каждый день приносил столько впечатлений, что остров «Икс» затерялся в них, как в пене прибоя.

— Нильсен сказал, что он искусственный! — кричал Костя мне в ухо. — Лет сто назад его построили... направленные взрывы. Литературы почти не сохранилось... До сих пор загадка. Они запросили исторический архив... Займемся...

— Чем займемся?

— Исследованием... Раскопки...

— У нас нет даже лопаты.

— Найдем! — уверенно, как всегда, заверил Костя и предложил пока отметить начало «великих работ» пиршеством.

Внезапно почти совсем стих ветер. Мы чуть не упали, потеряв точку опоры. Оттого, что прекратился свист в ушах, прибой загрохотал сильнее. Мельчайшая водяная пыль оседала туманным облаком.

Костину затею развести костер и устроить пиршество сорвал ветер. Стихнув было, он набрался сил и так подул, что ореховая скорлупа, которую мы насобирали с большим трудом, была поднята в воздух и бросена в воду.

Мы забрались на «Мустанг» и стали выбирать более прилич-

ное место для лагеря. В западной части кольца суша несколько расширялась, и там ветер трепал рощу кокосовых пальм. Наверное, из-за этой рощицы остров носил второе романтическое название — «Кольцо из яшмы».

— Почему из яшмы? — спросил Костя. — Лучше с яшмой. И то при необыкновенном воображении. Хотя если смотреть со спутника, то, возможно, колечко покажется зеленым среди белой пены.

Мы пересекли лагуну, и возле берега катер попал в «мертвую зону». Пальмы самоотверженно защищали крохотный клочок воды и суши. Здесь мы нашли остатки лестницы из зеленого цемента, спускавшейся к воде. Я проделал линию сквозь большое бронзовое кольцо в причальной стенке и стал подтягивать катер кормой к берегу. Кольцо печально звенело, ударяясь о камень.

— Смотри! — сказал Костя с дрожью в голосе. — Здесь десятилетия не ступала нога человека. Какое великолепное заповустье!

Мы стояли на уцелевшей зеленой ступеньке и как первооткрыватели смотрели на долгожданный берег. Тесно росшие стволы пальм, шурша косматыми макушками, образовывали стену, в узких промежутках между деревьями и на опушке разросся густой кустарник. Вымощенную камнем площадку причала покрывали сухие листья пальм. На них кое-где виднелись кокосовые орехи. Снизали большие сухопутные крабы — кокосовые воры. Пробежала поджарая рыжая крыса, с любопытством посмотрев на нас.

Провожая взглядом крысу, Костя заметил недовольным тоном:

— Я никогда не питал дружеских чувств к крысам. Хотя этот вид, кажется, питается только орехами, и то потому, что у них нет выбора. Придется использовать оазис под столовую, а ночь провести на нашем верном «Мустанге».

Сухая скорлупа кокосовых орехов оказалась великолепным топливом, горела медленно, давала много тепла и углей. Я без труда поймал в лагуне двух морских попугаев. Костя ловко вскрыл им внутренности, потом поднял сухой пальмовый лист, очистил черенок и насадил на него тушки рыбы.

— Самый древний способ приготовления пищи на огне, — сообщил он мне таким тоном, будто только что возвратился из экскурсии в каменный век. — Жаль, у нас нет пряностей...

Я слушал и вибрационным ножом снимал с кокосовых орехов волокно и прodelывал в них отверстия. Большинство орехов давно созрело, и в них было мало сока или же он испортился, все же несколько штук оказались наполненными прохладной и необыкновенно приятной на вкус жидкостью. Я расставлял эти естественные чаши с драгоценным соком на камнях древнего причала и думал: кто ходил по нему? Для чего и кому среди рифа понадобилось это коралловое кольцо? Тогда еще не знали, что острова можно отливать из камня?

Я только хотел поделиться своими мыслями с Костей, как и он и я одновременно услышали треск в чаще. Кто-то пробирался к лагуне, ломая кустарник; слышались тяжелая поступь, скрип песка, звон подошв о камень.

— Пообедаем вдвоем, — весело сказал Костя. — Хотя кто бы это мог быть? Неужели...

Костя не закончил фразы, как из самой гущи кустарника ударила мощная струя воды и в мгновение ока смыла костер и жаркое. Мы сидели в некотором удалении от огня, и это избавило нас от серьезной опасности. Струя воды была до того сильно, что, попав в трещину, выворотила кусок зеленого цемента. Все это мы по-настоящему осмыслили потом, когда опасность миновала и можно было понять, что произошло, а в первые мгновения нас парализовала внезапность и особенно необъяснимость атаки водяной струей. Мы сидели ошеломленные, инстинктивно закрыв лица руками от водяных брызг, затем, как по команде, откатились в стороны и вниз к лестнице.

Струя воды, иссякая, с шипеньем уползала в кустарник. Скрючившись, мы сидели на верхней ступеньке лестницы, не рискуя высунуться.

Костя посмотрел на меня, пожал плечами, фыркнул, вытер воду с лица и громко спросил:

— Кто это вздумал так мило шутить?

В ответ раздался скрип, характерное шипенье, нас обдало водой. На этот раз струя была направлена вверх и на нас падала дождем.

Делая мне знаки, чтобы я не шевелился, Костя приподнял голову над срезом причала. Лицо его выразило такое удивление, что и я поднял голову и удивился не меньше моего друга. На опушке метрах в двадцати от нас возвышалась громоздкая фигура робота. Он был неуклюж, и, видно, его изготовили еще в те времена, когда на внешнюю форму машин такого рода не обращали достаточно внимания, а возможно, что своим создателям он казался образцом элегантности. Но сейчас поражала громоздкость всей конструкции. Тяжелый торс, лишенный ног, передвигался на тележке с гусеничным ходом, по бокам и на спине робота вздувались цилиндрические баллоны. У него не было «глаз», а только спереди и с боков круглые черные мембраны. (Как выяснилось позже, такая же мембрана находилась у него и на затылке.) У робота было четыре руки: две длинные, безжизненно свисавшие почти до земли, две покороче держали блестящие брандспойты: один из них не действовал, из второго била в небо голубая струя морской воды. Когда-то довольно нарядное покрытие из разноцветной эмали потрескалось на туловище и руках, эмаль местами отвалилась, обнажив ржавое железо.

Мы отошли в сторону, подальше от действующего брандспойта, и рассматривали странное создание.

— Он явно хочет потушить солнце, — сказал Костя. — Смотри, шланг точно направлен на наше бедное светило. Ему мало нашего костра.

Костя оказался прав. Как только выглянувшее было солнце закрыла туча, робот выключил подачу воды.

— Пожарный робот, — продолжал Костя. — Музейный экспонат, ничего подобного я еще не видел. Эй, парены! Ты зачем залил наш костер? — крикнул Костя.

Робот безмолвствовал. Видимо, он реагировал только на инфракрасные лучи определенной силы.

И Костя подумал об этом же, потому что предложил:

— Давай испытаем этого дядю?

Мы, с опаской поглядывая на робота, углубились в рощу и принесли ворох сухих листьев, подожгли, и только успели отбежать в сторону, как пожарник смыл и этот костер.

— Нет сомнений! — сказал Костя. — Робот реагирует только на инфракрасную часть спектра.

Я спросил:

— Почему же он тогда не израсходовал весь запас энергии, пытаясь погасить солнце? Судя по виду, он здесь не один год.

— Действительно, странно, — согласился Костя. — Хотя, возможно, железный парень реагирует только на определенные объекты, вроде наших костров. И вообще возгорание органических веществ. Наверное, здесь находились большие запасы топлива, постройки с воспламеняющимися деталями.

— А солнце?..

— Далось тебе это солнце! На солнце он не был прежде настроен, но от долгого безделья что-то в нем испортилось, вот и поливает. Не может остановиться после того, как мы подогрели его своим костром. Что-нибудь неладно с переключением. Как он вообще действует? В баллонах у него прежде находилась какая-нибудь пенообразующая смесь. Кажется, она вся вышла или испарилась. Ты не двигайся с места, а я попробую поближе познакомиться с этим джентльменом. Ну конечно! Смотри! Выключил воду, хотя солнце и светит. Совсем у него, видно, расстроились нервы. Не делай страшного лица. Не ужели после моей сегодняшней демонстрации ловкости и присутствия духа ты сомневаешься, что я не увернусь от этого уroda?

Я попытался было остановить Костю, да он только махнул рукой и крадучись направился к роботу-пожарнику. Костя заходил несколько сбоку, голова робота медленно поворачивалась, водяной брандспойт так же медленно опускался, целясь в Костю.

— Берегись! — успел крикнуть я, как струя воды вырвалась из круглого отверстия.

Робот все-таки оказался очень расторопным, вернее, чувствительным, он улавливал теплоту, излучаемую человеком. Водяной заряд пролетел в метре над Костиной головой. Костя упал и быстро пополз к роботу. Я не успел крикнуть, чтобы он остерегался второй пары рук, как два рычага протянулись, схватили его, словно клещами, и отшвырнули в сторону. Костя был хорошим гимнастом и, как кошка, стал на четвереньки.

— Ты видел? — радостно крикнул Костя. — Он бросил меня, как горящее полено. Мы вдохнули в него жизнь. Теперь нам известно назначение и второй пары рук. Давай продолжим прекрасное начатый эксперимент, — он поморщился и потер ушибленное колено. — Вот что, ты отвлеки его с фронта, а я попробую зайти с тыла и добраться до его нервной системы. Не бойся, иди смело, используй мой опыт, только смотри, чтобы он не смыл тебя в лагуну. Ну, пошли! Смотри, он опять хочет потушить солнце! Самый удобный момент! Эх, прозевал! Перестал поливать. Все равно иди смело и учитывай мой опыт!

Я направился к пожарнику, готовый каждое мгновение мет-

нуться в сторону. Брандспойты не двигались в его железных руках, только голова, поскрипывая, поворачивалась то в одну, то в другую сторону. Учтя Костин опыт, я остановился в пяти метрах от робота.

Ветер яростно гнул стволы пальм и трепал их косматые вершины. Упало два ореха: один недалеко от моих ног, а второй гулко ударился о голову робота. Из второго, до сих пор бездействовавшего шланга закапала пенная жидкость, затем стали вздуваться большие радужные шары. Шары падали на причал и медленно катились к воде, подгоняемые воздушным потоком.

Костя неожиданно вынырнул из-за спины робота.

— Видал? — спросил он, бесстрашно хватаясь и раскачивая длинную руку пожарника. — Теперь понятно, почему у него разладилась схема. По теории вероятностей не один орешек трахнул его по голове с тех пор, как остров стал необитаем. Не боясь, я добрался до его вегетативной системы, нажал все кнопки, повернул все рычаги и главное — отключил питание. Тут есть где-то солнечная, а может быть, и атомная станция.

Внезапно что-то круглое, метра полтора в диаметре стало наискось падать в лагуну и шлепнулось возле противоположного берега, подняв высокий столб воды. Среди низко летевших туч мелькнула «Колымага». Мы бросились к катеру. Из приемника слышался голос Пети Самойлова:

— Я «Колымага»! «Колымага»! На острове! Что случилось? Я вас не слышу...

— Ничего особенного, — ответил Костя, — встретили тут одного занятого робота, возились с ним...

— А мы думали... Ну и отлично.. В тюке самое необходимое. Садиться к вам запрещено при таком ветре. Лагранж и особенно Нильсен боятся. Просили передать, чтобы вы держались берега, в пальмовой роще могут быть неприятные сюрпризы.

У Кости загорелись глаза, он многозначительно подмигнул мне и спросил Петю:

— Что еще за сюрпризы?

— Говорят, что остров сооружен сто лет назад. Здесь могли стоять ракеты.

— Метеорологические?

— Нет...

— Ядерные?

— Да. Ядерные. Я вам сбросил счетчик Гейгера на всякий случай. Проверьте лагуну и береговую полосу. В рощу не суйтесь. Как вы меня слышите?

— Плоховато, мешают какие-то разряды.

— Я тоже плохо вас слышу... Чуть что, дайте знать. Прилетим завтра, как только стихнет немного...

Раздался сильный треск, и связь прервалась.

Мы подогнали к берегу тюк, сброшенный с «Колымаги». В нем находились надувная палатка и множество всякой еды и термосов с напитками. При виде такого количества пищи у нас начались голодные спазмы в животе. Минут десять мы ели все, что попадалось под руку: винные ягоды, рыбу, сливочный крем, ростбиф, плоды папайи, паштет из планктона, запивая все это ананасным соком. За кофе с индийскими бисквитами, присыпанными солью, Костя ска-

зал:

— С таким количеством запасов плюс лагуна и палатка можно жить здесь сколько угодно. Палатку мы установим вон там возле пожарника.

Возле нас медленно прошли

две крысы, волоча по земле длинные голые хвосты. Я невольно подался назад.

— Не бойся,— успокоил Костя. — В такой палатке не страшны и крокодилы! Я знаю эту конструкцию. Полная изоляция от всех нежелательных соседей. Есть кондиционер и фильтры, исключающие проникновение москитов, хотя их здесь не бывает.

После обеда мы надули палатку под сенью пальм. Облачность стала плотней. Ветер не утихал, а как будто стал еще яростней. Облака с огромной скоростью летели над головой.

Быстро темнело.

Начал накрапывать, а потом и полил дождь. Потoki воды обрушивались на палатку и журчали под полом. Несмотря на усталость, мы с Костей долго не могли уснуть и делились пережитым за день.

Наконец Костя зевнул и, оборвав фразу на полуслове, заснул.

Ветер дул порывами, только прибой грохотал так, что казалось, сотрясается весь остров, готовый рассыпаться на кусочки.

Я лежал и пытался представить тех, кто создавал этот круглый атолл, возводил на нем здания, а затем жил здесь. «Наверное, этот остров все-таки одно из первых сооружений человека, поставившего перед собой цель покорить океан, — думал я. — Один из первых прообразов нашего плавающего гиганта, отлитого из базальта». Мне не верилось, чтобы разумные люди могли затратить столько труда лишь для того, чтобы тайно создать площадку для стрельбы баллистическими ракетами.

Ночью с нами случилось довольно забавное происшествие: обрушилась палатка. Ткань прогрызли крысы, воздух между стенок вышел, и мы оказались в тесном душном мешке и выбрались из него, разрезав ткань вибрационным ножом. Хорошо, что я никогда не расstaюсь с ним.

Потные, злые стояли мы возле сплюсненной палатки, тяжело дыша и стараясь не наговорить друг другу ненужных обидных слов. Мы тогда еще не знали настоящих виновников нашего раннего пробуждения, и мысленно каждый обвинял другого в небрежности при установке палатки. Неожиданно Костя сказал:

— Как хорошо, что мы проснулись так рано. Ты только посмотри, что делается вокруг! Какое небо!

Пассат еле дышал. Созвездия сияли у нас над головой. Зеленый свет ущербной луны сочился между стволов пальм. На рифе клочкотал холодный голубой вал огня.

— Что-то невероятное! — прошептал Костя. — И надо же! Вместо того чтобы любоваться красотой вселенной, мы спим, выключаемся из жизни. Смотри! Даже робот очарован!

Пожарник, одетый в причудливую светотень, застыл, склонив голову набок, его мембраны поблескивали зловещим светом кошащих глаз.

Луч лунного света упал на палатку, две огромные крысы с деловым видом грызли ткань.

— Брысь! — крикнул Костя.

Крысы пошевелили усадыми мордами и принялись за прерванное занятие. В тени намечалось еще несколько крысиных силуэтов.

— Что они нашли вкусного в этой палатке? — спросил Костя и сам ответил: — Тоска по цивилизации. Их предки-эмигранты приехали сюда из стран, где можно грызть не только одну ореховую скорлупу. И вот генетическая память подсказала, что крысиные боги даровали им лакомое блюдо.

В этом было не столь уж много смешного, но мы захотели так дружно и громко, что крысы с писком брызнули в стороны.

В ту ночь мы больше не ложились. Спать не хотелось, да и не было смысла: через час взойдет солнце, а у нас намечалось множество дел. Надо исследовать остров, заглянуть в лагуну, отремонтировать ракету, чтобы без посторонней помощи пробиться через рифы. Поэтому Костя предложил позавтракать на «Мустанге» и с первыми лучами солнца приняться за дело. Во время завтрака на экране появилось лицо дежурной по ост-

рову Лии Гавари, или, как мы ее звали, тетушки Лии. Это была полная добродушная негритянка, единственный на острове арахнолог, она изучает паукообразных. Мы частенько приносили ей редкие экземпляры любимых ею животных.

— Мальчики! Наконец-то! Я всю ночь искала вас и видела только пустые кресла на вашем «Мустанге». Все островитяне шлют вам привет! Вы, наверное, не представляете, в какое интересное место вы попали! Почти закрытая лагуна и повышенная радиоактивность, не пугайтесь, только слегка повышенная, но достаточная, чтобы при длительном воздействии способствовать мутации. Ну как вы там? Вижу, что чувствуете себя отлично.

Мы рассказали ей о пожарнике и крысах. Она хохотала вместе с нами и сказала, что завидует нам, но, к сожалению, врачи запретили ей предпринимать дальние экскурсии и даже спускаться под воду на глубину нескольких метров.

— Ладно, — сказал Костя. — Мы тут поищем ваших пауков.

На экране и без того полное лицо тетушки Лии расплылось вширь, что объяснялось не только ее улыбкой, а главным образом неисправностью приемного устройства.

— Вот что, мальчики, — сказала она, вдруг посерьезнев. — Я должна вас предупредить насчет поведения на острове...

Неожиданно голос тетушки Лии оборвался, из репродуктора слышалось только легкое потрескивание. Тетушка Лия, не зная, что наш приемник потерял дар речи, продолжала говорить, мы же, застыв у экрана, пытались по движению ее губ понять, о чем же она хочет нас предупредить...

Как всегда, несколько неожиданно окончилась тропическая ночь, запылало небо на востоке, и из воды выплыло солнце. С берега донесся птичий гомон. Мы с Костей занялись исследованием рощи кокосовых пальм. На опушке, в кустах и в глубине рощи мы обнаружили несколько «мертвых» роботов. Они лежали или стояли, у них давным-давно вышло питание и прожравели остовы, их делали из стали низкого качества, видимо надеясь на антикоррозийные покрытия, но эмаль не устояла против резких колебаний температур, высокой влажности и времени. Над головой проносились стаи разноцветных австралийских попугайчиков, они оглушительно щебетали, видимо протестуя против нашего вторжения. Попугаи гнездились в кронах пальм, на ветвях кустарника, несколько гнезд устроили на плечах и головах застывших роботов. Судя по инструментам в руках роботов, они когда-то были садовниками, выпалывали кусты и траву между пальм, а также следили за дорогами и аллеями. Сейчас дороги стали непроходимыми из-за колючих кустарников, пройти можно было только среди пальм.

Пробираясь через заросли, вначале мы строили догадки о том, что говорила тетушка Лия, когда прервался звук. Но постепенно, по мере того, как мы продвигались в глубь рощи, все наши помыслы захватывал этот загадочный остров. Почему его оставили так внезапно? Об этом говорили мертвые роботы-садовники. Долгое время они еще расхаживали среди пальм, подстригая и выпалывая кусты, подметая дорожки. Бедный пожарник до сих пор несет службу.

Мы вошли в дом посреди небольшого разросшегося сада,

в нем сохранилась мебель, библиотека, в кухне работала электрическая плита, в холодильнике, тоже действовавшем, хранился большой запас продуктов. Дом заняли попугаи, они сверкающим потоком хлынули через распахнутые настежь окна.

— Они почему-то бежали, — сказал Костя, когда мы оставили дом и пошли по дорожке, с которой еще не справились растения. — Бросили все и улетели.

— А может быть, они погибли?

— Нет, спаслись, — уверенно сказал Костя. — Следов нападения нет. Их предупредили, и они успели улететь.

Дорожка привела на круглую площадь, вымощенную, как и причал, зелеными бетонными плитами. Среди общего запустения площадь поражала чистотой и порядком, ее матовая поверхность тускло поблескивала, ни одного листа, сучка, ореха не видно было на ней. Как будто только что роботы-дворники вымыли и подмели ее.

На границе площади слегка поднимались над поверхностью непонятные, громоздкие сооружения без окон, но с металлическими, наглухо закрытыми дверями. И еще в центре площади обращали на себя внимание круглые люки с отброшенными крышками. Люков было четыре. Мы направились к ним, ступая, как по тонкому льду, оглядываясь по сторонам.

Двери одного сооружения без окон отворились, и оттуда один за другим вышли два робота. Они очень хорошо сохранились: совсем новые роботы, которые катили перед собой тележки, издававшие шипение и свист.

— Пылесосы! — сказал Костя. — Вышли на уборку, хотя площадь и так вылизана. Привет, ребята!

Мусорщики повернули головы в нашу сторону, продолжая заранее рассчитанный путь и не сказав ни слова.

— Серьезные парни! — сказал Костя.

Я обратил внимание, что все трещины в асфальте залиты, а некоторые совсем недавно.

Поглядывая на роботов, мы подошли к первому люку. Колодец глубоко уходил в недра острова. Свет фонарика отразился от воды на дне.

— Пусто, — сказал Костя, — глубина метров тридцать, не считая нижней части, затопленной водой. Все-таки интересно, для чего все это?

— Для ракет с ядерными зарядами.

Костя посмотрел на меня.

— Подумать только, что все это создано лишь для того, чтобы выстрелить куда-то!

Я впервые видел его таким серьезным.

Роботы-мусорщики, дребезжа и лязгая, завершили первый круг и, отступив к центру, на ширину уборочной машины, начали второй.

Мы постояли возле четвертого колодца, наблюдая за роботами, затем пошли к сооружениям на краю площади. Не сдвигая мы и десяти шагов, как из невидимых репродукторов раздался предупредительный вой сирены. Через несколько секунд сирена смолкла.

Мусорщики не спеша направились к своему бункеру. По соседству с ним открылось еще несколько дверей, и на площадь

высыпала целая толпа роботов. Они выходили и строились в шеренгу. Судя по окраске и форме моделей, каждая из них выполняла различные функции. Здесь были громоздкие тяжеловесы, явно предназначенные для подъема тяжестей, подвижные и более легкие электромонтеры, монтажники и, наверное, нейтрализаторы радиации, а также пожарники, как две капли воды похожие на первого нашего знакомого, что стоял на опушке рощи.

— Что-то вроде торжественной встречи, — сказал Костя. — Видно, давно у них не было высшего начальства. Пошли, поговорим с ребятами.

При первой попытке приблизиться к отряду роботов властный возглас из скрытых репродукторов остановил нас (говорил он по-английски):

— Стойте! Не двигайтесь! Вы нарушили инструкцию 8-3-12. Ждите патрулей!

Нам ничего не оставалось, как подчиниться.

— Мне все это не особенно нравится, — признался Костя. — У них осталась вся система охраны колодцев и еще чего-то. Странно, почему тетушка Лия не предупредила нас. Наверное, сегодня ей уже все известно об этом уютном островке. Или постой! Помнишь, прежде чем прервался звук, она сказала: «Я должна вас предупредить...»

Прошло около пяти минут, но ничего не происходило.

— Патрули не сработали, — сказал Костя. — Что-нибудь должно же у них разладиться. Видишь, эти молодцы загрустили, не зная, что предпринять. С главного поста нет приказаний. Давай потихоньку передвигать ноги к колодцам. Там система сигнализации нарушена. Через час здесь можно превратиться в жаркое. Тут мы как на сковородке. Ветер не проникает сюда, да он совсем стих. Ну, я первый.

— Еще шаг, и я стреляю! — прогремело над площадью. — Патрули вышли. Ждите!

Видимо, мы попали в сеть электронных заградителей, и каждое наше движение фиксировалось. Мне стало казаться, что за нами наблюдает кто-то живой и злорадно посмеивается. То же самое пришло в голову Косте.

— Еще зубы скалит, — зашептал он. — Что, если здесь остался один из них?

— Сколько же ему тогда лет, по-твоему?

— Правда... многовато...

Костя набрал в легкие воздуха и крикнул:

— Где ваш патруль? Мы не можем больше стоять на такой жаре. Сейчас же присылайте его или...

Угроза замерла у Кости на губах. Из кустарника справа от строений вывалился еще один довольно странный робот: низенький, толстый, похожий на пингвина, на коротких ножках-гусеницах. Он со звоном шлепнулся об асфальт и тут же встал, как ванька-встанька, и быстро направился к нам.

Остановился в пяти шагах.

Вид у него был глуповато-самодовольный, в щелках-глазках мелькали разноцветные искорки, к рычагам-рукам намертво прикреплено что-то похожее на два подводных пистолета.

Костя приветствовал его:

— Доброе утро! Как поживаешь, старина? Что это ты так вооружился?

В ответ робот прохрипел, силясь повернуться к нам спиной:

— Не разговаривать! Оправдания бесполезны. Там разберемся. Следуйте за мной!

— Где там? И куда следовать?

— Не разговаривать. Следуйте за мной!

— Куда следовать, когда ты скрипишь, как ржавая петля, и ни с места?

Наконец с большим трудом робот повернулся на 180 градусов и покатился по старому следу.

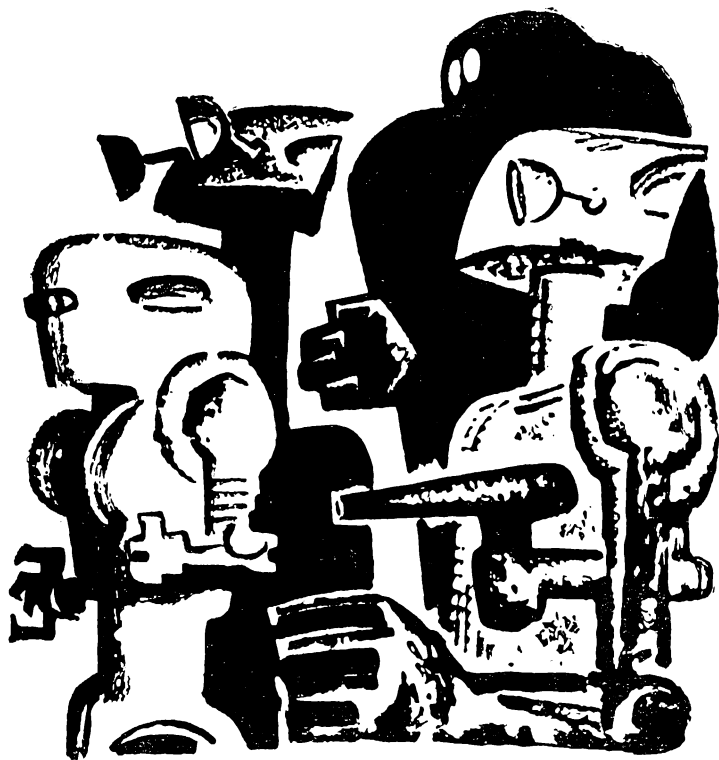
Нам ничего не оставалось, как идти за ним: за нами наблюдали три глаза на его затылке. Одна рука с пистолетом передвинулась за спину.

Мы шли как загипнотизированные, не спуская глаз с дула пистолета, оно угрожающе направлялось то на Костю, то на меня.

— Трудно придумать более идиотскую ситуацию, — ворчал Костя.

Как только «солдат» ступил на дорогу, густо заросшую кустарником, то стал путаться своими ногами-гусеницами в корнях и ветках. Несколько раз он упал. Мы хотели было улизнуть, пользуясь его кажущейся беспомощностью, да вовремя заметили, что в любом положении он ухитрялся держать нас на мушке. Ничего не вышло, и, когда мы попытались отстать от него, робот тоже останавливался и тоном, не предвещающим ничего хорошего, заявлял:

— Не замедлять движения, дистанция между нами — три мет-

ра. — Он делал паузу и добавлял многозначительно: — Во избежание неприятностей.

— Что за манера выражаться, — ворчал Костя. — Сплошные архаизмы. Во избежание! А неприятностями он считает выстрел в живот. Ты заметил, что он все время целится мне в живот? Не отставай! От этого железного идиота всего можно ожидать. Шагай веселей, да не вздумай упасть. Дай руку! Выкрутимся! Смотри! Машина с вещами. Остановилась, а у **них** не было времени ее исправить. Нам пока некуда спешить. Выкрутимся.

Вокруг грузовика с ржавым металлическим кузовом выросли пальмы. Машина стояла, окруженная стволами, как забором. Невдалеке от машины застыли два робота-солдата, прочно попавшие в тенета лиан.

— Наш проводник не застрянет, — ворчал Костя. — У него хорошая память, смотри, обходит заросли, идет по своему старому следу. Попался все-таки?

Лязгая ногами-гусеницами, робот пытался вырвать корень, петель поднявшийся из земли. Мы с интересом наблюдали, как он, поняв, что корня ему не порвать, дал задний ход и обошел преграду.

Костя похвалил:

— Молодец, солдат!

Мы прошли около ста метров. Наш проводник заметно сдал. Движения его стали ленивыми, он часто останавливался перед веткой, преграждавшей ему дорогу, будто решал трудную задачу, затем осторожно продолжал путь.

— Выдыхаете наш солдатик, — сказал Костя, — сдают аккумуляторы.

Внезапно кустарник кончился. Робот бодро покатился по зеленому асфальту, направляясь к приземистому зданию с настежь раскрытой дверью. «Во избежание неприятностей» мы побежали за ним.

Робот остановился у двери, опустил руки, направив пистолеты в землю, показывая всем своим видом, что выполнил поручение, а теперь пусть другие расправляются с нами.

Все-таки не верилось, что так легко от него мы отделались, и Костя обратился к нему с пространной благодарностью за то, что он так заботливо обращался с нами во время трудного пути.

Робот молчал, только иногда вздрагивал, будто делая попытку вскинуть пистолеты и разделаться с Костей, а заодно и со мной за явную насмешку, звучавшую в Костиных словах. Трудно сказать, как в конце концов повел бы себя наш проводник, не приди в голову Косте счастливая мысль крикнуть на него повелительным тоном:

— Ну чего стоишь? Ты же выполнил приказ. Иди сейчас же к себе!

Невероятно, чтобы Костя интуитивно разгадал фразу, введенную в программу управления роботом, видимо, все дело было в тоне и количестве звуков произнесенных им трех фраз.

Робот послушно повернулся к нам спиной и покатился по дорожке к еле приметному строению в густой зелени.

Минуту назад единственным нашим желанием было удрать от робота и от этих распахнутых настежь дверей, а сейчас нас так и тянуло в таинственный сумрак за дверями.

— Рискнем! — предложил Костя и, не дожидаясь моего согласия, вошел в помещение. — Двери не закрываются, заходи, Ив! — пригласил он меня, и я не без опасения перешагнул порог.

Мы шли медленно, озираясь по сторонам. Впереди зажигались невидимые лампы, освещая панели из пластика под красное дерево. Позади лампы гасли. Справа и слева через равные промежутки мы видели двери. Судя по надписям, за ними находились помещения с аппаратурой. Надписи — черные на золотистом фоне — загорались, как только мы останавливались у дверей. На полу лежал ковер из синтетических волокон приятной расцветки. Коридор шел с заметным уклоном в недра острова. Я обратил внимание, что в стенах находились двери-здвижки из стали.

— Если они сработают, то нам придется повозиться с ними, пока откроем, — сказал Костя.

Меня всегда удивлял его оптимизм. Он ни на минуту не сомневался, что если все двери захлопнутся, то мы все равно выберемся отсюда.

Коридор круто свернул вправо, и мы, пройдя немного, вошли в довольно большой зал, вошли, не заметив, так как и здесь двери уходили в стену.

Комната медленно наполнялась светом, создавалось именно такое впечатление, что густой желтоватый свет льется со стен и заполняет комнату.

Первое, что бросалось в глаза в этом подземелье, была очень большая кабина из желтоватого прозрачного полимера, перегороденная на две части такой же прозрачной стенкой. В каждое отделение вела узкая щель, закрываемая выдвижной дверью. Двери были вдвинуты в стену, на торцах поблескивали никелированные защелки замков.

В одной кабине стул был откинут к двери и лежал на боку, во второй почему-то был выброшен за порог.

В каждом отделении от стенки до стенки в ширину помещения стояли узкие столы из коричневого полированного пластика, на каждом столе были установлены микрофоны в виде кобры с раздутой шеей, контрольные приборы, переключатели, несколько рядов кнопок.

Мы стояли в дверях одной из кабин. Костя пояснял:

— Кабинет для операторов. Масса электроники. Но зачем их закрывали на замок и почему они дежурили вдвоем? Здесь мог управиться робот средних способностей.

Стена перед столом отличалась прозрачностью алмазного стекла, за ней метрах в десяти находился большой экран. На нем в окружении косматых пальм виднелась знакомая площадь. Застыл строй роботов. Трудолюбивые мусорщики катили перед собой портативные уборочные машины.

— Ты видишь две большие кнопки. В первой кабине кнопка желтая, во второй — красная.

Желтая кнопка в первой кабине, в дверях которой мы стояли, находилась под прозрачным колпаком, впрессованным в золотистую массивную оправу. Во второй кабине такой же колпак валялся на полу.

Костя продолжал, озаренный догадкой:

— Они нажали красную кнопку, затем чего-то испугались и удрали. Да, вот колпак с этой красной кнопки! Ты постой...

Я не успел его удержать, как он юркнул в узкую дверь и подошел к пульту.

— Все мелкие кнопки от аварийных механизмов, — говорил Костя, жадно рассматривая стол. — На случай, когда не срывает автоматика. Хотя она и сейчас действует замечательно. На всякий случай. Вот — свет. Подача воды в жилые помещения. Двери! Вот это да! Теперь они могут закрываться. Затем верхний ряд для управления роботами. Только возле желтой ничего не написано. Ого! Смотри! — Он поднял с пола возле стола длинный плоский ключ. — От желтой кнопки! Такая же узкая щель. Открыть? Ну ладно, ладно. Вечно у тебя страхи.

Он сунул ключ в карман и почему-то на цыпочках вышел из кабины. За порогом Костя вытер со лба пот, хотя в подземелье веяло прохладой, и признался:

— Мне все время казалось, что дверь кабины захлопнется.

— Нажал бы кнопку — и все?

— Эх ты! А еще психоаналитик. Если бы из нее так легко можно было выйти, тогда зачем двери с таким замком? Там нигде не было кнопки для открывания дверей кабины. Наверное, есть еще пульт. Или их открывал особый человек, когда эти двое забирались сюда. Настоящие мышеловки. Представь, что тебя закрыли в такой коробке и потом захлопнули все двадцать дверей. Самочувствие не из приятных. Наверное, поэтому они и удрали при первом удобном случае. И самое главное: что бы произошло, если бы этот, — он кивнул на дверь левой кабины, из которой только что вышел, — если бы этот не оборвал ключ?

— Вначале надо узнать, для чего желтая кнопка.

— Какая логика! Ив, ты самый здравомыслящий человек, с какими мне приходилось встречаться, — Костя сделал еще несколько едких замечаний по моему адресу, затем потер лоб. — Какое множество загадок. Ракет давно нет. Остальное, хотя прошло столько лет, все на месте. — Он рассеянно взглянул на экран. — Какая туча попугаев уселась на роботов! Кто-то знает, что здесь происходило. Может быть, последняя атомная база? Последний этап разоружения?

Мы принялись за дальнейший осмотр зала. Если исключить кабины, решетчатый экран над столом и микрофон в виде гремучей змеи, то здесь все напоминало главный пост управления на нашей биостанции. Особенно система телевизионной связи. Мы медленно обошли все подземелье. Когда Костя подходил к панели, невидимый свет вспыхивал ярче. За щитами из пластика под мореный дуб поблескивали невообразимо сложные схемы электронных приборов. Угадав мои мысли, Костя сказал:

— Все это кажущаяся сложность. Примитивные приборы всегда сложны на первый взгляд. Совершенство — просто. Старая истина, Ив!

И хотя мы достаточно сильно прочувствовали состояние операторов, заточенных в пластиковых коробках и закрытых множеством стальных задвижек, сами (за исключением Костиных переживаний в кабине) чувствовали себя превосходно, как в детстве, забравшись в комнату ненужных вещей. Ни я, ни Костя особенно не ощущали замкнутости пространства, наверное, потому, что были уверены, что в любое время сможем выбраться отсюда, и еще потому, что с большого экрана все время доносились голоса птиц, свист ветра, рычание океана. В последний раз мы взглянули на экран и радостно воскликнули: на площадь вышли Петя Самойлов и Ки.

Их лица выражали озабоченность и тревогу.

— Следы ведут к центру, — сказал Ки. — Идем.

Петя благоразумно остановил его.

— Постой! Пойду я, а ты останешься в резерве.

— И буду наблюдать, как тебя схватят роботы...

Костя остановил их спор, сказал в микрофон:

— Привет, ребята! Мы в довольно уютном подземном сооружении. Отсюда управляли всем этим хозяйством. Стойте! Ни шагу по площади. А не то познакомитесь с «солдатом»!

Ребята засияли.

— Все прекрасно, — сказал Ки и процитировал изречение ка-

кого-то индийского мудреца: — «Кто ищет — тот находит, хотя не всегда то, что искал». — К цитате прибавил: — А нам повезло вдвойне: мы нашли и то, что искали, и то, чего не искали. Остров густо заселен роботами.

На пороге операторской мы оглянулись, помахали рукой Пете и Ки, забыв, что здесь только односторонняя связь, и увидели, как двери в кабинах одновременно с лязгом захлопнулись, а из стены перед нашими ногами медленно поползла толстая стальная плита.

Не обмолвившись ни одним словом, мы бросились бежать и чувствовали, как за спиной пощелкивают броневые двери.

Петя говорил, пожимая нам руки:

— Заставили вы нас пережить несколько довольно неприятных минут.

На пути к лагуне мы зашли еще в один дом. В нем сохранились оконные стекла, двери оказались плотно закрытыми, попугаи не смогли ворваться в него и навести там свой «порядок». Двери гостеприимно раскрылись, когда мы поднялись на широкое крыльцо из популярного здесь зеленого цемента. В холле пахло прохладой, окна, матовые от осажденной на их поверхности соли, скупно пропускали солнечный свет. В доме можно было жить. Старомодная мебель, довольно удобная, очень хорошо сохранилась. Я все время испытывал такое чувство, что вот-вот войдут люди, живущие здесь.

Мы сидели в низких креслах гостиной перед таким же низким столом, покрытым коричневым лаком. Вошел Ки. В руках он держал пожелтевшие листки бумаги.

— Нашел на полу в спальне. Там хаос. Мне показались они интересными. Какие-то записи.

Десять страничек, исписанных крупным, неровным почерком. Читал Костя, а иногда мы все вместе расшифровывали непонятные или сокращенные английские слова. Это были записки солдата, участника войны в джунглях. Эдгар Каули, автор записок, набрасывал их урывками, пропуская иногда по целому месяцу. Что-то мешало ему делать систематические записи. Здесь я приведу только несколько выписок из дневника, полностью они опубликованы в «Историческом вестнике» № Н-3-9, а также выпущены в издании «Открытия и находки».

3.X.

Из всего отряда в сто человек нас осталось только пятеро. Необыкновенное везенье. Теперь только спать, есть человеческую пищу и ни о чем не думать! Не так уж плоха жизнь, черт подери!

8.XI.

Шесть дней в Майами были необыкновенным сном. Гуд бай, Америка! Я снова становлюсь профессиональным убийцей.

20.XI.

Перед атакой мы принимаем таблетки «Прощай, совесть» — так прозвали новый допинг. После приема каждый из нас, не дрогнув, может прикончить родную мать.

3.XII.

Странно, что я до сих пор ни разу не ранен, хотя все ребята, с которыми я начинал, уже гниют в цинковых гробах или съедены зверьем в джунглях. Хотя я не прячусь и прослыл храбрецом. Все это чушь — храбрость, просто мне все равно. Я знаю, что мне не выбраться. Какая была бы подлость, если после всего останусь жить.

10.V.

Через полтора месяца я выберусь из этого ада. Неужели все это останется позади и я смогу смыть с души грязь, кровь, слезы своих жертв? Все возможно. Живут же подлецы и почище меня. Все зависит от точки зрения на происходящее. Главное — сохранить в себе остатки человека. Есть ли они?

15.V.

Сегодня встретил Джона Хеймена из отряда «зеленых берегов», он вернулся из очередной «экскурсии».

Жаловался, что невыгодно стало работать. Правда, теперь он получает за убоитого не десять, а пятнадцать долларов, но говорит, что все труднее становится добывать монеты. И все опаснее.

25.VI.

Дождь. День и ночь хлещет теплый водопад. Весь мир размок. Лагерь под серым колпаком с дырами, а там, наверху, океан теплой воды. Наши дожди — легкий туман из пульверизатора. В этом милом месте я пробуду целый месяц. Как старый опытный ландскнехт, я должен обучать туземцев стрельбе из автоматов и прочим нехитрым приемам уничтожения себе подобных. Но все понимают, что это рискованное занятие. Они только и ждут, чтобы им выдали оружие, и тогда перестреляют нас и уйдут в джунгли. Мы, то есть белые, по целому дню сидим в баре, а они — в бараках с дырявыми крышами. Для поддержания боевого духа каждый день по радио передается беседа, одна и та же — о наказаниях за неповиновение, дезертирство, подстрекательство к мятежу, кражу оружия и пр. воинские преступления. Наказание одно — расстрел. В довершение передается длинный список казненных. Каждый четверг, опять-таки в целях повышения боевого духа, в лагере происходит публичная казнь. Делается это по-будничному, на скорую руку, никому не хочется мокнуть. Солдаты жмутся к стенам казарм, командование стоит под специальным навесом. Режущий душу залп из автоматов — и то, что мгновенье назад было человеком, падает в яму с водой. Жуткая штука эта яма с коричневой жижей...

6.VII.

Пошла вторая неделя, как я очутился на этой крохотной кучке кораллового песка. Среди жидкой рощицы пальм в довольно приличном доме. Что я пишу? Это дворец! Никогда я не жил в таком доме. Только видел с улицы фасады похожих сооружений, да еще в кино. Все эти дни я упивался чувством собст-

венника, совершенно забыв, какую цену я заплатил за это. Хотя как сказал майор Пирсон: «Что ты теряешь? Жизнь? Здоровье? Доллары? Ты все это потерял давно, там, в джунглях. Ты, живой мертвец. Убитый тысячу раз. Соглашайся! Через три года ты будешь богат и знатен. Можешь жениться на ком угодно! И только потому, что все эти три года будешь жить, как английский лорд в уединении. Нет, тебе повезло. Немыслимо повезло. И знаешь почему? Мы нашли, что ты идеальный исполнитель чужих решений. Здесь не надо думать, анализировать, а только ждать приказа. В случае войны ты поступишь так же. А может, войны не будет еще лет двадцать. И если будет — безопасней места не найти. Это тебе не джунгли. Всего три года проживешь на островке. Затем — куча долларов, ранчо...»

Как я ухитрился запомнить весь этот рекламный бред, рассчитанный на людей, уставших от того набора нелепостей, что называют жизнью. Память у меня не особенно хорошая, я никогда не помнил номера своего автомата. А эту брехню запомнил и вот читаю ее сейчас, как стихи, выученные в детстве ко дню рождения бабушки.

И вот я идеальный исполнитель чужих решений, живу в этом бунгало.

10.VII.

Майор Пирсон сегодня утром спросил: «Ты что-то там ма-раешь карандаши? Дело твое. Пиши что хочешь. Но помни: все останется здесь. Лучше запоминай. Потом расскажешь внукам. Хотя что можно написать о нашем острове? Но ничего не под-делаешь: инструкция».

Пирсон у нас старший. Парень он неплохой, тоже побывал в джунглях. Это сразу видно по его взгляду, у меня, наверное, такой же потерянный взгляд убийцы. Всего нас на острове двадцать человек, включая ребят, обслуживающих базу и стан-цию. Также интересная публика, но из джунглей только мы двое.

20.VIII.

Джим Тэрбер вчера шепнул мне, для чего красная кнопка. Простодушный парень этот Тэрбер. Все с первого дня знали, для чего эта кнопка. «Ты скажи, для чего желтая?» — спросил я. Действительно, над этим стоит подумать. Хотя нам платят деньги за то, что мы не думаем...

— Что это за желтая кнопка? — спросил Петя Самойлов. — Вы не заметили ее там?

— Кнопки две, красная и желтая, — сказал Костя, — ключ от желтой мы нашли. Я захватил его. Вот он! Красную давно нажали, и ничего.

Мы стали рассматривать ключ.

— Это хорошо, — сказал Ки, — что он у нас.

— Поэтому я и взял его. Конечно, колодцы пусты. Ракеты вывезли. Ключ стоит поместить в музей.

— Ребята, здесь все-таки повышенная радиация. Хотя и незна-чительная, но все же... — спохватился Петя.

Мы вышли из дома и побежали к лагуне, продираясь сквозь заросли кустарника, мимо ржавых роботов, сопровождаемые оглушительными криками попугаев...

Петя Самойлов сидел в кресле пилота, мы вдвоем — возле окон — смотрели вниз, где среди белой ленты прибоя виднелось едва заметное зеленое пятнышко.

Костя повернулся от окна:

— Для чего все-таки желтая кнопка?

— Я где-то читал о подобном искусственном острове с ракетами... — сказал Петя. — Очевидно, чтобы запустить их, нужно было нажать обе кнопки, красную и желтую. Красную нажал какой-нибудь сошедший с ума, не выдержавший напряжения оператор, а желтую... Может быть, они еще раньше догадались, что с нажатием желтой кнопки взлетят не только ракеты, но и весь остров вместе с ними. Помните отброшенные от главного пульта стулья? Наверное, они силой вытащили сумасшедшего оператора и бежали, бежали в панике, испугавшись за собственную жизнь. Ведь они почти все были на грани безумия. Кто-нибудь из них, окончательно лишившись разума, мог нажать и желтую кнопку... Впрочем, подробно о том, что здесь произошло, мы узнаем на биостанции. Там уже получили справку из исторического архива.

Петя изменил угол винтов, и белая лента прибоя медленно поплыла от нас. Скоро сверкающее пятнышко совсем затерялось в пене прибоя.

— А мы-то думали, — сказал Костя с глубоким вздохом и взял с пола стеклянную банку, захваченную с катера («Мустанг» навсегда остался в круглой лагуне), в банке копошилось с десяток пауков. Костя поднес их к окну и сказал:

— Вот этот, в красную полоску, приведет в восторг тетушку Лию.

— Да, очень интересный экземпляр, — сказал Петя.

Ки, сосредоточенно молчавший, вздрогнул, обвел нас взглядом и покачал головой:

— Ужасный, что вы нашли в нем интересного?

— Ты об этом, в полоску? — с недоумением спросил Костя.

— Ах, вы вот о чем... Я думаю о другом. Он убивал моих предков. Страшный и с ограбленной душой человек...

Редьярд КИПЛИНГ

УМНЫЙ АПИС

Написанный в начале 20-х годов, этот рассказ известного английского писателя Р. Киплинга впервые на русском языке был опубликован в 1928 году в журнале «Всемирный следопыт».

В Южкой Франции, в департаменте Устье Роны, к западу от города Салон-де-Прованс тянется прямое и ровное шоссе, получившее заслуженную известность среди автомобилистов как идеальная дорога для установления рекордов. Я неоднократно пытался промчаться по этому шоссе, однако каждый раз либо дул мистраль, либо навстречу двигалось бесконечное стадо. Но однажды после яркого почти египетского заката настал вечер, которым было бы преступно не воспользоваться. Чувствовалось дыхание приближающегося лета. Лунный свет заливал широкую равнину; резко вырисовывались на земле тени остроконечных кипарисов. Мой шофер, произведя предварительную разведку, доложил, что шоссе в безупречном состоянии и свободно до самого Арля.

— Посмотрим, на что «она» способна при хорошей дороге, — заявил он. — Весь нынешний день «она» так и рвется из рук. Не я буду, если сегодня «она» себя не покажет!

Мы решили провести испытание машины после обеда. Предстояло проехать без малого тридцать километров.

В столовой отеля, где мы ожидали вечера, за одним столиком со мной сидел пожилой бородатый француз, приехавший на быстроходном автомобиле фирмы «Ситроен». Во время обеда он сказал, что слышал от моего шофера о намерении испытать нашу машину на скорость. Он очень интересуется автомобилями, он любовался моей «эсмеральдой» — одним словом, он был бы весьма признателен, если бы я взял его прокатиться с нами в качестве наблюдателя. Отказать было неудобно. Зная своего шофера, я почти не сомневался, что за этим кроется пари.

Когда француз пошел за своим пальто, я спросил его имя у хозяина отеля.

— Вуарон. Андре Вуарон, — был его ответ. — Вот этот самый.

И хозяин отеля размашистым жестом указал на украшавшие стены броские рекламы, в которых сообщалось, что «Братья Вуарон» торгуют винами, сельскохозяйственными орудиями, химиче-

скими удобрениями и прочими товарами...

...В течение первых пяти минут пробега Вуарон говорил мало. Затем он совсем умолк. Шофер угадал: наша «Эсмеральда» была в ударе. После того как стрелка на спидометре поднялась до известной цифры и оставалась на ней на протяжении трех головокружительных километров, Вуарон нарушил свое молчание. Он выразил полное удовлетворение и предложил мне отпраздновать в отеле блестящий пробег.

— Там я держу для друзей одно винцо, о котором хотел бы узнать ваше мнение, — сказал он.

Когда мы вернулись в отель, Вуарон исчез на несколько минут, и я слышал, как они с хозяином возятся в подвале. Затем Вуарон пригласил меня в столовую. На тускло освещенном

столе стояли пользующиеся известностью местные блюда, а среди них — бутылка огромных размеров с белой буквой «В» на красной этикетке и датой. Вуарон откупорил ее, и мы выпили «за здоровье моей машины». Бархатистый ароматный напиток красновато-топазового цвета, в меру сладковатый и сухой, играл и пенился в наших вместительных бокалах. Много вина я смаковал на своем веку, но ни разу еще не пробовал такого восхитительного напитка. Я спросил, что это за вино.

— Наше шампанское! — торжественно ответил Вуарон.

— А где его можно достать? — поинтересовался я.

— Только здесь. Видите ли, настоящие вина мы, виноградари, не пускаем в продажу. Мы лишь обмениваемся ими между собой.

В отеле шумно запирали

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

двери, захлопывали ставни. Последние слуги, зевая, отправились на покой. Вуарон открыл окно, и лунный свет залил комнату. Можно было слышать, как город Салон-де-Прованс дышал в объятиях первого сна. Вдруг раздался какой-то гул: топот множества копыт, рев, мычание, гортанные крики и приглушенный короткий лай. Туча пыли поднялась над стеной двора отеля, и густо запахло скотным двором.

— Гонят стадо, — пояснил Вуарон. — Вероятно, мое. Так и есть: я слышу гойос Кристофа. Наши животные не любят автомобилей, поэтому мы перегоняем их ночью. Вы не знакомы с нашими краями? Я же здесь и родился. Во Франции нет красивее мест.

Он говорил с горячим чувством, с каким только французские буржуа умеют говорить о «родном уголке» и о «своей обожаемой родине».

— Если бы я не был занят всем этим, — Вуарон махнул рукой в сторону рекламных объявлений, — я бы жил безвыездно на моих фермах и, как индус, поклонялся бы своим коровам. Вы знакомы с нашим камаргским* скотом? Нет? Очень, очень жаль... Хотя, впрочем, поверхностное знакомство ничего вам не даст. У наших животных умственные способности куда выше, чем у других. Они пасутся, жуют жвачку и размышляют. Представьте, они грудью встречают мистраль! Ведь этого многие автомобили не в состоянии сделать! А когда этакое

животное начинает думать — только держись! Я видел, к чему это приводит...

— Неужели они действительно такие умные? — лениво спросил я.

— Надеюсь, вы мне поверите, — продолжал Вуарон, — если я расскажу вам одну историю.

...В юности, когда я жил в отцовском доме, все мои интересы, вся моя любовь были обращены к нашим животным. Мы живем здесь, вы видели, в домах, похожих на старые замки. Они окружены большими амбарами с белыми стенами и скотными дворами. Каждая такая усадьба — это замкнутый мирок, живущий своей особой жизнью. Любимейшее и, пожалуй, единственное развлечение наших мальчишек — игра с молодыми бычками, которые часто бывают не очень-то любезны. Вместе с пастухами мальчишки выезжают пасти стадо. А через некоторое время они встречают уже взрослыми тех бычков, которые когда-то в шутку бодали их. Так я жил до тех пор, пока мне не пришлось уехать в колонию...

Я провел долгие годы на чужбине. Когда же после смерти родителей старший брат попросил меня вернуться, чтобы помочь ему в хозяйстве, я с радостью бросил службу и возвратился в наши милые края.

Да-с... То, о чем я хочу вам рассказать, случилось несколько лет назад. Среди наших бесчисленных телят был один бычок, поначалу еще не отличавшийся от других. С ним что-то случилось — не то он захромал, не то заболел, — и его вместе с матерью перевели на большой скотный

* Камарг — равнина на юге Франции, славящаяся своими стадами рогатого скота и полудиких лошадей.

двор при усадьбе. Разумеется, дети пастухов с первого же дня начали устраивать с ним какое-то подобие корриды, как это водится у нас.

Я часто наблюдал, как мальчишки играли с бычком. Спрячутся, бывало, за тракторами или телегами посреди двора, а он выгоняет их оттуда, как собака крыс. Но не просто выгонял, он изучал психологию ребятишек. Бывало, так и вопьется в них глазами. Да, он следил за выражением их лиц, чтобы угадать, куда они побегут. И сам пускался на хитрости: сделает вид, будто хочет бро-

ситься на одного мальчишку, но вдруг повернет вправо или влево — никогда нельзя было заранее сказать, куда именно, — и опрокинет совсем другого чертенка, который стоит в стороне. После этого он останавливался над упавшим, зная, что товарищи придут к нему на помощь. А когда все ребятишки сбегутся, размахивая курточками перед его глазами, он вдруг кинется на них и вмиг рассеет всю ватагу. Он умел лягаться вбок, как это делают коровы.

Кристоф, наш главный пастух, сказал мне, что этот бы-

чок — потомок хорошо известной мне пегой коровы, которая в далекие дни детства здорово гонялась за мной. «Он брыкается совсем как его прабабка, — говорил Кристоф. — Смотрите, он выбрасывает задние ноги вбок, непременно влево. Вы заметили, что ребята не могут сбить его с толку, сколько ни размахивают перед ним куртками? Эти куртки только помогают ему находить самих мальчишек. Они воображают, что играют с ним. Нет, это он с ними играет. Он умеет думать, этот бычок». Я и сам пришел к такому выводу. Да, бычок был весьма разумен, само собой разумеется, в пределах, необходимых ему для его игр и забав. И кличка Апис* вполне ему соответствовала. Кроме того, он был большой юморист. Он обладал особым юмором — жестоким, но чрезвычайно выразительным.

Вуарон снова наполнил наши бокалы своим необыкновенным вином.

— В течение некоторого времени бычок оставался у нас в усадьбе, и ребята практиковались на нем в искусстве корриды. Разумеется, от подобных развлечений бычок стал немного грубоват, и Кристоф, наконец, отправил его на пастбище, чтобы он поучился хорошим манерам среди себе подобных. Ему было тогда месяцев восемь или девять... Немного спустя мы снова встретились с ним. Я ехал по дороге в Кро верхом на одной из наших ма-

леньких полудиких лошадок. Вдруг сильный удар чуть не вышиб меня из седла. Это был наш бычок. Он притаился за придорожными деревьями, пока я проезжал, а затем сзади кинулся на нас. М-да, он перехитрил даже мою маленькую осторожную лошадку.

Я сразу узнал его, хлестнул плетью по морде и сказал: «За эту штуку, Апис, ты отправишься в Арль. Это было плохо с твоей стороны». Но ему ничуть не было стыдно. Он отошел, как бы ухмыляясь. А мне, если бы он меня вышиб из седла, мне было бы не до смеха.

— А зачем вы хотели послать его в Арль? — спросил я.

— Дело в том, что, когда туристы разъезжаются, мы устраиваем там наши невинные развлечения. Это не настоящие бои быков, а так, игра. Молодым бычкам надевают на рога колпачки, а затем наши ребята с ферм и из города играют с ними. Конечно, прежде чем послать быка даже на такую корриду, мы его испытываем дома. Поэтому мы опять привели Аписа с пастбища в усадьбу. Бык сразу понял, что находится среди друзей своей юности, — он чуть не здоровался с нами и покорно дал надеть колпачки на рога. Он внимательно исследовал стоявшие посреди двора тележки, точно выбирая себе линию защиты и нападения. Затем яростно бросился в атаку и защищался с таким упорством и так искусно, что привел всех в восторг.

По правде сказать, мы злоупотребили его терпением. Мы хотели, чтобы он повторился, а этого не потерпит

* Апис — священный бык древних египтян, ему поклонялись в храмах, видя в нем земное воплощение бога Пта — бога изначальной творческой силы, покровителя ремесел и искусства.

никакой истинный артист. Тогда он честно предостерег нас. Он вышел на середину двора, опустился на колени и... Вы видели, как тычется в землю лбом теленок, у которого чешутся рожки? То же самое Апис проделывал до тех пор, пока не сбросил колпачки. Тогда он встал, приплясывая на своих красивых подвижных ногах. Казалось, он хотел сказать: «Ну, друзья, мои рапиры в порядке. Кто начнет?..» Мы поняли и сразу прекратили игру. Его снова отправили на пастбище в ожидании дня, когда настанет время позабавить народ в Арле.

За несколько недель до праздника Кристоф приискал ко мне и доложил, что Апис убил другого молодого быка, который по всем признакам мог стать в будущем его соперником. Это случается в стадах, и дело пастухов — не допускать этого. Но Апис совершил убийство не так, как другие быки: в сумерках из засады он бросился в атаку и опрокинул свою жертву, после чего мигом ее распотрошил. А потом произошло нечто совсем особенное. Убив своего потенциального соперника, Апис подошел к насыпи у дороги, опустился на колени и тщательно, как тогда у нас на дворе, вытер свои рога о землю...

Стало ясно, что с таким быком шутки плохи. И когда я послал Аписа в Арль, то предупредил, чтобы с ним были осторожны. К счастью, перемена обстановки, музыка, общее внимание и встреча со старыми друзьями (все ребята из нашей усадьбы явились в Арль) хорошо на него подействовали. Он на

время снова стал шутником, его быстрые повороты, наскоки, прыжки были еще великопнее, чем раньше. В них теперь была, понимаете ли вы, продуманность, свойственная истинному искусству; но в них чувствовалась еще и страстность, которая приобретаетсЯ жизненным опытом. О, он многому научился, пока пасся на пастбищах...

Согласно местным правилам после ряда шутливых забав с Аписом должны были состязаться, как с профессиональным быком, осужденным умереть на арене, с той только разницей, что смертоносный меч был заменен палкой. Аписа заставили занять (или он сам занял) надлежащую позицию, с которой он и бросился в атаку. Однако он тут же наткнулся на палку, конец которой ударил его в плечо. Получив этот удар, он повернулся и понесся галопом к воротам, через которые вышел на арену. Он словно говорил: «Друзья мои, представление окончено. Благодарю вас за аплодисменты. Я иду отдыхать». Ну, скажите, кто научил его этому?..

Однако зрители требовали повторения, и Аписа заставили вернуться на арену. Зная быка, мы предчувствовали, что произойдет. Он вышел на середину круга, опустился на колени и медленно начал засовывать рога в землю и снова вытаскивать их, пока не сбросил резиновые колпачки. Кристоф крикнул: «Оставьте его, пока не поздно!»

Но все жаждали волнующего зрелища. И они получили то, чего желали... Вам, конечно, приходилось видеть, как служанка, вооружившись совком и щеткой, начисто вы-

метает комнату. Точно так же и Апис в полминуты начисто выгнал всех людей с арены. Затем он вторично потребовал, чтобы раскрыли ворота. Их открыли, и он гордо удалился, точно увенчанный лаврами победитель. Впрочем, так и было на самом деле...

Вуарон снова наполнил наши бокалы, закурил сигарету и несколько минут молча пускал в воздух кольца дыма.

— Ну и что же дальше? — спросил я наконец.

— Дальше? Апис вернулся на пастбище к своим ковром, а я к своим делам. На следующий год путем какой-то хитроумной махинации, которую мне некогда было разобратить, а также благодаря нашему патриархальному обычаю уплачивать работникам приплодом стада мой старший Кристоф сделался владельцем Аписа. О, он сумеет вам доказать свои права на Аписа как на потомка известной коровы, которую когда-то подарил ему мой отец. Кристоф продал Аписа испанцам раньше, чем я узнал обо всем этом. Ведь испанцы платят звонкой монетой из чистого серебра. Наши крестьяне не доверяют бумажным деньгам. Вы знаете, как у нас продают корову? «Бумажными франками — отдам за тысячу, а если звонкой монетой — за восемьсот». Да-с, Кристоф продал Аписа испанцам, когда тому было два с половиной года и когда, по свидетельству Кристофа, он уже совершил три убийства...

— Как так?

— В стаде на пастбищах он убил еще двух быков. И заметьте, всякий раз он

убивал одним и тем же приемом: налетал непременно сзади, опрокидывал противника и в один миг распарывал ему брюхо; затем неизменно следовала церемония чистки рогов... Таким-то образом Апис исчез из наших краев и из моего поля зрения. Но меня это не беспокоило. Я знал, что в свое время услышу о нем. У нас здесь ни одно копыто не двинется между двумя фермами без того, чтобы об этом не узнали немедленно такие специалисты, как мой Кристоф. Ведь скотина — цель, смысл, содержание, а также драма всей их жизни. И вот в один прекрасный день Кристоф сообщил мне, что Апис будет выступать на арене маленького каталонского городка. Я велел подать автомобиль, и мы с Кристофом помчались через границу.

В городке не было крупных заводов, и вообще ничего замечательного, но там родился один довольно известный матадор, который милостиво дал согласие показать свое искусство в родном городе.

Вилламарты (так звали матадора) предложил убить двух быков в честь своего города, и Апис, как мне сказал Кристоф, должен был быть вторым. Дорога была интересна, а маленький городок оказался восхитительным. Бои быков там проводят с середины семнадцатого века, и обставляются они весьма торжественно. Один церемониал чего стоит: например, передача ключей от арены. Если матадор поймает брошенные ему ключи в шляпу, это считается хорошим предзнаменованием. Я заметил, что ключи были пойманы наилучшим

образом. Мы сидели в первом ряду, рядом с воротами, через которые входят быки, так что все могли видеть.

Первого быка Вилламартти убил неплохо. Матадор, смеившийся Вилламартти (имени его не помню), убил своего быка без всякого искусства. Третий матадор, Чистó, пожилой бесстрастный профессионал, также играл роль фона, на котором особенно ярко выступало искусство Вилламартти...

Помощники Вилламартти уже приготовились к встрече второго его быка. Распахнулись ворота, и мы увидели Аписа. Великолепно балансируя на крепких ногах, он кокетливо поглядывал по сторонам, словно находился у себя дома. Один пикадор на лошади с длинной пикой в руке стоял около барьера по правую сторону от Аписа. Он даже не позаботился повернуть свою лошадь, потому что капеадоры с плащами уже приближались к Апису, чтобы начать с ним обычную игру, при помощи которой стараются узнать настроение и намерения быка, согласно правилам, выработанным для быков, которые не думают...

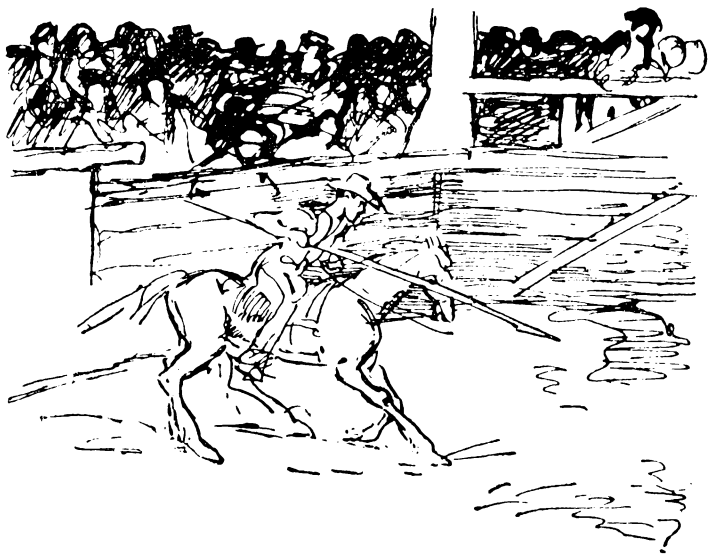
Все произошло раньше, чем я успел понять, что случилось. Поворот, прыжок, атака наискосок, падение коня и человека... Апис перескочил через лошадь, с которой у него не было ссоры, и прыгнул на упавшего человека. Этого было достаточно... Перешагнув через труп, Апис отошел в сторону и при этом сделал вид, что споткнулся...

Понимаете! Прикинувшись, что споткнулся, Апис создал впечатление, будто совершенное им убийство было про-

стой случайностью. В этот миг я начал понимать, что перед нами подлинный артист. Апис не остановился перед телом, чтобы не привлечь остальную труппу. Он позволил служителям вынести убитого, а сам начал забавляться с капеадорами.

Для Аписа, прошедшего школу корриды среди ребят на наших фермах, плащ был не средством отвлечения, а, наоборот, указанием, где нужно искать спрятавшегося за плащом человека... Он, видите ли, стремился к самому существенному — ему нужен был человек, а не красная тряпка. Но добирался он до человека неторопливо, с прохладцей, с юмором и в то же время с оттенком жуткой свирепости. Он гонялся за плащом одного из капеадоров неуклюже, неповоротливо, но я заметил, что он держит человека по левую сторону от себя — с роковой левой стороны... Кристоф шепнул мне: «Вот погодите, скоро он его брыкнет по-своему, как, бывало, брыкалась его прабабка».

И действительно, это произошло во время одного из прыжков. Вы и представить себе не можете, с какой силой он метнул ногу вбок. Капеадор свалился, как мешок. Второй раз в распоряжении Аписа был труп. Снова к нему бросились с плащами, чтобы отвлечь от убитого, — и во второй раз Апис уклонился от решительных действий и так ловко разыграл свою роль, что и это убийство приняли за простую случайность. Он убедил в этом зрителей. Глядя на него, можно было подумать, будто он не человека убил, а лишь сломал калитку в изгороди

у себя на пастбище. Вам это кажется невероятным? Но я собственными глазами видел всю эту сцену!..

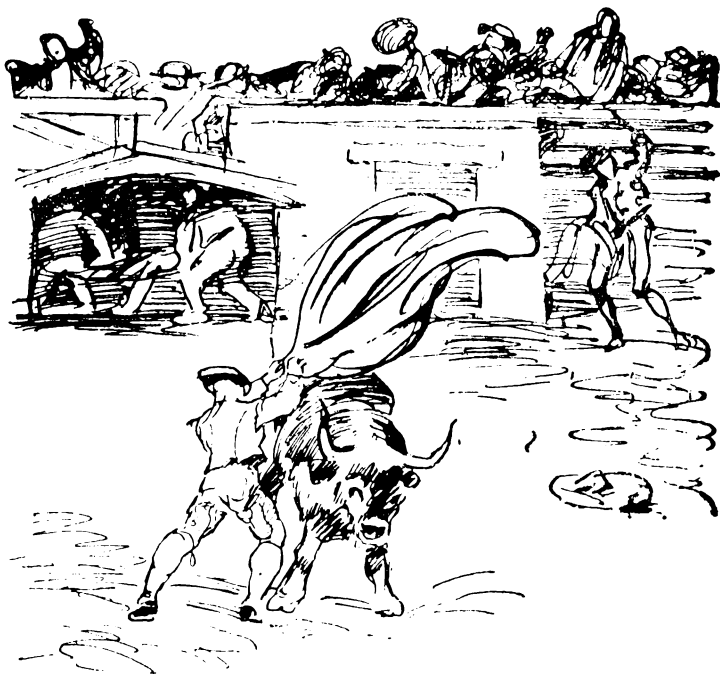
Вуарон снова вспомнил о шампанском. Я последовал его примеру.

— Однако в этот раз Апис был не единственным артистом на арене. Говорят, Вилламарті происходит из актерской семьи. Я заметил, что он внимательно смотрел на Аписа. По-видимому, матадор тоже начал кое-что понимать... Он взял плащ и двинулся к Апису, чтобы поиграть с ним, пока появится следующий пикадор. Вилламарті был знаменитостью. Может быть, Апис почувствовал это. Возможно, также, что Вилламарті напоминал ему какого-нибудь мальчишку с нашей фермы. Во всяком случае, Апис позволил Вилламарті играть с собой, но лишь до известной степени. Руководящей роли он ему

не уступил. Он беспощадно разбивал все попытки Вилламарті взять инициативу в свои руки. Он маневрировал медленно и тяжеловесно, но неизменно с угрозой, неуклонно тесня матадора. Нам было ясно, что хозяин положения — бык, а не человек. Мы видели, что Апис сознательно старается завлечь матадора на середину арены. Наблюдая за лицом Вилламарті, я вскоре заметил, что он понял намерение противника. Однако ему было непонятно, для чего это нужно Апису.

«Глядите, — шепнул мне Кристоф. — Он подбирается вон к тому пикадору на белом коне. Когда он будет достаточно близок от него, уж он ему покажет. Вилламарті для него — только прикрытие. Один раз на пастбище он таким же образом хотел облапошить меня...»

Так и случилось. С оглу-

пительным ревом Апис внезапно оставил Вилламарту, промчался мимо него и очутился у намеченной жертвы. Та же атака наискосок, с низким наклоном головы — и лошадь рухнула на бок с перебитыми ногами. Лишившийся чувств пикадор лежал на земле, а Апис стоял между ним и конем, спиной к барьеру. Теперь справа он был прикрыт лошастью, а слева — лежавшим у его ног телом пикадора. Как это было просто! За неимением тележек, к которым привык на ферме, он гениально обеспечил себе прикрытие из имеющегося материала.

Помощники матадора снова рванулись на выручку, но проходу их слева мешала

бьющаяся в судорогах лошадь, а справа их продвижение было парализовано телом пикадора, над которым стоял Апис с весьма недвусмысленным видом. Вилламарту попытался вызвать его на атаку. Но Апис отказался. Он держался своей базы. Тогда к нему послали нового пикадора — по необходимости с фронта, потому что один только фронт и был открыт. Апис ринулся на него. Заметьте, что до этого он еще не пускал в ход рогов. Лошадь опрокинулась на спину, наполовину прикрыв собою всадника. Апис остановился, подхватил человека рогами под самое сердце и перекинул его через барьер. Мы слышали, как голова несчастного

стукнулась о дерево, но пикадор был мертв еще до этого.

На этот раз зрители молчали затаив дыхание. Они также начали понимать, кто был перед ними. На арене опять занялись убитыми. Два капеадора нерешительно попробовали поиграть с Аписом — не знаю, на что они надеялись, — но он вышел на середину арены.

«Смотрите, — сказал Кристоф. — Сейчас он начнет чиститься. Меня всегда жуть берет, когда я это вижу». В самом деле Апис подогнул передние ноги и начал чистить свои рога. Земля была твердая, утопанная. Он занимался своим делом с каким-то особенным старанием.

Среди окружавшего нас глубокого молчания какая-то женщина истерически крикнула: «Он роет могилу! О ужас, он роет могилу!» Другие подхватили этот крик, и он пронесся, замирая, как эхо морского прибоя в горах... Кончив свое дело, Апис поднялся и оглядел группу пикадоров, окружавших Вилламарты, одного за другим, изучая их лица с серьезностью существа, равного им по уму, и с беспощадной решимостью мастера своего дела. Это было еще страшнее, чем когда он чистил свои рога...

— А они что? — спросил я.

— Они, как и зрители, были парализованы быком. Перестали гарцевать, принимать позы, вызывать его, кричать угрозы. Только один из них прервал молчание каким-то возгласом, и Апис немедленно повернул к нему голову. И так он стоял неподвижно, в одиночестве, раз-

думывая о судьбе тех, которые были в его власти. Вдруг раздался призывный звук трубы: сигнал, чтобы пустились в ход бандериллы, которые обычно вонзают в плечи быков, когда их шейные мускулы утомлены долгой работой на арене. Почувствовав боль, бык задерживается на мгновение, а бандерильерос пользуется этим, чтобы грациозно отскочить в сторону. Впрочем, такое можно проделывать только с быками, которые не думают...

Услыхав трубный сигнал, юный бандерильерос механически повиновался с видом обреченного. Он выступил вперед, нацелил дротик и, запинаясь, начал бормотать фразы, которыми бандерильерос обычно сопровождает метание дротиков... Я не могу утверждать, что Апис пожал плечами, но, во всяком случае, он свел этот эпизод к самому жалкому фарсу. Он начал кружиться вокруг юнца, заставив его забыть, как нужно принимать великолепные позы. Чтобы понравиться публике, бык изучал его с разных сторон, подобно неумелому фотографу, который не может найти нужной точки для съемки. Бык подставлял все части своего тела, кроме плеч. То и дело он показывал, что хочет броситься на юношу. До чего он был жесток и в то же время непринужденно комичен! Его намерения были ясны. Он играл, стремясь одновременно вызвать смех у зрителей и ужас у потерявшего всякое мужество бандерильероса...

И он достиг своей цели. Бандерильерос повернулся и позорно побегал к барьеру. Но Апис очутился около него раньше, чем умолк смех.

Он проскочил мимо него и головой отогнал его влево. Рога он держал направленными вбок, почти касаясь груди своей жертвы. Он не хотел допустить, чтобы бандерильерос убежал в безопасное место. Некоторые из группы пикадоров хотели броситься на выручку, чтобы отвлечь Аписса. Вилламартти крикнул: «Оставьте! Если он хочет до него добраться, никто ему не помешает!» И они остановились... Сам ли бандерильерос поскользнулся, Апис ли ткнул его мордой — этого я не заметил, но, во всяком случае, юноша упал на землю, громко рыдая. Апис остановился, как автомобиль, у которого нажали на все тормоза, основательно обнюхал упавшего... и отошел прочь!

Представление было окончено. Апису оставалось только очистить арену от второстепенных действующих лиц. О, с каким искусством это было сделано! Неожиданно он встрепенулся — драматический жест! — словно впервые увидал всех этих людей. Затем он двинулся... Над барьером мелькнули разноцветные панталоны беглецов, и Апис остался один на арене.

Мы с Кристофом дрожали от возбуждения. Апис впутался в драму, в которой он не подражаемо разыграл первые три акта. Но дальше... Он довел зрительный зал до крайних пределов напряжения, но вместе с тем исчерпал все свои возможности. От победы до поражения — один шаг... Мы видели, что вооруженные стражники, которых всегда посылают на такие зрелища для поддержания порядка, держат свои винтовки наготове. Они ожидали приказа,

чтобы стрелять в Аписса, как стреляют в быка, если тот перепрыгнет через барьер к зрителям...

Буарон утопил это воспоминание в шампанском и вытер бороду.

— В этот момент судьба послала для достойного финала не кого иного, как матадора Чистó, которого поначалу я принял за бездарного ремесленника. Оказалось же, что этот человек в душе был артистом. Он двинулся по арене к быку, спокойный и уверенный. Апис удивленно смотрел на него...

Чистó с плащом в руках встал в позу и крикнул быку, как равному: «Ну-с, сеньор, теперь мы кое-что покажем почтенным кабальеро!..» И он спокойно направился к уму Апису, который (мы это знали) одним ударом мог, если бы захотел, уничтожить его.

Дорогой друг мой, я хотел бы дать вам хотя бы отдаленное представление о непритворном добродушии, юморе, деликатности, с каким Апис, великий артист, ответил на это приглашение. Казалось, маэстро, утомленный работой в мастерской, по-домашнему расстегнув жилет, принимает не лишенного таланта ученика. Между ними мгновенно установилось взаимное понимание. И это имело свои основания.

Кристоф шепнул мне: «Теперь все в порядке. Чистó всю жизнь провел среди быков. Это сразу видно. Он был пастухом. Теперь все обойдется...»

Противники некоторое время примеривались, словно определяя, на какое расстояние можно приблизиться друг к другу. Тут Вилламарт-

ти позволил себе непростительную дерзость. Он вышел на арену, чтобы поддержать свою репутацию. И Апис встретил его... Он сразу загнал Вилламарты за барьер и начал топтать ногами и фыркать, словно говорил: «Вон отсюда! Я занят с артистом». И Вилламарты удалился, навеки потеряв свою репутацию... Апис вернулся к Чистó. Казалось, он извинялся: «Простите, что пришлось прервать вас. Я не всегда могу распоряжаться своим временем. Мы, кажется, говорили, дорогой коллега...» Игра возобновилась.

Из уважения к Чистó Апис выбрал себе мишенью внутренний край плаща, тот край, который ближе всего к телу матадора. Апис верил матадору так же, как и Чистó доверял ему. На этот раз он позволил человеку взять на себя руководящую роль, приспособляясь к нему с неподражаемым здравым смыслом, искусством и темпераментом. Он позволил Чистó попеременно то загонять его в тень, то выставлять во всем великолепии, как того требовали восхищенные зрители. Он то неистовствовал, то притворялся, будто терпит поражение, то принимал позу отчаяния и покорности судьбе и тут же раздражался новым приступом ярости — и все это как истинный артист, который знает, что он является лишь изобразителем чувства и не должен следовать ему вне своей роли.

Апис вдохновил Чистó. Казалось, грация и красота юности вернулись к этому почтенному быкобойцу. Утренняя заря отразилась во всем великолепии в заре вечерней...

Все уменьше Чистó было в распоряжении Аписа; Апис с признательностью отвечал на маневры матадора всем, чему научился на ферме, в Арле, на пастбищах. Он посылал вокруг Чистó, словно поток смерти; казалось, он вот-вот прыгнет к нему на плечи, он едва не задевал рогами человека, то с одной, то с другой стороны пронесая мимо него с грозным ревом и хрипом. Один или два раза (это было просто неподражаемо!) он взвивался на дыбы перед матадором, и Чистó должен был буквально выскальзывать из готовой обрушиться на него лавины грузного тела.

Эти двое артистов держали всех в таком напряжении, что пять тысяч праздных зевак не издавали ни звука, словно онемев, и только слышно было их дыхание, точно помпа работала. В конце концов это стало невыносимо. Оба они, человек и бык, поняли, что мы нуждаемся в передышке. И они перешли на буффонаду. Чистó отступил немного и начал дразнить Аписа словами. Апис же делал вид, что никогда не слышал таких речей. Он изображал крайнее негодование. Зрители ревели от восторга. Затем Чистó перешел на другую игру. Он позволил себе вольности с коротким хвостом быка, на конце которого он повис, между тем как Апис делал пируэты.

Чистó словно вновь стал пастухом — грубым, беззаботным, жестоким, но понимающим. Апис же всегда был клоуном.

В продолжение этой игры Апис все время приближался к воротам, через которые бы-

ки входят на арену. Слыхали ли вы когда-нибудь, чтобы хоть один из них вышел живым через эти ворота? Однако мы с Кристофом понимали, к чему клонил Апис: он рассчитывал, что Чистó спасет его, подобно тому как он пощадил матадора. Жизнь дорога каждому. Артисту, который в одну жизнь проживает много жизней, она тем более драгоценна...

И Чистó не обманул быка. Когда никто в зале не мог уже больше смеяться, старый матадор внезапно накинул свой плащ Апису на спину, одной рукой обнял его за шею, а другую протянул к воротам — гордым жестом,

который мог бы сделать разве что Вилламарты, молодой и самодовольный, но никак не простой пастух, и крикнул: «Сеньоры, откройте ворота для меня и моего маленького ослика...»

И они открыли, пропустили человека и быка и захлопнули створки за ними.

Что было потом!.. Все зрители, от мэра до последнего стражника, сошли с ума на добрых пять минут, пока не загремели трубы и на арену не выбежал пятый бык, не умеющий думать, черный андалузский бык. Его, вероятно, заколол кто-нибудь. Но я уже, мой дорогой друг, не смотрел больше на арену...

На 1-й стр. обложки — рисунок Н. ГРИШИНА
к рассказу С. Жемайтиса «Остров забытых ро-
ботов».

На 2-й стр. обложки — рисунок П. ПАВЛИНОВА
к повести М. Афремовой «Болота осушающий».

На 3-й стр. обложки — рисунок Г. ФИЛИППОВ-
СКОГО к рассказу Редьярда Киплинга «Умный
Апис».

Редакционная коллегия: А. Г. АДАМОВ, А. П. ДНЕПРОВ,
А. П. КАЗАНЦЕВ, А. А. НОДИЯ, Ю. Б. САВЕНКОВ, В. С. САПАРИН,
Н. В. ТОМАН, В. М. ЧИЧКОВ.

Редакторы выпуска: О. СОКОЛОВ, В. ОСТРОУМОВ
Художественный редактор Т. ПРОКУДИНА
Технический редактор Н. ТУРКИНА

Рукописи не возвращаются.
Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Адрес редакции: Москва, А-30, Суцеская, 21. Тел. 251-15-00,
доб. 4-10.

Сдано в набор 27/III 1969 г. Подп. к печ. 15/V 1969 г. А04808.
Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 10,5. Тираж
300 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 676.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Москва, А-30, Суцеская, 21.

В ближайших номерах
«ВОКРУГ СВЕТА»:

документальная
приключенческая
повесть
Филиппа Ганье-Реймона
«Английская игра».

Цена 20 коп.

ФАНТАСТИКА ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ФАНТАСТИКА ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ВОКРУГ СВЕТА

Журнал основан в 1861 году.

Научно-художественный
ежемесячный журнал ЦК ВЛКСМ
путешествий, приключений и фантастики

